

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2021. Т. 12. № 3

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Исторические науки

- 07.00.02 – Отечественная история
- 07.00.03 – Всеобщая история
- 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы
исторического исследования
- 07.00.15 – История международных
отношений и внешней политики

Политические науки

- 23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология
политической науки
- 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии
- 23.00.03 – Политическая культура
и идеологии
- 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального
развития
- 23.00.05 – Политическая регионалистика.
Этнополитика
- 23.00.06 – Конфликтология

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2021. Vol. 12. No. 3

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, г. Москва

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; директор Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; научный сотрудник Университета Неаполя им. Федериго II, Италия

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies, Moscow, Russian Federation

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Aleksandr (Alek) D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor at the Chair “Computer Law”, National Research Nuclear University “Moscow Engineering Physics Institute” (MEPhI), Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies “Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies”, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University, Russian Federation

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

В.В. Черемухин

Гражданский чиновник в условиях
военного времени: «белый» киевский губернатор
А.Г. Чернявский 11

П.А. Рыбаков

Колхозное строительство в Московской области
в начале 1930-х годов: проблемы и трудности 26

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

И.Ю. Волкова

Формирование императорского культа в I в. до н.э.
и римская религиозная традиция 39

С.О. Сироткин

Раскол аболиционистского движения в США:
позиция Уэнделла Филлипса 56

В.А. Подольский

Предпосылки формирования
социального государства в Великобритании
во второй половине XIX – начале XX вв. 67

О.Ю. Очереднюк

Сенатор Маргарет Чейз-Смит
как первый представитель
оппозиции маккартизму 85

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Трифонова

«Никаких верных известий из Польши
мы не имеем, кроме Газет...».
Неформальная коммуникация в восприятии
Польского восстания 1830–1831 гг. на примере
«Дневника князя Д.М. Волконского» 97

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

А.С. Гомелаури

Французская «мягкая сила» в условиях пандемии:
ограничение традиционных путей влияния 114

М. Хагбин, А.Н. Животенков

Позиция Ирана по ратификации Конвенции
о правовом статусе Каспийского моря
в контексте интеграционных процессов на Каспии 122

Contents

RUSSIAN HISTORY

V.V. Cheremuhin

Civil official in wartime conditions:
“White” Kiev governor A.G. Chernyavsky 11

P.A. Rybakov

Collective farm construction
in the Moscow region in the early 1930s:
Problems and difficulties 26

GENERAL HISTORY

I.Yu. Volkova

The formation of the cult of emperors
in the I century BC
and the ancient sacred tradition in Rome 39

S.O. Sirotkin

The split of the abolitionist movement
in the United States:
The position of Wendell Phillips 56

V.A. Podolskiy

Background of the emergence
of the welfare state in Great Britain
in the second half of the XIX –
early XX centuries 67

O.Yu. Ocherovnyuk

Senator Margaret Chase Smith as the first member
of the opposition to McCarthyism 85

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

S.A. Trifonova

“We do not have any reliable news from Poland
except for Newspapers...” Informal communication
in the perception of the Polish Uprising
of the 1830–1831 on the example
of “The Diary of Prince D.M. Volkonsky” 97

POLITICAL PROBLEMS
OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

A.S. Gomelauri

French “soft power” in the context of the pandemic:
Limiting traditional ways of influence 114

M. Haghbin, A.N. Zhivotenkov

Iran’s position on the ratification
of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea
in the context of integration processes in the Caspian 122

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-11-25

В.В. Черемухин

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Гражданский чиновник в условиях военного времени: «белый» киевский губернатор А.Г. Чернявский

В статье на разных видах исторических источников реконструируется система управления, созданная Вооруженными силами Юга России в Киеве в момент нахождения там войск добровольцев в августе-декабре 1919 г. Основной проблемой исследования является определение роли гражданского губернатора в местном управлении Киевской губернией в условиях Гражданской войны. В целом управление местностями было предоставлено военным чинам, чьи распоряжения и управленческие способности не всегда приводили к качественному управлению городским хозяйством. Главным предметом исследования являются действия, распоряжения и статус киевского губернатора, чей пост занял последний губернатор Екатеринославской губернии А.Г. Чернявский. Результаты исследования показали, что Чернявский находился в сложном положении, пытаясь выполнять возложенные на него обязанности по охране законности и правопорядка в городе, но, вместе с тем, не до конца контролировал деятельность местного самоуправления, которое принимало решения в обход высшей власти. По этой причине Чернявский имел административные взыскания от Командующего войсками Киевской области, а также нередко вступал в конфликт с местным самоуправлением. Введением должности губернатора лидеры

© Черемухин В.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Белого движения хотели заложить основы для будущего управления территорией, однако, не наделив его должным количеством обязанностей, создавали «лишний» элемент в системе местного управления, который не мог найти себе административной «ниши» в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война в России, губернатор, гражданская власть, Киев, Киевская губерния, Вооруженные силы Юга России, местное самоуправление

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Черемухин В.В. Гражданский чиновник в условиях военного времени: «белый» киевский губернатор А.Г. Чернявский // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 11–25. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-11-25

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-11-25

V.V. Cheremuhin

Moscow Pedagogical State University,
119435, Moscow, Russian Federation

Civil official in wartime conditions: “White” Kiev governor A.G. Chernyavsky

The article restores the control system created by the Armed Forces of the South Russia in Kiev at the time of the presence of volunteer troops there in August-December 1919. The main problem of the study is to determine the role of civil Governor of the local management of the Kiev province in the Russian Civil War, where the main role in the management of assigned military ranks, whose orders and managerial skills did not always lead to quality urban governance. The main subject of the study is the actions, orders and status of the Kiev governor, whose post was taken by A.G. Chernyavsky. The governor was in a difficult position, performing the functions assigned to him, but did not fully control the activities of local self-government. Chernyavsky received administrative penalties from the Commander of the troops of the Kiev region, and also entered into conflicts with the local government. By introducing the post of governor, the leaders of the White movement wanted to lay the foundations for the future administration of the territory; however, without giving him

the proper amount of responsibilities, they created an “extra” element in the local government system that could not find an administrative “niche” for himself during the Russian Civil War.

Key words: Russian Civil War, governor, civil power, Kiev, Kyiv, Kiev province, Armed Forces of South Russia, local government

FOR CITATION: Cheremuhin V.V. Civil official in wartime conditions: “White” Kiev governor A.G. Chernyavsky. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 11–25. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-11-25

Исследование гражданских конфликтов является неотъемлемой частью национальной историографии стран, где такие столкновения имели место. Вместе с общественным дискурсом, который крайне болезненно воспринимает такие темы, профессиональные исследователи вынуждены прибегать к более детальному изучению подобных процессов. Объективное отражение действительности ушедших в историю событий в таком случае крайне важно для того, чтобы общество могло понять такие сложные события не только в общем, но и в деталях.

В последние годы в историографии Гражданской войны в России намечился значительный прогресс в области ее изучения. Выходят не только массовые исторические труды ведущих специалистов, но также публикуются сборники воспоминаний и документов, проливающих свет на природу конфликта. Концепт «гражданская война» все чаще заменяется на более обобщающий термин «гражданский конфликт».

В зарубежной историографии появляются существенные попытки рассмотреть гражданскую войну в русле политической теории. Так, итальянский исследователь Д. Агамбен проследил, что в дискурсе представление о гражданской войне возникает на основе древнегреческого слова *Stasis* и определяется возникновением противостояния за пределами собственного дома, но на границе города [1, с. 22–23].

Гражданская война в России остается достаточно неизученным периодом. Зачастую исследования, посвященные локальным проблемам, не учитываются или нивелируются на более высоком научном уровне. И одной из таких сторон является проблема определения места гражданских чиновников в системе управления регионами в годы «Русской Смуты».

Рассмотреть данную проблему можно на примере деятельности гражданского губернатора Киевской губернии А.Г. Чернявского,

который занял свой пост в сентябре 1919 г., когда Киев и ближайшие территории были заняты Вооруженными силами Юга России. На основе разного рода материалов мы попытаемся реконструировать систему управления Киевом и окрестностей на протяжении августа-декабря 1919 г., а также определить место и роль киевского губернатора в этом механизме.

Войска Вооруженных сил Юга России во второй половине 1919 г., развивая наступление согласно «Московской директиве», стремительно занимали огромные территории. Последовательно летом 1919 г. были освобождены от большевиков территории Екатеринослава, Харькова, Киева и других городов на Юге России. Получая под свой контроль огромные пространства, белое командование стремилось не только наладить управление территориями, но и организовать власть, которая соответствовала бы моменту Гражданской войны. На юридическом уровне Особым Совещанием Вооруженных сил Юга России, которое выполняло роль правительства, был разработан ряд документов, определявших структуру управления на освобожденных от большевиков территориях.

Согласно положениям, при освобождении местностей власть переходила к военным чинам, которые отвечали за безопасность граждан, а также к упраздненным большевиками досоветским органам управления в лице городской управы и городской думы. Эти структуры традиционно занимались вопросами хозяйственной жизни города, отвечали за порядок и снабжение города и его жителей всем необходимым. Такой симбиоз организационных структур дополнялся новыми чиновниками. Наряду с городским головой главным властным лицом в городе является военный комендант, который, подчиняясь вышестоящим руководителям, отвечал за оборону города, снабжение воинских чинов и т.д.

В ряде случаев были восстановлены посты губернатора и вице-губернатора. По словам В.Ж. Цветкова, в области местного самоуправления Белому движению «предстояло найти равнодействующую интересов между “централизацией”, “бюрократизмом” и “революционной стихией»» [8, с. 681], отсесть излишнюю «политизацию» 1917 г., чтобы дать возможность земско-городским структурам предоставить населению «широкие возможности для решения многочисленных хозяйственных и социальных вопросов» [Там же, с. 694], в то время как губернатор помогал бы осуществлять оперативное руководство регионом [Там же, с. 714]. Однако несмотря на введение должности губернатора, который в дореволюционной структуре назначался императором и являлся высшим должностным лицом в губернии, сам губернатор и его заместитель получали крайне ограниченный объем полномочий.

Кроме того, в зависимости от близости линии фронта, функционал губернатора мог расширяться или сужаться.

За неполные полгода, пока действовали только что введенные в действие нормативные документы, белое руководство Юга так и не смогло унифицировать порядок назначения губернаторов. Нередки были случаи казусов, когда губернатор назначался еще до того, как конкретная территория была освобождена. Так, губернатор Курской губернии А.С. Римский-Корсаков вступил в должность в июле, в то время как сам Курск был освобожден в сентябре [11, с. 147–151]. Похожая ситуация произошла с губернатором Екатеринослава С.С. Щетининым и его заместителем Д.Н. Яновским, которые были назначены на свои посты 31 мая¹ и 26 июня² соответственно, в то время как город был взят белыми лишь 29 июня 1919 г. по старому стилю. Черниговский губернатор действительный статский советник П.С. Лопухин был назначен на свой пост в день вступления добровольцев в город, однако его назначение совпало со смертью ранее назначенного губернатора Д.А. Дьяченко, который скончался от астмы в Нежине к югу от Чернигова³.

Однако если указанные выше поселения имели статус губернских городов, то Киев отличался от положения других центров. Статус древней столицы, «матери городов русских» заметно выделял Киев на фоне других агломераций. Как верно сказал Вадим Россман, «в самой концепции столиц сливаются две самые древние и самые мистические из мистик – *мистика власти* и *мистика пространства*» [7, с. 18]. Скорее всего, по символическим причинам к освобождению Киева в августе 1919 г. было приковано внимание и антисоветской общественности на Юге, и советских властей в Центральной России. Белогвардейские издания сообщали об освобождении Киева, «освобождении столицы» и т.д. Советские издания, наоборот, призывали к скорейшему возвращению города советской власти.

Известно, что при вступлении добровольцев в город произошло историческое событие, когда в городе одновременно оказались две противоборствующие армии (объединенные галицийско-украинские силы под командованием генерал-хорунжего А. Кравса и генерал-лейтенанта М. Тарнавского и добровольческие части под командованием барона Н.И. Штапельберга), что потом неоднократно фигурировало и в воспоминаниях современников, и в пропаганде, и в исследованиях

¹ Приказ № 68 от 31 мая 1919 г. // Екатеринославские губернские ведомости (Екатеринослав). 1919. 10 августа. № 1. С. 1.

² Приказ № 91 от 26 июня 1919 г. // Там же.

³ Смерть черниговского губернатора // Черниговская газета (Чернигов). 1919. 18 (31) октября. № 1. С. 3.

историков [6]. Профессор Киевского университета Св. Владимира Н.И. Бубнов заметил, что после освобождения города «все вернулось к тому положению, в котором Киев находился до появления в нем украинцев и большевиков» [2, с. 340].

Белая власть в городе постоянно подвергалась внутренней турбулентности, а важность установления контроля над поселением заставляло белое командование прибегать к заигрыванию с киевской общественностью. Она была представлена городской управой, местными демократическими газетами (газеты «Киевская жизнь» и «Объединение») и представителями правой общественности (газета «Киевлянин») [10, с. 328–333]. Добавляло сложностей и то, что город оказался в прифронтовом положении. В его окрестностях периодически продолжались столкновения с большевиками, петлюровцами, а также просто с местными бандами.

В опубликованном письме генерала А.М. Драгомирова, который занимал в то время пост Главноначальствующего войсками Киевской области, было сказано прямо: «Мы владели только городами, но уже в ближайших окрестностях наши власть, престиж и влияние были мифом. Деревни Жуляны, Гатное, Глеваха, Рославичи (не дальше 15–30 верст от Киева) были в руках повстанцев и требовали постоянной посылки для усмирения вооруженной силы»⁴. В начале октября 1919 г. город стал ареной столкновения с большевиками, когда на сторону добровольцев встали киевские рабочие под руководством инженера Константина Кирста. Во многом именно благодаря такой неожиданной поддержке со стороны городского пролетариата белые смогли удержать город еще на некоторое время.

В этих условиях пришлось работать киевскому губернатору, чей пост в начале сентября 1919 г. занял последний дореволюционный екатеринославский губернатор Андрей Гаврилович Чернявский (1867–1937). Чернявский был «южанином». Он происходил из херсонских дворян, а образование получил в Новороссийском университете. Занимал посты вице-губернатора и губернатора в Тифлисе. Позже служил в Вятке, Минске и Екатеринославе. Последний минский губернатор князь В.А. Друцкой-Соколинский, занявший пост в прифронтовом Минске в августе 1916 г., вспоминал своего предшественника Чернявского как администратора, «боявшегося генералов как огня» [4, с. 90], которые, по сути, подчиняли его действия своим распоряжениям.

⁴ Ганин А.В. «У нас в сущности еще регулярной армии нет...». Письмо командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1-2. С. 261.

Сам губернатор отличался непоследовательностью кадровых решений, внесивших беспорядок в управление уездами [4, с. 90–91]. Вятские историки отмечают, что Чернявский сделал для города много хорошего. Так, при нем были открыты дом для инвалидов войны и учительский институт. Кроме того, в условиях войны Чернявский вел борьбу с пьянством, в чем он поддерживал инициативы Вятской городской думы⁵.

А.Г. Чернявский поддержал Февральскую революцию. О своей поддержке Временного Правительства он объявил вместе с начальником гарнизона Екатеринослава, а также распорядился расклеить объявления с предписанием «беспрекословно подчиняться распоряжениям нового правительства»⁶. С должности в Екатеринославе губернатор был снят 6 марта 1917 г., когда старый губернаторский корпус был заменен губернскими комиссарами Временного Правительства. Позже Чернявский был уволен из Министерства внутренних дел по болезни, что часто являлось формальным основанием для увольнения в революционный год.

Доподлинно неизвестно, чем занимался Чернявский вплоть до назначения на должность губернатора в 1919 г. С большой долей вероятности после увольнения он вернулся в родные края, где встретил Гражданскую войну и перешел на сторону антибольшевистской власти. Помимо Чернявского и других губернаторов, в тылу добровольческих войск находилось достаточное количество представителей старого управленческого аппарата [3, с. 50, 136–137, 163]. Многие уезжали в эмиграцию через Константинополь, другие же продолжали проживать на Юге. Очень часто местом пребывания бывшие чиновники избирали Черноморское побережье. Чернявский, скорее всего, проживал на территориях, которые были оккупированы немецкими войсками по Брест-Литовскому миру 1918 г., однако о его работе в это время не сообщается.

Восстановление должности губернатора в сентябре 1919 г. было своеобразным символическим жестом, который знаменовал переход власти из рук военных в руки гражданских чиновников. Военный губернатор генерал А.Э. Бредов остался комендантом города, а Чернявский назначался гражданским губернатором. Общественность приветствовала восстановление должности в городе. Газета «Киевская жизнь» акцентировала внимание на том, что в будущем органы власти должны быть заменены избранными «нормальными управой и думой, опирающимся

⁵ Фоминых А. Статский советник. ГТПК «Вятка». URL: <https://www.gtrk-vyatka.ru/proect/worogpeace/1812/14936-statskijj-sovetnik.html> (дата обращения: 01.04.2021).

⁶ Вести из провинции // Киевлянин (Киев). 1917. 6 (19) марта. № 65. С. 2.

на избрание широких кругов населения», поэтому назначение Чернявского являлось первым шагом в направлении демократизации⁷. Правый «Киевлянин» замечал, что губернатор будет являться не только административной, но и политической фигурой, а «восстановление губернаторской власти знаменует собою грань, позади которой смертельная угроза самому бытию государства»⁸. Слова журналистов «Киевлянина» дополнялись мыслями и о том, что по сравнению с периодом дореволюционным, когда назначение губернатора «было заурядным делом управления», в момент войны такое назначение должно иметь большое значение как для власти, так и для общества, ведь таким жестом формировалась мысль о постепенном построении единого государства⁹.

Чернявский и его заместитель вице-губернатор Е.О. Холецкий¹⁰ прибыли в Киев 31 августа 1919 г. (по старому стилю). Во время встречи с чинами управления Чернявский призвал сотрудников «на совместную дружную, но, вместе с тем, и тяжелую работу, на пользу всей губернии, всем национальностям»¹¹. Однако знакомство губернатора и его заместителя с общественностью и даже консульским корпусом не давало четкого определения их функциям. С одной стороны, Чернявский являлся самостоятельной фигурой и должен был следить за законностью действий властей на занимаемых территориях губернии, подчиняясь Главноначальствующему войсками Киевской области, а также, четко следуя «Временному положению об управлении», нес ответственность перед управлением внутренних дел Особого Сопровождающего. Но с другой стороны, губернатор не был самостоятельной фигурой. В.В. Шульгин говорил о нем не иначе, как о «помощнике генерала Бредова» [12, с. 157], а в сравнении с Л.Д. Троцким называл его «милым губернатором» [12, с. 158]. Любопытно то, что в своих многостраничных воспоминаниях Шульгин вспомнил Чернявского лишь раз, и то в контексте его вступления в должность, что может говорить о том, что он общался с ним мало, а также о том, что губернатор не являлся масштабной фигурой.

Первым важным событием вступления в должность являлась публикация циркуляра начальникам уездов, в котором была отмечена важность неукоснительного следования закону. Начальники уезда наделялись полномочиями в соответствии с «Временным положением о гражданском управлении» и при исполнении своих обязанностей

⁷ [Передовица] // Киевская жизнь (Киев). 1919. 13 (26) сентября. № 16. С. 1.

⁸ Новый киевский губернатор // Киевлянин (Киев). 1919. 31 августа. № 9. С. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Подробности биографии неизвестны.

¹¹ Речь губернатора А.Г. Чернявского в Городской Управе // Киевлянин (Киев). 1919. 5 сентября. № 13. С. 2.

должны были «сочетать доступность с престижем власти и быть в постоянном контакте на деловой почве с общественными и политическими деятелями, сохраняя за собою центральное превалирующее положение беспристрастной власти»¹². За такой циркуляр Шульгин назвал губернатора «милым», но в то же время заметил, что такой приказ был «лишь словом», ведь «деникинская диктатура – это диктатура на словах» [12, с. 159]. Киевское «Объединение» констатировало, что «циркуляр, обращенный уездной власти, по своему значению выходит за пределы административных инструкций, которые все... время интересовали только подвластное ведомства... власть должна выбираться свободно, не стесняя себя также партийными и бюрократическими ярлыками, иначе циркуляр может остаться только превосходной теорией»¹³.

Круг обязанностей губернатора был ограничен. Под его подписью выходили приказы о проведении мобилизации военнообязанных в государственную стражу, о сдаче оружия местным властям и т.п. Чернявский находился в сложном положении, являясь фактически заместителем и помощником военного коменданта А.Э. Бредова.

Остаются не совсем понятными отношения губернатора и градоначальника города. Последний является военным чиновником и подчинялся напрямую военному коменданту с обязанностями губернатора. Должность градоначальника была введена 12 сентября (по старому стилю)¹⁴. Его функции также не отличались стабильностью: периодически он отвечал за организацию увеселительных мероприятий в городе и борьбу с азартными играми¹⁵, курировал надзор за исполнением требований военных властей¹⁶ и даже осуществлял контроль над утверждением состава городской управы. За небольшой период обязанности градоначальника исполняли, сменяя друг друга, генералы Данилов и Софронов.

В постоянном контакте губернатор состоял с местным самоуправлением, деятельность которого курировал. Некоторое время Чернявский осуществлял контроль над земскими учреждениями, которые были восстановлены в городе лишь 15 ноября по старому стилю. О работе губернского земства практически ничего неизвестно, кроме того, что для его организации в городском бюджете не хватало средств¹⁷.

¹² К введению гражданской власти // Киевлянин (Киев). 1919. 7 сентября. № 15. С. 2.

¹³ [Передовица] // Объединение (Киев). 1919. 8 (21) сентября. № 11. С. 1.

¹⁴ Организация власти в Киеве // Киевлянин (Киев). 1919. 12 сентября. № 19. С. 2.

¹⁵ Борьба с азартом // Там же. 31 октября. № 56. С. 2.

¹⁶ Приказ по Киевскому градоначальству // Там же. 16 октября. № 44. С. 1.

¹⁷ В Киевском губернном земстве // Там же. 15 ноября. № 69. С. 2.

Примечательно, что за несколько месяцев пребывания в городе Чернявский практически ни разу, не считая момента вступления в должность, не выступил в печати с интервью или публичным заявлением. Для сравнения екатеринославский губернатор С.С. Щетинин, который руководил губернией, являвшейся вотчиной «махновского движения», выступал с критикой отдельных проявлений нездорового поведения общественности. Так, он решил самостоятельно и жестко бороться с азартными играми, приобретенными в Екатеринославе большой масштаб. Доходило до того, что участники игр заседали даже в помещении Союза георгиевских кавалеров, о чем он заявил в достаточно жестком интервью¹⁸. Губернатор А.С. Римский-Корсаков за время пребывания в Курске, по сути, на острие военного противостояния, выступил с открытым пространным интервью в местном «Вечернем времени». В беседе с прессой губернатор обозначил приоритеты власти в критический момент¹⁹. Чернявский выделяется своей непубличностью. В печати имели хождение лишь его приказы и циркуляры или же он упоминался в контексте как участник отдельных мероприятий²⁰. Объяснений такой не публичности у нас пока нет, однако это важный маркер для главы местной администрации.

«Рыхлый» набор обязанностей Чернявского повлек за собой и значительные проблемы, виной которых был он сам и по факту практически неуправляемое местное самоуправление. Самым известным и печальным кризисом, через который пришлось пройти администрации Киева, был «управский кризис» по названию органа управления – городской управы. Суть кризиса сводилась к простой ситуации. В состав управы без санкции губернатора вошел гласный И.А. Ладыженский. Подробности его биографии остаются неизвестными, но точно установлено, что в состав управы он вошел от еврейского блока и был единственным представителем от этого объединения [12, с. 149]. Большую часть управы составляли представители кадетской фракции, в меньшинстве были эсеры и эсдеки, один гласный был от «Польского коло». О Ладыженском было доложено Главноначальствующему, который запретил ему присутствовать на заседаниях управы. Губернатору Чернявскому было «поставлено на вид» (сделано замечание), а начальнику отдела губернского управления Безобразову был объявлен выговор²¹.

¹⁸ Екатеринославские клубы // Екатеринославский вестник (Екатеринослав). 1919. 19 сентября. № 104. С. 2.

¹⁹ Беседа с курским губернатором А.С. Римским-Корсаковым // Вечернее время (Курск). 1919. 4 (17) октября. № 3. С. 1.

²⁰ Прибытие в Киев ген. А.М. Драгомирова // Киевлянин (Киев). 1919. 18 сентября. № 23. С. 2.

²¹ Приказы Главноначальствующего Киевской Областью // Там же. 17 октября. № 45. С. 1.

Кризис не закончился. Городские гласные под руководством исполняющего обязанности городского головы П.Э. Бутенко в знак протеста сложили с себя полномочия и вышли из состава управы²². Кризис получил широкий резонанс. «Киевская жизнь» сказала, что «утрата прогрессивной общественностью управских позиций к моменту [городских] выборов в значительной степени ухудшает для нее условия выборной борьбы; надо иметь в виду те роковые последствия, которое имело бы неправильное распределение избирательных округов. Но раз ошибка сделана, не следует ее усугублять»²³. «Киевлянин» в ответ на публикацию «Киевской жизни», в котором звучал призыв противопоставить «шульгинскому блоку» на грядущих выборах «государственно-демократический», ответил, что «внепартийный блок русских избирателей» (ВБРИ) (фактическим лидером являлся сам Шульгин), который с 1917 г. представлял «русскую партию» в городе, отказывался принимать участие в работе управы даже в новом созыве²⁴. «Объединение» призвало к скорейшему урегулированию ситуации и не одобрило самороспуск управы: «Инцидент грозит превратиться в конфликт вредный и ненужный. Среди прений прозвучал трезвый голос представителя конституционно-демократической фракции, который совершенно справедливо указал, что неправильные действия отдельных представителей власти отнюдь не должны быть поводом к исходам. <...> Долг общественных деятелей, сознающих свою ответственность перед населением, состоит в том, чтобы не бросать работы, не прерывать ее тогда, когда более всего трудна, более всего нужна»²⁵. 30 октября был составлен новый список членов управы, который возглавил П.Э. Бутенко в качестве городского головы²⁶. Санкцию на одобрение нового состава управы дал уже не губернатор, а градоначальник генерал Софронов²⁷.

Один конфликт потянул за собой другой. В тот момент, когда «Киевская жизнь» сообщила о подготовке к городским выборам на основе блокового противостояния правых и левых (в этом их мысли перекликались со взглядами Шульгина, который считал этот период в глобальном

²² Уход в отставку Киевской гор[ородской] управы // Киевлянин (Киев). 1919. 19 октября. № 47. С. 2.

²³ [Передовица] // Киевская жизнь (Киев). 1919. 24 октября (6 ноября). № 45. С. 1.

²⁴ Новый состав городской управы // Киевлянин (Киев). 1919. 27 октября (9 ноября). № 53. С. 3.

²⁵ Управский кризис // Объединение (Киев). 1919. 18 (31) октября. № 40. С. 1.

²⁶ Назначение П.Э. Бутенко гор[ородским] головою // Киевлянин (Киев). 1919. 5 ноября. № 60. С. 2.

²⁷ Новая Киевская городская управа. (Приказ по Киевскому градоначальству от 30 октября 1919 г.) // Там же. 31 октября (12 ноября). № 56. С. 2.

смысле периодом противостояния социализма и национализма²⁸), между губернатором и городской управой возник новый конфликт. Причина состояла в подготовке списков избирателей, ответственность за составление нес комендант города генерал Бредов. Вопрос о проведении выборов, однако, инициировал не он, а городская управа, что не входило в ее полномочия. 11 сентября по старому стилю, в нарушение правил, городская управа провела особое заседание и приняла постановление о городских выборах. Для соблюдения законности губернатор подал протест в Киевский окружной суд²⁹. Суд начал свою работу очень поздно – лишь 30 октября. В тот момент добровольческие части уже стали отступать с «московского направления» и работа над проведением выборов проводились лишь в тыловых городах. Так, например, 1 декабря были проведены выборы в Одесскую городскую думу, на котором победу одержал блок правых партий [9, с. 59–94]. В Киеве, как и в других городах, где успели лишь подготовить списки избирателей и сформировать избирательные комиссии, работа по выборам городских дум была свернута. Например, в Екатеринославе к началу октября были подготовлены только материалы по переписи наличного населения³⁰, когда начались столкновения с бандами анархического лидера Нестора Махно, приведшие к захвату поселения.

На протяжении последнего месяца пребывания добровольцев в городе вышло лишь несколько циркуляров и приказов губернатора. О губернаторе не сообщала пресса, уменьшилось количество сообщений о чиновничьем аппарате. Часто публиковались приказы коменданта и градоначальника города. Последний приказ от имени губернатора был опубликован в газете «Киевская жизнь» 23 ноября (6 декабря), инициировавший призыв в государственную стражу мужчин 1885–1886 гг. рождения³¹. Приказ соответствовал моменту быстрого приближения советских войск к Киеву. После этого ни одного упоминания о действиях губернатора не значится. Скорее всего, в преддверии отступления из Киева губернатор вместе с другими членами администрации был эвакуирован из города в тыл. Советские войска захватили Киев 19 декабря по новому стилю.

²⁸ Шульгин В.В. Любовь и Ненависть // Киевлянин (Киев). 1919. 29 октября (10 ноября). № 54. С. 1.

²⁹ Дело о выборах в Киевскую городскую думу // Там же. 31 октября. № 56. С. 2.

³⁰ К городским выборам // Екатеринославский вестник (Екатеринослав). 1919. 26 сентября. № 112. С. 2.

³¹ Объявление Киевского губернатора // Киевская жизнь (Киев). 1919. 23 ноября (6 декабря). № 70. С. 1.

Местная жительница спустя несколько лет после тех событий вспоминала о добровольцах так: «Мы безнадежно цеплялись за добровольческую армию, сознавая, что цепляемся за пустое место, что спасти нас они не могут, что они еще вернее обречены на гибель, чем мы» [5, с. 221]. Большевики же, получившие власть сравнительно легко, несмотря на перестрелки в городе, перед свидетельницей событий предстали людьми, которые были явно недовольны тем, как их встречали местные жители, и не понимали, почему горожане так относятся к новой власти, ведь добровольцев они встречали более радушно.

Губернатор Чернявский оказался в жестких административных рамках, пытаясь осуществлять контроль и следить за исполнением законности, что он должен был делать в соответствии с решениями Особого Совещания Вооруженных сил Юга России, подчиняясь верховной власти в лице Главноначальствующего, в то же время губернатору было нужно вести диалог с местным городским самоуправлением. В условиях военных действий фигура губернатора должна была стать переходной по мере развития наступления Вооруженных сил Юга России на территории Правобережной Украины. С освобождением все новых и новых земель военная администрация должна была уступать место гражданской. В этих условиях губернатор стал бы обладать полнотой власти в землях Киевской губернии. Однако в силу положения на фронте, который находился на ближайших подступах к городу, последний стал прифронтовым, что свело на нет постепенный переход власти в руки гражданских чиновников.

Постоянные военные столкновения на фронте, внутренняя неразбериха в городском самоуправлении становились предметами пристального внимания Главноначальствующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова. Отсутствие выдающихся волевых качеств, при должном наличии которых Чернявский мог бы решать вопросы городского управления и без участия вышестоящего руководства, особые условия положения города в прифронтовой полосе и исключительная важность Киева для военного антибольшевистского руководства, свели роль губернатора лишь к символическому характеру, а сам губернатор не нашел для себя административной «ниши» в местном самоуправлении.

Сравнение действий губернатора Чернявского с руководителями гражданских управлений в других губерниях (Екатеринославской и Курской) показывает, что губернатор по непонятным причинам не использовал свой потенциал публичных выступлений и заявлений, трансляторами которых могла бы стать местная печать. Губернатор фактически подчинялся военному коменданту, но соседствовал с военным градоначальником, обладавшим аналогичным объемом функций.

Это свело роль губернатора лишь к изданию приказов и постановлений, а также к контролю (по факту весьма относительному) над местным самоуправлением. Губернатор, который должен был стать «мостиком» между местным самоуправлением и военной властью, не успевал стать таковым, т.к. контроль над решениями принадлежал военным, особенно в прифронтовых условиях. Губернатор в таком случае оставался лишь «гарантом законности». Историки отмечают, что военные деятели становились неудачными руководителями гражданской администрации [3, с. 155]. По этим причинам высшая гражданская администрация в «белых» губерниях во время Гражданской войны на Юге России не доказала своей эффективности в управлении, т.к. стремление ввести гражданскую власть в условиях военного времени вступало в противоречие с реальным положением дел, когда и фронту, и тылу, нужна была такая организация, в которой не было места «лишним» элементам.

Библиографический список / References

1. Агамбен Д. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2. СПб., 2021. [Agamben G. Stasis. Grazhdanskaya vojna kak politicheskaya paradigma. Homo sacer, II, 2. [II, 2. Stasis. La guerra civile come paradigma politico]. St. Petersburg, 2021.]
2. Бубнов Н.М. Сквозь череду потерь: воспоминания. М., 2017. [Bubnov N.M. Skvoz cheredu poter: vospominaniya [Through a series of losses: Memories]. Moscow, 2017.]
3. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019. [Ganin A.V. Russkiy ofiterskiy korpus v gody Grazhdanskoy vojny. Protivostoyaniye komandnykh kadrov 1917–1922 gg. [Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command personnel. 1917–1922.]. Moscow, 2019.]
4. Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству: записки русского губернатора, 1914–1918. М., 2010. [Drutskoy-Sokolinskiy V.A. Na sluzhbe Otechestvu: zapiski russkogo gubernatora, 1914–1918 [In the service of the Fatherland: Notes of the Russian Governor, 1914–1918]. Moscow, 2010.]
5. Л. Л-ой. Очерки жизни в Киеве в 1919–20 гг. // Архив русской революции. Т. III. Берлин, 1921. С. 210–233. [L. L-oh. Sketches of life in Kiev in 1919–1920. *Arkhiv russkoy revolyutsii*. Vol. III. Berlin, 1921. Pp. 210–233. (In Rus.)]
6. Машкевич С.В. Два дня из истории Киева, 30–31 августа 1919 г. Киев, 2010. [Mashkevich S.V. Dva dnya iz istorii Kiyeva, 30–31 avgusta 1919 g. [Two days from the history of Kiev, August 30–31, 1919]. Kiev, 2010. (In Rus.)]
7. Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М., 2013. [Rossman V. Stolitsy: ikh mnogoobraziye, zakonomernosti razvitiya i peremeshcheniya [Capitals: Their diversity, patterns of development and movement]. Moscow, 2013.]

8. Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М., 2019. [Tsvetkov V. Zh. Belaye delo v Rossii: 1917–1919 gg. [White matter in Russia: 1917–1919]. Moscow, 2019.]
9. Чемакин А.А. Лебединая песня «черной сотни»: «Христианский трудовой блок» и выборы в Одесскую городскую думу 1 декабря 1919 г. // Вопросы национализма. 2016. № 2 (26). С. 59–94. [Chemakin A.A. Swan Song of the “Black Hundred”: “Christian Labor Bloc” and the elections to the Odessa City Duma on December 1, 1919. *Voprosy natsionalizma*. 2016. No. 2 (26). Pp. 59–94. (In Rus.)]
10. Черемухин В.В. «Белый Киев»: жизнь города со страниц «Киевлянина» // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (8–9 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Д.А. Цыплаков. Новосибирск, 2019. С. 328–333. [Cheremukhin V.V. “White Kiev”: The life of the city from the pages of the “Kievlyanin”. *Grazhdanskaya vojna: mnogovektornyy poisk grazhdanskogo mira*. D.A. Tsyplakov (ed.). Novosibirsk, 2019. Pp. 328–333. (In Rus.)]
11. Черемухин В.В. «Сейчас не до политики»: губернатор А.С. Римский-Корсаков // Молодой ученый. 2019. № 8 (246). С. 147–151. [Cheremukhin V.V. “Now there is no time for politics”: Governor A.S. Rimsky-Korsakov. *Molodoy uchenyy*. 2019. No. 8 (246). Pp. 147–151. (In Rus.)]
12. Шулгин В.В. 1919 год: В 2 т. Т. 2. / Сост. А.А. Чемакин. М., 2018. [Shulgin V.V. 1919 god [1919]. In 2 vols. Vol. 2. A.A. Chemakin (comp.). Moscow, 2018.]

Статья поступила в редакцию 03.03.2021, принята к публикации 12.05.2021
 The article was received on 03.03.2021, accepted for publication 12.05.2021

Сведения об авторе / About the author

Черемухин Вячеслав Владиславович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Vyacheslav V. Cheremuhin – postgraduate student at the Department of Contemporary Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: cheremuchin_v_v@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-26-38

П.А. РыбаковМосковский финансово-юридический университет МФЮА,
117342 г. Москва, Российская Федерация

Колхозное строительство в Московской области в начале 1930-х годов: проблемы и трудности

В статье на основе привлечения архивных материалов, сведений прессы и материалов опубликованных сборников документов исследуются проблемы и трудности колхозного строительства в Московской области на начальном этапе коллективизации. К числу этих проблем в первую очередь относились вопросы организации и управления колхозами, организации труда колхозников, вопросы технической реконструкции сельского хозяйства, а также вопросы развития животноводческой отрасли. Показывается, что эти проблемы и трудности в изучаемом регионе стояли весьма остро и оказывали существенное воздействие на динамику развития коллективизации. Под их влиянием ход коллективизации в Московской области проходил чрезвычайно трудно и концу первой пятилетки в колхозы региона было объединено немногим более половины крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: коллективизация, колхозы Московской области, крестьянство, организационные проблемы коллективизации, бесхозяйственность, машинно-тракторные станции, животноводство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбаков П.А. Колхозное строительство в Московской области в начале 1930-х годов: проблемы и трудности // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 26–38. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-26-38

P.A. Rybakov

Moscow University of Finance and Law MFUA,
Moscow, 117432, Russian Federation

Collective farm construction in the Moscow region in the early 1930s: Problems and difficulties

Based on the use of archival materials, press information and materials from published collections of documents, the article examines the problems and difficulties of collective farm construction in the Moscow region at the initial stage of collectivization. These problems primarily included the organization and management of collective farms, the organization and labor of collective farmers, the technical reconstruction of agriculture, as well as the development of the livestock industry. It is shown that these problems and difficulties in the studied region were quite acute and had a significant impact on the dynamics of the development of collectivization. Under their influence, the process of collectivization in the Moscow region was extremely difficult and at the end of the first five-year plan a little more than half of the peasant farms were united into collective farms in the region.

Key words: collectivization, collective farms of the Moscow region, peasantry, organizational problems, mismanagement, machine-tractor stations, animal husbandry

FOR CITATION: Rybakov P.A. Collective farm construction in the Moscow region in the early 1930s: Problems and difficulties. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 26–38. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-26-38

Проблемы развития советского общества и государства являются предметом бурных дебатов и дискуссий. Одной из наиболее дискутируемых тем является коллективизация сельского хозяйства. Коллективизация относится к числу ключевых мероприятий советского государства, коренным образом изменившая пути развития и уклад жизни деревни. При этом весьма актуальным остается изучение организационно-

хозяйственных проблем. Вопросы технической реконструкции сельского хозяйства в период коллективизации, особенности их решения на материалах отдельных регионов страны еще не получили достаточно полного освещения.

К 1 января 1930 г. уровень коллективизации в Московской области, включавшей в то время территории бывших Московской, Рязанской, Тульской, части Тверской и Калужской губерний, составлял 12%¹. 21 декабря 1929 г. Бюро МК ВКП(б) приняло решение завершить коллективизацию сельского хозяйства области к весенней кампании 1932 г. [5, с. 307]. В дальнейшем эти планы были кардинальным образом пересмотрены. В постановлении от 18 февраля 1930 г. Бюро МК ВКП(б) уже исходило из того, что «в процессе весенней посевной кампании сплошная коллективизация области в основном будет закончена»².

Однако с самого начала колхозное строительство в Московской области сопровождалось серьезными организационными трудностями, неурядицами и неразберихой. У многих низовых партийных и советских работников, рабочих бригад, зачастую не было полной ясности и представлений о том, как вообще строить колхозы. Так, на собрании членов колхоза «Трудовик» Шиловского района Рязанского округа Московской области со стороны крестьян организатору колхоза Д. Кузнецову были заданы ряд вопросов о том, чтобы он пояснил сущность колхозов. Кузнецов на это ответил: «Хоть я и организатор колхоза, но все же сомневаюсь сам и рассказать о нем вряд ли что сумею» [цит. по: 6, с. 122]. А вот что писала «Крестьянская газета» о работе по коллективизации рабочих бригад в Елатомском районе Рязанского округа: «Прибывшие на работу по коллективизации и проведению весенней посевной кампании рабочие бригады сносно работают процентов на 30, а остальные являются простыми безучастными свидетелями того, что делается»³. Крайне плохо была поставлена разъяснительная работа по коллективизации. Так, в спецсводке Рязанского окружного отдела ОГПУ о ходе сплошной коллективизации в округе от 14 января 1930 г. отмечалось: «Руководство работой по коллективизации в районах и по селам нельзя назвать удовлетворительным. Разъяснительная работа хромает на обе ноги. Многие районные и сельские советские и партийные органы ударность и быстрые темпы работы поняли

¹ Колхозное строительство в Московской области и ошибки партийного руководства // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов обществено-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 11. Д. 901. Л. 7.

² Там же. Л. 9.

³ Живилев М. Коллективизация под Елатьмой // Крестьянская газета. 1930. № 15. 23 февраля.

по-своему – ставят вопрос о создании колхозов, не проведя достаточной разъяснительной работы» [6, с. 130].

Серьезной проблемой начального этапа коллективизации было неумелое руководство колхозами. Нередко руководителями и членами правлений колхозов являлись случайные, некомпетентные люди, пьяницы и растратчики, мало думавшие об укреплении колхозного производства. Они не могли наладить организацию труда, надлежащий уход за обобщественным инвентарем и скотом. Это видно на примере того же Рязанского округа Московской области. Так, председатель колхоза деревни Семчино Южно-Рязанского района В.В. Белов совместно с секретарем правления колхоза ежедневно пьянствовали. В результате никакого порядка в колхозе не было. Все отобранное у раскулаченных имущество растаскивалось [Там же, с. 464]. В колхозе сел Царево и Азеево Ермишинского района сутками не кормили и не поили обобщественный скот и скот, изъятый у раскулаченных. Лучшие лошади использовались членами правления для развозов и загонялись так, что часть их приведена в негодность. Уход за скотом поручался в принудительном порядке крестьянам, не вошедшим в колхоз, по очереди [Там же]. В Полтево-Пеньковском колхозе Кадомского района члены правления колхозов пьянствовали с 22 по 24 мая 1930 г. в религиозный праздник Николы, в результате чего работы не производились. Прибывшие сюда 24 мая рабочие для постройки скотного двора, не найдя на месте руководителей хозяйства, ушли обратно. Везде царил бесхозяйственность. Так, на открытом воздухе, без охраны, лежало 200 пудов картофеля, который поедался свиньями [6, с. 630]. И таких примеров было очень много.

Весьма остро ощущалась нехватка специальной литературы и необходимой информации по колхозному строительству в СМИ. Так, «Крестьянская газета» рассказывая о коллективизации в Елатомском районе Рязанского округа, отмечала: «Чувствуется недостаток в колхозах счетоводных книг, что затрудняет ведение счетоводства. Нет совсем популярной литературы по колхозному строительству, понятной рядовым членам колхозов. Мало в печати помещается таких статей по колхозному строительству, которые писались бы с мест, а также статей, разъясняющих, как будет оплачиваться труд в колхозах, как будет распределяться продукция, как будут содержаться нетрудоспособные, как колхозы будут обеспечиваться и за счет чего в случае стихийного бедствия, какую норму будут оставлять колхозникам хлеба, молока и других продуктов, как колхозники будут снабжаться промтоварами и т.д.»⁴.

⁴ Живилов М. Коллективизация под Елатьмой // Крестьянская газета. 1930. № 15. 23 февраля.

Порой даже разъяснительных инструкций и действенной помощи от высших областных инстанций окружные органы практически не получали. Так, в упомянутой выше спецсводке Рязанского окротдела о ходе сплошной коллективизации в округе говорилось: «Основным недостатком, остро отражающемся на работе Округного земельного управления (Окрузу) по сплошной коллективизации округа, является недостаток конкретного, делового руководства со стороны Мособлзу... Окрузу и районные исполнительные комитеты не могут составить конкретных устойчивых планов. Имеющиеся в Окрузу и Колхозсоюзе планы весенней посевкампании и коллективизации нельзя считать устойчивыми и реальными, так как они включают в себя ориентировочные цифры. Это вносит неуверенность и нервность в работу земельных аппаратов. В Окрузу и Окрколхозсоюзе царит полная неразбериха, последний даже не знает точно, какие функции он должен нести (Москва в этот вопрос ясности не внесла). Этому способствует также противоречивость и неясность в директивах, даваемых Мособлзу, Облколхозсоюзом и Колхозцентром. Из Окрузу выезжало в Москву целый ряд работников для разрешения некоторых специальных вопросов, связанных с колхоз-строительством, но в Москве никаких указаний по этим вопросам дано не было, говорили: “работайте так, как считаете лучше”» [6, с. 129].

Таким образом, приведенные факты говорят о том, что становление колхозного строя уже на начальном этапе испытывало серьезные трудности. Слабо была организована разъяснительная работа, которую часто проводили люди, плохо знакомые с деревенской жизнью. Серьезной проблемой была низкая компетентность руководителей и членов правлений колхозов. Еще одной проблемой было слабое взаимодействие между окружными и областными организациями в вопросах колхозного строительства. Неудивительно, что в таких условиях коллективизация нередко проходила стихийно, без должного контроля со стороны вышестоящих организаций.

Уже в начале коллективизации некоторые руководители областных организаций указывали на важность решения организационных проблем. Так, руководитель областного земотдела Логинов говорил: «Центр тяжести сейчас должен быть не в количественном развертывании коллективизации, а в том, чтобы наполнить коллективы внутренним содержанием. Если мы эти вопросы не разрешим, то можно ожидать большого отлива крестьян из колхозов из-за их организационной незакрепленности» [3, с. 182–183].

Подобные опасения были небезосновательны. Слабая разъяснительная работа, организационные трудности, неразбериха нередко служили основной причиной выхода крестьян из колхозов. Так, например,

в конце февраля 1930 г. во многих районах Рязанского округа Московской области (Шиловском, Чучковском, Южно-Рязанском, Михайловском, Тумском) окружным отделом ОГПУ были зафиксированы случаи массового выхода крестьян из колхозов. Причиной выходов являлось то, что колхозы в большинстве случаев создавались без достаточной разъяснительной и организационной подготовки, опираясь исключительно на нажим и насилие [6, с. 322]. На это обращали внимание и руководители округов. Так, на совещании секретариата МК ВКП(б) 19 февраля 1930 г. руководитель Калужского округа Н.М. Блинов говорил: «Мы уже сейчас имеем такие явления, когда недостаточно проработана организация труда, недостаточно проведено организационное закрепление и вследствие этого мы имеем ряд выходов из колхозов»⁵.

Массовые выходы крестьян из колхозов привели к резкому падению уровня коллективизации в Московской области. Если на 1 марта 1930 г. уровень коллективизации в области составлял 73%, то к началу июня 1930 г. всего лишь 7,2% [2, с. 224]. Этот уровень сохранялся без принципиальных изменений вплоть до конца 1930 г. Подобное положение сложилось и в соседних регионах. Так, например, в Ивановской промышленной области уровень коллективизации сократился с 34,6% на начало марта до 5,6% на начало июня 1930 г. Как отмечает А.К. Шустов, резкое сокращение числа колхозов объясняется крайне слабой в то время заботой об их организационном укреплении [10, с. 63]. Резкое падение уровня коллективизации наблюдалось и в других близлежащих регионах. Так, в Нижегородском крае он сократился с 48,7% на 1 марта 1930 г. до 10,1% к началу лета 1930 г., в Западной области соответственно с 38,8 до 6,7% [1, с. 80, 93]. В целом по РСФСР уровень коллективизации за этот период упал с 57,6 до 20,3% [Там же].

Создавшаяся ситуация вынудила высшее партийное руководство Московской области обратить более серьезное внимание на проблему организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Так, состоявшийся в августе 1930 г. Пленум МК ВКП(б) особое внимание уделил вопросам организационно-хозяйственного и технического укрепления колхозов. На Пленуме было принято решение усилить руководство колхозами, принять меры по налаживанию правильной организации труда и распределения доходов, развивать товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). Пленум поручил Бюро МК ВКП(б) укрепить

⁵ Стенограмма совещания при секретариате Московского комитета ВКП(б) о ходе весенней посевной кампании и коллективизации в Московской области 19 февраля 1930 г. Речь товарища Блинова // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 12. Д. 136. Л. 50.

систему сельскохозяйственной кооперации подготовленными кадрами, развернуть в области строительство не менее 20 машинно-тракторных станций, организовать в осеннюю посевную кампанию 5–10 новых машинно-тракторных колонн в каждом районе [4, с. 64–65]. Вопросы хозяйственного укрепления колхозов, организации труда и производства обсуждались и на Пленуме МК ВКП(б) в феврале 1931 г. Так, в постановлении Пленума говорилось: «Решающее значение для дальнейшего вовлечения в колхозы бедняцких и середняцких хозяйств на основах добровольности приобретают задачи правильной организации труда в колхозах, распределения его результатов и выращивания колхозных кадров. Парторганизация должна организовать конкретное оперативное руководство колхозами, добиться овладения техникой сельскохозяйственного производства, полного знания и изучения дела. Особое внимание необходимо уделить задаче организации труда, формированию бригад, выделению бригадиров, организации правильности учета труда в трудоднях и переходу к сдельным формам оплаты» [5, с. 481]. Исключительную важность решения данных проблем подчеркивало и высшее партийное руководство области. Так, председатель Мособлисполкома Г.Н. Каминский в своем заключительном слове на Пленуме говорил: «Не игра в проценты коллективизации, а упорная, повседневная работа по организации бедняков и середняков в колхозы, их организационно-хозяйственному закреплению, переводе всех работ в колхозах на сдельщину, практическая подготовка каждого отдельного колхоза к весеннему севу, выдвижение новых и новых кадров организаторов коллективного производства из среды самих колхозников – вот круг вопросов за которые в первую очередь должна бороться московская организация»⁶.

Между тем переход к сдельной оплате труда в Московской области осуществлялся довольно медленно. По неполным данным, на 1 июня 1931 г. из 14 602 колхозов перешли на сдельную оплату труда 10 043 колхоза, что составляло 68,81% от их общего числа. Наиболее отстающими по переходу на сдельщину являлись следующие районы Московской области: Высокининский (3,84%), Алексинский (7,36%) и Раменский (33%). В некоторых местах этот переход носил формальный характер и ограничился лишь принятием этого порядка оплаты труда на общих собраниях⁷. Даже руководивший областной

⁶ Заключительное слово товарища Г.Н. Каминского на V Пленуме Московского комитета ВКП(б) // V Пленум Московского областного комитета ВКП(б) (17–19 февраля 1931 года). Стенографический отчет. М., 1931. С. 120.

⁷ Конъюнктура народного хозяйства Московской области на май месяц 1931 г. // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлисполком). Оп. 1. Д. 806. Л. 73.

парторганизацией Л.М. Каганович, выступая в январе 1932 г. на III Московской областной и II городской конференциях ВКП(б), отмечал, что «фактически колхозов, применяющих сдельщину, мы насчитаем... не больше 50%»⁸.

Более пристальное внимание к проблемам организационно-хозяйственного и технического укрепления колхозов привело к росту коллективизации в Московской области в 1931 г. На конец года уровень коллективизации в области поднялся до 50,1% [2, с. 230]. Заметный рост коллективизации наблюдался и в соседних регионах. В Ивановской промышленной области уровень коллективизации в 1931 г. поднялся с 8,4% на начало года до 44,7% к концу года, в Нижегородском крае – с 12,7 до 45,2% [7, с. 484–485].

Однако в 1932 г. рост коллективизации в Московской области существенно замедлился и составил за весь год всего 2,2% [2, с. 230]. Одной из главных причин замедления коллективизации были массовые выходы крестьян из колхозов, наблюдавшиеся на протяжении всего 1932 г. Так, только в июне-июле 1932 г. из колхозов Московской области вышло более 6 тыс. хозяйств [8, с. 439.]. Основными мотивами выходов крестьян из колхозов по-прежнему были беспорядки и бесхозяйственность в колхозах [Там же].

Еще одной остро стоявшей в Московской области проблемой начального этапа коллективизации были вопросы технической реконструкции сельского хозяйства. Крестьянские хозяйства Московской области отличались исключительной отсталостью своей технической базы. Так, в 1930 г. по области имелось до 400 тыс. крестьянских хозяйств, обрабатывавших свою землю сохами⁹. Наличие машин и механизмов было незначительным: в середине 1931 г. только 2,1% колхозов имели тракторы; сноповязалки и жатки имелись в 40% коллективных хозяйств, молотилки – в 67,3% [2, с. 206]. Даже руководители областных организаций признавали крайнюю отсталость механизации сельского хозяйства. Так, выступая на V Пленуме МК ВКП(б) в феврале 1931 г., председатель Мособлисполкома Г.Н. Каминский отмечал: «Мы еще не имеем такой механизации, такой высокой техники в колхозах, которая нам нужна»¹⁰. Как отмечает А.К. Шустов, хозяйства Центрального промышленного района, к которым относилась Московская область, медленнее, чем колхозы многих зерновых районов страны, переходили от простых

⁸ Каганович Л.М. Московские большевики в борьбе за победу пятилетки. Доклад о работе Московского комитета и Московского городского комитета на III и II городской конференциях ВКП(б) 23 января 1932 г. М., 1932. С. 27.

⁹ Московская область за 1931–1934 гг. (Отчет). М., 1934. С. 160.

¹⁰ Каминский Г.Н. Колхозное строительство в Московской области. М.; Л., 1931. С. 20.

сельскохозяйственных машин и живой тягловой силы к тракторам и сложным сельскохозяйственным машинам. Эта специфическая черта развития колхозного производства в районе сохранилась до середины 1930-х гг. [9, с. 22].

Рост количества МТС в Московской области начался только с 1931 г. Так, в 1931 г. в Московской области было 35 МТС, в 1932 г. – 58, в 1933 г. – 77¹¹. Однако количество колхозов, которые обслуживались МТС, было очень незначительным. На 1 января 1933 г. не обслуживались МТС 79,1% колхозов Московской области¹². Похожая ситуация сложилась и в близлежащих регионах. Так, в Ленинградской области процент колхозов, обслуживаемых МТС, на 1 июня 1932 г. составлял 28,4%, в Ивановской промышленной области – 25,4%, в Нижегородском (Горьковском) крае – 14,1%¹³. В целом же по СССР на 1 июня 1932 г. МТС обслуживали только 34% колхозов¹⁴.

Посевная площадь колхозов, обслуживаемых МТС, тоже была невысокой: в Московской области на 1 июня 1932 г. она составляла 22% от общей посевной площади всех колхозов, в Ленинградской области – 36,1%, в Ивановской промышленной области – 32,6%, в Нижегородском (Горьковском) крае – 19,3%¹⁵.

Деятельность самих МТС в Московской области была малоэффективной. Так, в начале 1933 г. Московской контрольной комиссией и рабоче-крестьянской инспекцией (МКК-РКИ) были проведены проверки итогов работы шести МТС за 1932 г. Проверкой было выявлено, например, что Коломенская, Раменская, Можайская и другие МТС исключительно плохо использовали свою техническую вооруженность (большие простои тракторов, доходившие до 60%, перерасход горючего и смазочного материала в два раза против нормы и т.д.). Одновременно названные МТС выполнили свою годовую производственную программу 1932 г. только на 32–50%¹⁶. Так, в Коломенской МТС пашня обрабатывалась плохо, тракторы были обезличены, тракторные бригады распались, имели место частые аварии и выход тракторов из строя,

¹¹ Московская область за 1931–1934 гг. (Отчет). М., 1934. С. 161.

¹² Охват колхозов машинно-тракторными станциями на 1 января 1933 г. // Российский государственный архив экономики. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление). Оп. 76. Д. 159. Л. 11.

¹³ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С. 658.

¹⁴ Там же. С. 660.

¹⁵ Там же. С. 658.

¹⁶ Материалы к отчету МКК-РКИ – Московской областной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции на IV Московской областной и III городской конференциях ВКП(б). Январь 1932 – январь 1934. М., 1933. С. 101.

промфинплан был выполнен только на 32%, государственное имущество преступно разбазаривалось и расхищалось¹⁷.

Причины простоя и частой поломки тракторов во многом объяснялись плохой работой и неважным состоянием машинно-тракторных мастерских (МТМ). Во время проведенного МКК-РКИ в марте 1932 г. обследования 8 МТМ (Ростокинской, Рязской, Воловской, Богородицкой, Товарковской, Тепло-Огаревской, Михневской, Спартаковской) была выявлена необеспеченность мастерских квалифицированными кадрами, плохое выполнение плана ремонта тракторов (от 10 до 76%), плохое качество ремонта, слабая организация труда и неудовлетворительное состояние материально-бытовых условий рабочих¹⁸.

Серьезные нарушения фиксировались МКК-РКИ и в вопросах договорных отношений МТС с колхозами. Так, проверка в апреле 1933 г. ряда МТС выявила, что в некоторых из них (Спартаковская, Можайская, Ефремовская и др.) при заключении договоров между МТС и колхозами проявлялся формальный подход, соглашения заключались без учета полного использования мощности тракторного парка, договорами не устанавливались сроки и качество выполнения тракторных работ, расценки на отдельные виды работ не были определены. Договорная кампания в ряде МТС в срок не была проведена. В частности, Ефремовская МТС вступила в сев, не имея с колхозами договоров¹⁹.

Деятельность многих МТС была не только малоэффективной, но и нередко убыточной. Так, только за 1932 г. две МТС Московской области (Лихославльская и Волоколамская) имели убытки на общую сумму в 258 425 рублей²⁰.

Серьезной проблемой была высокая текучесть кадров МТС. Так, весной 1932 г. было 6310 трактористов (в среднем 113 на МТС). К октябрю по сводкам 33 МТС в них имелось только 1686 трактористов, или на одну МТС – 51. Текучесть составляла 55%. Воловская МТС потеряла за лето 40 трактористов, Веневская МТС – 60% состава и т.д. Причины текучести заключались прежде всего в несвоевременной выдаче трактористам авансов. Помимо того, авансы были выданы неполностью.

¹⁷ Материалы к отчету МКК-РКИ – Московской областной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции на IV Московской областной и III городской конференциях ВКП(б). Январь 1932 – январь 1934. М., 1933. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ Докладная записка о состоянии и работе машинно-тракторных станций Волоколамского, Можайского, Лихославльского, Тепло-Огаревского и Бабынинского районов // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 49. Д. 21. Л. 109.

Неправильно начислялись трудодни. Авансы натурой по трудодням часто не выдались вовсе. Трактористы плохо снабжались спецодеждой²¹.

Таким образом, техническая база в Московской области, как и в соседних регионах, была весьма отсталой. Производственная деятельность МТС была невысокой, что было связано со слабой эффективностью использования техники, плохим качеством ее ремонта. Ощущалась нехватка квалифицированных технических кадров. Остро стояла проблема достойной оплаты их труда, обеспеченности нормальными бытовыми условиями, в результате чего наблюдалась высокая текучесть кадров. Все это свидетельствует об отсутствии материально-технических предпосылок для массовой коллективизации крестьянских хозяйств в изучаемом и близлежащих регионах в начале 1930-х гг.

Не менее тревожная ситуация в начальные годы коллективизации сложилась в животноводческой отрасли. В начале 1930-х гг. общее поголовье скота в Московской области существенно сократилось. Так, численность лошадей с июля 1930 г. по июль 1933 г. уменьшилась на 430 тыс. голов, крупного рогатого скота – на 266 тыс., поголовье овец и коз на 451 тыс.²² Причем в Московской области сокращение численности почти всех видов скота было более серьезным, чем в соседних регионах. В Ленинградской области количество лошадей за тот же период уменьшилось на 138 тыс., крупного рогатого скота – на 123 тыс., овец и коз – на 171 тыс. голов; в Ивановской области – соответственно на 177,5, 158 и 26 тыс. голов; в Нижегородском (Горьковском) крае – соответственно на 270, 103 и 1249 тыс. голов²³. Причиной такого положения было то, что в Московской области широкое распространение получила практика принудительного обобществления скота, в результате чего крестьяне массово уничтожали скот. В своей речи в июле 1932 г. на Пленуме МК ВКП(б) Л.М. Каганович, говоря о причинах тяжелого положения в животноводстве, отмечал: «У нас в ряде мест имеются люди, допускающие двоякого рода ошибки: либо они вообще против того, чтобы в колхозе заниматься животноводством: без коровы в колхозе как-то проще и спокойней; либо они склонны к тому, чтобы забрать у колхозника не только корову, но и теленка. Приходят такие “леваки” к крестьянину и забирают у него и корову, и теленка»²⁴. Как пишет

²¹ Улучшить использование тракторного парка машинно-тракторных станций // За коллективизацию. 1932. № 160 (1232). 8 октября.

²² Динамика поголовья скота по Московской области в тыс. голов (на июль месяц) // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2287 (Московская областная плановая комиссия). Оп. 1. Д. 574. Л. 35.

²³ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С. 513–514.

²⁴ Каганович Л.М. Боевые задачи Московской партийной организации по подъему сельского хозяйства и укреплению колхозов. Из речи на II пленуме Московского областного комитета ВКП(б) совместно с секретарями райкомов области. М., 1932. С. 20–21.

Е.А. Кирьянова, урон, нанесенный животноводству в Московской области, так и не будет преодолен в 1930-е гг. [2, с. 207].

Таким образом, начальный этап колхозного строительства в Московской области сопровождался серьезными трудностями и проблемами. В наспех созданных колхозах была слаба трудовая дисциплина, процветали воровство и бесхозяйственность. Не хватало хороших и умелых организаторов колхозного производства. Слабым было развитие технической базы. Задача технической реконструкции сельского хозяйства в данном и близлежащих регионах к концу первой пятилетки так и не была решена. Тяжелая ситуация из-за массового уничтожения скота в начале 1930-х гг. сложилась в животноводческой отрасли. Подобные проблемы и трудности негативно сказывались на темпах коллективизации в изучаемом и соседних регионах. К концу первой пятилетки только чуть более половины крестьянских хозяйств Московской области были объединены в колхозы (53,4%), в то время как уровень коллективизации в целом по СССР составлял 61,8% [Там же, с. 210]. В соседних регионах уровень коллективизации был еще ниже. В Ивановской промышленной области он составлял 46,5%, в Нижегородском (Горьковском) крае – 45,1% [7, с. 486].

Библиографический список / References

1. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. [Ivnickij N.A. Kollektivizaciya i raskulachivanie (nachalo 30-h godov) [Collectivization and dispossession (early 30s)]. Moscow, 1994.]
2. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006. [Kiryanova E.A. Kollektivizaciya derevni Centra Rossii (1929–1932 gody) [Collectivization of the village of the Center of Russia (1929–1932)]. Ryazan, 2006.]
3. Козлова Л.А. К победе колхозного строя. Борьба Московской партийной организации за подготовку и проведение коллективизации. М., 1971. [Kozlova L.A. K pobede kolhoznoego stroya. Borba Moskovskoj partijnoj organizacii za podgotovku i provedenie kollektivizacii [To the victory of the collective farm system. The struggle of the Moscow Party organization for the preparation and conduct of collectivization]. Moscow, 1971.]
4. Козлова Л.А. Московские коммунисты в борьбе за победу колхозного строя (1927–1933 гг.). М., 1960. [Kozlova L.A. Moskovskie kommunisty v borbe za pobedu kolhoznoego stroya (1927–1933 gg.) [Moscow communists in the struggle for the victory of the collective farm system (1927–1933)]. Moscow, 1960.]
5. Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Рязань, 1971. [Kollektivizaciya selskogo hozyajstva Centralnogo Promyshlennogo rajona (1927–1937 gg.): Dokumenty i materialy [Collectivization of agriculture in the Central Industrial Region (1927–1937): Documents and materials]. Ryazan, 1971.]

6. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. [Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg.: Khronika golovokruzheniya. Dokumenty i materialy [Ryazan village in 1929–1930: Chronicle of dizziness. Documents and materials]. Moscow, 1998.]
7. Сергеев Г.С. Социально-экономическое развитие деревни нечерноземного Центра РСФСР в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Калинин, 1982. [Sergeev G.S. Socialno-ekonomicheskoe razvitie derevni nechernozemnogo Centra RSFSR v gody socialisticheskoy rekonstrukcii narodnogo hozyajstva (1926–1937 gg.) [Socio-economic development of the village of the non-black earth Center of the RSFSR during the years of socialist reconstruction of the national economy (1926–1937). Dr. Hab. Dis. Kalinin, 1982.]
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001. [Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials]. In 5 vols. Vol. 3. The end of 1930 – 1933. Moscow, 2001.]
9. Шустов А.К. Деятельность парторганизаций Центрального промышленного района по созданию и развитию материально-технической базы колхозов (1930–1937 гг.) // Аграрная политика коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939): Сб. научных статей / Отв. ред. Н.В. Корольков. Владимир, 1985. С. 19–33. [Shustov A.K. The activities of party organizations of the Central Industrial Region on the creation and development of the material and technical base of collective farms (1930–1937). *Agrarnaya politika kommunisticheskoy partii na etape stroitelstva MTS (1929–1939)*. N.V. Korolkov (ed.). Vladimir, 1985. Pp. 19–33. (In Rus.)]
10. Шустов А.К. Победа колхозного строя в Верхнем Поволжье (1927–1937 гг.). Ярославль, 1971. [Shustov A.K. Pobeda kolhoznoho stroya v Verhnem Povolzh'e (1927–1937 gg.) [The victory of the collective farm system in the Upper Volga region (1927–1937)]. Yaroslavl, 1971.]

Статья поступила в редакцию 09.02.2021, принята к публикации 06.04.2021
The article was received on 09.02.2021, accepted for publication 06.04.2021

Об авторе / About the author

Рыбаков Павел Александрович – кандидат исторических наук; преподаватель колледжа, Московский финансово-юридический университет МФЮА

Pavel A. Rybakov – PhD in History; history lecturer at the College, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russian Federation

E-mail: rybakov_ok@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-39-55

И.Ю. Волкова

Независимый исследователь,
117587 г. Москва, Российская Федерация

Формирование императорского культа в I в. до н.э. и римская религиозная традиция

Статья посвящена исследованию формирования императорского культа в Риме в I в. до н.э. Это явление имело огромную историческую значимость из-за его связи с серьезными политическими и культурными изменениями в государстве, повлиявшем на ход исторического развития древней Европы и Ближнего Востока рубежа эр. Проблема данного культа до сих пор не может считаться решенной ввиду наличия недостаточно раскрытых в свете современных исследований вопросов о его традиционно римских составляющих. Их рассмотрение является целью данной работы. Главная задача – проследить связь идеологических методов политического самодтверждения в Риме эпохи перехода от Республики к Империи с традиционными римскими представлениями, обеспечивавшими сакральный статус носителя власти. На основании рассмотренных данных делается вывод о преобладающем характере традиционных римских представлений в формировании сакрального образа носителя власти в Древнем Риме вне зависимости от формального статуса ее носителя, меняющегося в соответствии с политическими требованиями исторического периода.

Ключевые слова: Республканский Рим, Ранняя Римская империя, культ политической власти в Риме, культ правителей в Риме, божественный нумен, мана, империй, доблесть, гражданская община, Гай Юлий Цезарь, Луций Корнелий Сулла, Марк Туллий Цицерон, Фортуна, Фелицитас

© Волкова И.Ю., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Волкова И.Ю. Формирование императорского культа в I в. до н.э. и римская религиозная традиция // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 39–55. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-39-55

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-39-55

I.Yu. Volkova

Independent researcher,
Moscow, 117587, Russian Federation

The formation of the cult of emperors in the I century BC and the ancient sacred tradition in Rome

The presented article investigates the Roman Emperor Cult in the period of its formation in the first century BC, which is considered as the phenomenon of great importance as connected with significant political and cultural changes occurred in the Roman state and in the light of the role of the latter in historical development of Europe and the Middle East at the meeting-point of eras. The scientific problem of this cult cannot be regarded as a solved one as some issues concerning its traditional elements remain open. In view of that they make the aim of our research with the main goal to trace the links between ideological techniques for political self-asserting in Rome in period of transformation from Republic to Imperia and traditional Roman beliefs which ensured a sacred status of a political ruler. In accordance with the examined facts it is determined that Roman traditional sacred beliefs proved to be basic and predominate in creating the sacred image of a ruler in the ancient Rome and this did not depend on the form of his power which could change along with the historical development of the Roman society.

Key words: Roman Republic, the Early Roman Empire, the cult of political authority in Rome, the cult of Roman rulers, divine *numina*, *mana*, imperium, *virtus*, *civitas*, Gaius Iulius Caesar, Lucius Cornelius Sulla, Marcus Tullius Cicero, *Fortuna*, *Felicitas*

FOR CITATION: Volkova I.Yu. The formation of the cult of emperors in the I century BC and the ancient sacred tradition in Rome. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 39–55. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-39-55

Религиозное обоснование политического лидерства в преддверии Империи в Риме явилось одним из главных инструментов утверждения властных полномочий первых римских императоров в их стремлении к личной диктатуре. Ввиду серьезных перемен, происходивших в недрах римского общества и во внешнеполитическом положении Рима на рубеже эр, было бы логичным предположить, что значительная роль в изменении вектора идеологического развития, приведшего к установлению императорского культа в традиционно демократическом обществе, принадлежит внешнему влиянию, прежде всего со стороны эллинистического мира. Влияние эллинистических философских теорий и обычаев в стремлении римских политических деятелей найти религиозное обоснование власти, близкой по характеру к монархической и чуждой принципам римской традиции, было признано решающим в работах В.А. Мелихова, Р.Ю. Виппера, Н.А. Машкина, Я.Ю. Межеричко, Е.М. Штаерман, И.С. Свенцицкой и других отечественных историков¹. Но А.Б. Егоровым было обращено внимание на ведущую роль армейской среды в придании императорам особого властного статуса, что не соответствовало эллинистической традиции, следовательно, последняя не могла доминировать над римской, а сходства имели скорее типологический, чем заимствованный характер [6, с. 102]. Такое мнение в той или иной мере поддержали А.В. Игнатенко и М.Г. Абрамзон. В данной статье предполагается рассмотреть элементы традиционной римской идеологии, легшие в основу религиозных тенденций конца II–I вв. до н.э. и приведшие к складыванию императорского культа, а также подвести итог выводам, сделанным в предыдущих статьях.

Прежде всего, необходимо учесть, что общественная среда, поставившая «первых людей Рима», действительно переживала перемены идеологического характера. Представители нобилитета проявляли все больший интерес к культурным традициям раскрывающегося перед ними мира эллинов. Филэллизм становился своего рода кредо претендующего на образованность римлянина, а также обуславливал принадлежность к довольно ограниченным группам римской элиты (вроде

¹ Схожая точка зрения имеется и у зарубежных исследователей, хотя многие из них не дают категоричных оценок явления.

кружка Сципиона Африканского (Младшего), в который входили такие известные личности, как философ Панетий, историк Полибий и др.). Распространение филлэллинизма совпало по времени с таким удручающим приверженцев традиционных римских ценностей явлением, как «порча нравов»², проявившегося в виде противоречащих римской морали и священным обычаям предков склонности к роскоши, религиозному скептицизму, чрезмерному честолюбию и гражданскому индивидуализму. При этом первые выраженные индивидуальные культы римских полководцев и магистратов были зафиксированы именно в эллинистических провинциях Рима, где к этому времени уже сложилась традиция учреждения культов правителей (некоторые аспекты и историографию вопроса см.: [5, с. 122–130]).

Однако учитывая этот культурный контекст, нужно обратить внимание и на имевшуюся в самом Риме серьезную религиозную базу индивидуального сакрального человекопочитания. В предыдущих работах был рассмотрен ряд, на наш взгляд, важных составляющих этой традиции и сделаны предположения об их вероятной природе, а именно: выраженный государственный характер религиозной доктрины римской *civitas* [Там же, с. 32–36]; вера в нуменов³ (*numina*) – как основание для сакрального почитания смертных в образе носителей божественной силы – римский вариант веры в «мана» [2, с. 9–11; 3]; культ предков [2, с. 11]; священные обряды, связанные с сакральной сущностью империя [Там же, с. 12–15]; политическое значение культа доблестей [4]. Эти аспекты прослеживались в создании ореола «богоизбранности» известных персонажей римской истории III–II вв. до н.э., например, Сципиона Африканского (Старшего), в силу их особых заслуг перед отечеством, через призму чего и оценивалась римским обществом степень участия божественных сил в судьбе политического или военного деятеля.

Во II в. до н.э. такой подход к оценке деятельности известных граждан усилился. В 184 г. до н.э. Катон Цензор провозгласил свое священное призвание защитить отечество и Республику от честолюбивых притязаний нобилей (*Liv.*, XXXVIII, 54) и, по сути, первым предложил идею о праве одного на власть в *civitas*, если преследуется благое намерение сохранения *civitas* – главной сакральной ценности римского общества³. Его трудно заподозрить в «грехе» филлэллинизма, но именно его статуя, сделанная на народные деньги, была помещена в храм Благополучия

² Термин используется в данной работе условно для обозначения подразумеваемого под ним древнего религиозного явления, т.к. сам термин в латинской литературе возник не ранее II в. до н.э.

³ Спустя сто лет Цицерон отметит, что ничто так не приближает человека к богам, как дарование людям благополучия – *Salutem* (*Cic.*, *Pro Lig.*, 12).

за заслуги перед отечеством (Plut., Cato., XIX). Этот обычай был известен со времен древних царей, статуи которых, как известно, хранились на Капитолии⁴ (Plin., N.H., XXXIII, 9), в чем видится элемент почитания смертного в качестве божественного нумена [3, с. 74–75]⁵.

Но если во времена Катона острая необходимость в централизации власти еще не назрела, то на исходе II в. до н.э. она уже ощущалась как единственное средство удержания растущего государства от развала. В обществе нарастала политическая напряженность с вступлением в политическую борьбу «новых людей», не связанных условностями идеологии нобилитета и прямо противопоставляющих себя этому сословию⁶. Ожесточающаяся борьба популяров и оптиматов подрывала устойчивость государства изнутри, чему не мог противостоять плебс, постепенно терявший твердую гражданскую позицию (см. Liv., XLI, 8 (6–1)). При этом усиливалась политическая роль армии, способной оказать мощную поддержку своему полководцу-императору на выборах. Империй полководца, по выражению А.Б. Егорова, становился все более схожим с царской властью [6, с. 30], при этом сохраняя свою религиозную сущность, обуславливавшую неограниченную власть полководца над своими солдатами [5, с. 71–77]. Входящие в практику экстраординарные магистратуры (например, *imperimin finitun* Марка Антония для борьбы с пиратами в 75 г. до н.э.) снижали авторитет Сената, все чаще демонстрировавшего свою несостоятельность в качестве высшего правительственного органа⁷. Тяжелые военные кампании, нарушения законов, ожесточенная политическая борьба, обнищание и обезземеливание

⁴ Едва ли этот обычай имел греческие корни, как считал Плиний (Plin., N.H. XXXIV, 20–22, 23–31), следовавший веяниям тогдашней моды на все греческое, появившейся не без влияния самих греков, активно продвигавших идею своего культурного превосходства и исторического приоритета над римлянами и всегда имевшими склонность искать во всем греческие истоки и объяснять традиции других народов, используя привычную терминологию и систему образов, что часто было необоснованно и искажало сущность явлений.

⁵ Интересно, что Сципион Африканский Старший, несмотря на все свои «божественные выходы», в свое время воспротивился помещению своего изображения в Капитолийский храм, видимо, понимая всю серьезность этого сакрального действия, сближавшего чувствуемую персону с римскими царями, что было крайне нежелательно для самого Сципиона, и без того критикуемого за чрезмерную популярность и влияние. Только после смерти его посмертная маска все же была помещена в храм Юпитера, а его дочь называла отца богом, в чем видится схожая природа причисления смертного к миру богов.

⁶ Ранее борьба плебеев за власть в римской *civitas* спровоцировала идеологические изменения в обществе, популяризовав культ Доблестей, что способствовало обоснованию правомерности доступа плебеев к высшей государственной власти [4]. От политических реалий конца II – начала I вв. до н.э. можно было ожидать похожего развития событий, в чем видится своеобразная традиция римского пути развития.

⁷ Здесь достаточно вспомнить события Югуртинской войны 111–105 гг. до н.э.

населения не могли не приводить к мысли о разрушении *res publica* и гибели мира⁸. Вместе с этим мечты о новом Ромуле – спасителе *res publica* начинали проникать в народное сознание [9, с. 105]. Плутарх говорит об открытости высказываний в пользу единовластия как единственной силы, способной исцелить государство (Plut., Caes., XXVIII). Несмотря на традиционную пропаганду ненависти к царской власти и священности *Libertas*⁹, отраженных в источниках, действительное отношение к ней со стороны народа неясно. Защита народа от произвола знати и защита государства, т.е. поддержание *res publica*, – были весомыми аргументами в политической борьбе, при этом соответствия и представлениям о власти древних царей, пользовавшихся сакральным почитанием. Все это давало очевидный повод честолюбивым политикам выдвигать себя на священную роль «спасителей отечества». Этого прозвания был удостоен Гай Марий (Cic., Pro Sest., 37), как и признания его «божественным основателем Рима»¹⁰, что сближало его с обожаемым Ромулом (о характере обожевления Ромула см. [5, с. 44–45]). Марий, как известно, возглавив партию популяров, выступал защитником плебса и государства¹¹. Такие же намерения провозглашали Сулла, Лукулл, Помпей, Метелл, чуть позже Цезарь, Антоний и Октавиан, и все они также претендовали на божественное покровительство и соответствующее почитание. Рассмотрим некоторые его черты.

Первым, кто определенно заявил о своих «божественных» претензиях, стал Корнелий Сулла, установивший свою диктатуру в Риме в 82–79 гг. до н.э., из-за чего возникло временное политическое затишье, которое не могло не вызвать народного одобрения. Но он не провозглашал своего стремления к царской власти, удовлетворившись магистратурой диктатора, внося в нее некоторые юридические изменения [6, с. 56]. Власть диктатора имела гораздо более сильные позиции в обществе, чем царская¹², прежде всего по своему сакральному содержанию. Она опиралась не только на священный империй (о сакральной природе

⁸ Этому способствовали этрусское учение об истечении десяти веков и проникающие с Востока идеи о «конце света» (см. Sall., Cat., XXXI). О нездоровье общества см.: Sall., Cat., XX.

⁹ Понятие возникло в рамках патрицианской идеологии равенства в начале Республики, приобретя священное значение равное обычаям предков. См.: Cic., Leg., III, 4, 11, 19, 18.

¹⁰ Подробнее см.: [13, р. 42]. Марк Фурий Камилл, триумфатор 390 г. до н.э., был наделен подобными титулами, поэтому идея была не нова для римского общества [4, с. 25].

¹¹ Марию приписывали обладание божественным разумом и провидением будущего (Sall., Jug., XCII), появились легенды об участии божественных сил в предсказании его великого предназначения (App., XIII, 61).

¹² Правомочность царей нередко оспаривалась, скорее всего, именно из-за их неполного соответствия религиозным требованиям, предъявляемых к носителям верховной власти. Это могло стать главной причиной их свержения и перехода власти к патрицианскому Сенату в 510/509 г. до н.э. [2, с. 12; 5, с. 54–66].

империя и вере в приобщении его носителя к божественным силам см. [5, с. 70–72]), но и на древнейшую веру в неоспоримое право представителей древних родов на верховную власть в силу их наследственной близости к богам-покровителям общины. Из этой веры проистекала и непрекаемость авторитета Сената (*auctoritas patres*) [Там же, с. 59–60].

Корнелий Сулла происходил из древнего патрицианского рода и проводил реставраторскую политику в отношении властных полномочий Сената как высшего хранителя авторитета власти в Республике. Он выказывал свое уважение к государственному культу Юпитера – древнего покровителя патрицианских родов [Там же, с. 42–44, 66–70], считая главным делом своей жизни восстановление храма Юпитера (*Jupiter Optimus Maximus*), пострадавшего в пожаре в 83 г. до н.э. До прихода к власти Сулла активно продвигал идею о покровительстве со стороны Геркулеса. Культ Геркулеса (этрус. Херкле, греч. Геракл) был одним из древнейших в Италии (Strabo., V, III, 3; Serv., Aen., VIII, 275) и не являлся результатом греческого, этрусского и тем более скифского влияния¹³. Факт упоминания божественного покровительства вполне укладывался в чисто римские представления о воплощении божественной силы в смертных (идея божественного нумена) [2, с. 9–10; 3] ради поддержания благополучия римской *civitas* и *paudeorum* [8, с. 354]. Утвердившись в Риме, Сулла восстановил храм Геркулесу Хранителю на Марсовом поле, посвятил храм Геркулесу Боарийскому, потратив на это десятую часть своего огромного состояния, и храм Геркулесу на Эсквилине, позже получившему название Геркулеса Сулланского.

Также Сулла заявлял о покровительстве своей особе со стороны Венеры (греч. Афродиты). Известно, что Сулла отправлял дары в святилище Афродиты в г. Афродизий [Там же, с. 325] и называл себя Эпафродитом (т.е. любимцем Афродиты). В этом видится стремление умелого политика закрепить свое влияние на греческих территориях, где его авторитет как представителя римской власти и как военачальника-императора в своем войске в ходе войны с Митридатом подрывало наличие серьезного конкурента – консула Флакка. Образ Венеры-Афродиты был хорошо понятен и римлянам, и грекам (собственно, как и образ Геркулеса-Геракла), и мог стать для него хорошим подспорьем в укреплении своих позиций. Любимцем Афродиты он называл себя только при общении с греками (Plut., Sul., XXXIV), но важнее для него был образ любимца Венеры, которая не была прямым двойником греческой богини любви Афродиты. Ее почитание в Риме имело прямое отношение к военному делу [5, с. 39]. Имя Венеры упомянуто вместе с именами

¹³ Скорее, следует признать общеевропейское происхождение как самого героя, так и его культа [3, с. 78–79]. См. также [7, с. 452–457].

Марса и Виктории на посвящении трофеев Суллы после победы при Херонее. В дар Афродите в Дельфы им был отправлен золотой венок и секира, указывающая на военную ипостась богини. В посвящении, наравне с Афродитой, был упомянут и Арес (App., XIII, 97)¹⁴.

По возвращении в Рим Сулла приказал возвести храм Беллоны и храм Венеры Феликс. Именно прозвище Феликс (Счастливый) Сулла предпочитал, находясь среди своих сограждан. Это связывало его с культом Felicitas – Военного счастья, очень популярного в войсках и имевшего отношение к культу Доблестей как форме почитания божественного воплощения в действиях доблестных граждан в связи с их заслугами перед государством [4].

Триумф Суллы в Риме по случаю победы над собственными же соотечественниками только с первого взгляда может показаться сомнительным событием с точки зрения светской морали¹⁵. Это торжество было частью культа Юпитера, чья сила, по римским представлениям, воплощалась в полководце-победителе ради спасения римской civitas и рах deorum. Именно эти намерения демонстрировал Сулла как «защитник отечества». Только после этого Сулла обратился к согражданам с просьбой присвоить ему cognomen Феликс (Plut., Sul., XXXIV; App., XIII, 97), в чем видится желание «официального» признания собственной «богоизбранности» на стезе защиты государства¹⁶. Со времен Суллы в римскую монетную типологию входит изображение литууса и других предметов понтификов, что являлось открытой пропагандой священного статуса императора [1, с. 231] как посредника между гражданами civitas и ее божественными покровителями¹⁷. О прямом обожествлении здесь речь явно не шла, как и после смерти Суллы, хотя Аппиан намекает на оказанные Сулле почести как «непозволительные смертным» (App., XIII, 105–107)¹⁸.

¹⁴ О представлениях Суллы о покровительстве ему богов см.: Plut., Sul., VI.

¹⁵ Именно с этой точки зрения событие воспринималось греческими авторами, в передаче которых мы имеем сведения о большинстве событий римской истории.

¹⁶ Традиционно римское религиозное содержание прослеживается даже в «Законе Корнелия о врагах государства», где проскрибированные осуждались за религиозное преступление, направленное против сакрального государства. Такие карательные меры, как запрет на траур в семьях проскрибированных, уничтожение их изображений, преследование их потомков мужского пола лишением «воды и огня» связаны с намерением прервать передачу наследственной энергии, своего рода «мана», внутри ветвей римских родов, представлявших собой опасность как для civitas, так и для рахdeorum, что имело прецеденты и в гораздо более ранние века существования Римского государства [5, с. 56–57].

¹⁷ Или «традиционная кооперация с богами» [12, p. 37].

¹⁸ Тело Суллы было отнесено на Марсово поле, «место захоронения царей», и покоилось в «царском облачении» на «царском ложе», в окружении регалий полководца-императора. Его сопровождали жрецы, сенаторы и войско. Было решено закрепить все прижителенные распоряжения Суллы (App., XIII, 97).

При жизни Суллы его изображение отсутствовало на монетах, что было запрещено в отношении смертных [1, с. 42], зато оно появилось там сразу после его смерти, когда дух его, по традиционным верованиям, мог оказаться среди сонма богов. Сервий, со ссылкой на Лабео́на (Serv., Aen., III, 169), упоминает о неких *virifortes*, имевших отношение к ларам, но являвшихся, по римским убеждениям, духами царей и предков знатных родов и относящихся к *diianimales*, т.е. душам людей, обращенных в богов с помощью проведения неких священных обрядов [5, с. 54–55]. Сочетание указанных верований с традицией учреждения култов в память о явлении божественного духа в людях, событиях и природных силах, а именно совместных култов божества и его «проявления» [3], т.е. нумена¹⁹, скорее всего, и стало основой для оформления культа Суллы, одним из свидетельств чего можно рассматривать появление культа Геракла Сулланского, о котором уже упоминалось выше. При Сулле определение «нумен» еще только складывался как термин, обозначавший древнейшее римское верование. Но уже в начале нашей эры император Тиберий освятит алтарь *Numina Augusti* [Там же, с. 78].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в создании «обожествленного» образа Суллы, как и в самой идее его возникновение, греческий элемент можно расценивать только как второстепенный и призванный адаптировать римскую традицию к греческой (а не наоборот) с весьма конкретными политическими целями.

Что же касается римских реалий, то главным идеологом и пропагандистом индивидуального религиозного почитания в Риме I в. до н.э. можно назвать Марка Тулия Цицерона, который сам претендовал на божественное наитие и роль «спасителя отечества». Увлечение эллинской философией привело его к переосмыслению римской религиозной и политической традиции, но не путем подмены ее эллинистической, хотя он и довольно часто пользовался греческими философскими приемами для обоснования своих умозаключений, а через теоретизацию именно традиционных представлений, верований и сложившихся форм организации общества [5, с. 162–167]²⁰. В своих многочисленных

¹⁹ См.: Cic., Cat. II, 29. Можно предположить, что и культ Геркулеса в Италии изначально складывался на тех же основаниях. По Ливию (Liv., I, 7), первый алтарь в честь Геркулеса воздвиг сам Геркулес, что выглядит странно, как и жертва, принесенная им самому себе. Указание Страбона на Эвандра, как учредителя культа, не проясняет ситуации, т.к. это все равно произошло при жизни Геракла (Strab., V, III, 3). Однако признание Геракла носителем энергии некоего божества могло стать причиной учреждения культа Геракла как нумена божества, с которым он «воссоединился» после смерти.

²⁰ О взаимопроникновении человеческого и божественного миров в сакральных пределах *civitas*: Cic., Leg., I, 23–25; II, 26; De Rep., I, 19; о правителях как божественных нуменах: Cic., Leg., II, 19, 28; De Rep., I, 12; II, 4.

работах разного жанра и рассуждениях о сути власти он непременно подчеркивал свою приверженность традиционным порядкам (Cic., De Rep., I, 3, 60–61, 63) и обычаям предков, их разумность и важность, отрицая любой ревизионизм в религиозно-государственной и политической сфере (Cic., De Rep., III, 1). Он рассматривал как традиционный целый комплекс религиозных принципов утверждения власти, в том числе и единоличной (Cic., De Rep., I, 63; De har. Resp., 54; De Dom., 18-20; Leg., 3, 10; Pro Ros., 139; De Rep., 1,2; 5, 1; De off., 2, 77), основанной на идее «богоизбранности», допустимой только в рамках служению отечества (Cic., De Rep., I, 12). Такая теоретизация была явно вызвана остро назревшей политической необходимостью восстановления единоличной формы правления (насколько полной – должно было показать дальнейшее развитие общества). И только традиционная религиозная база могла стать ее опорой (Cic., De Rep., II, 7, 29) как во мнении народа, так и в глазах ее носителей, несмотря на все новые культурные веяния²¹. При этом многие древние верования были изрядно позабыты, поэтому требовали срочного восстановления, а то и воскрешения²².

Решительный шаг к восстановлению сакрального почитания единоличного правителя, как уже неминуемого в новых политических условиях, был сделан Гаем Юлием Цезарем. Причем в это время в римском государстве стали довольно определенно намечаться две тенденции в складывании характера этого культа: традиционная римская и эллинистическая, которые в дальнейшем должны были определить и политическую судьбу Рима как непрекаемого центра мировой державы или как яркого, но временного претендента на мировое господство, готового раствориться среди покоренных им народов, по примеру державы Александра Великого. Насколько выбор первого пути позволил Юлию Цезарю утвердить в Риме новую линию государственного развития, продолженную Августом, настолько второй свел к нулю все политические стремления Марка Антония.

В первую очередь нужно отметить, что единоличная власть Цезаря утвердилась как власть пожизненного диктатора, т.е. ненаследственная и хотя и более чем неординарная в плане длительности, но все же традиционная магистратура, что категорически противоречило образу

²¹ Они могли обогащать и дополнять традиционные представления, но не менять их коренным образом (Sal., Cat., LI; Polib., VI, 26, 1; Liv., IV, 3; Cic., De Rep., II, 34).

²² Отсюда такой длительный устойчивый интерес к изучению римских и этрусских древностей, который преодолел и времена «падения нравов», и увлечение эллинизмом, и рубеж эр, т.к. и в I, и во II вв. н.э. вопрос традиционного сакрального авторитета императоров продолжал быть актуальным, несмотря на все вырождение гражданского образа правителя. Именно его древний религиозный образ продолжал жить, выразившись уже в христианскую эпоху в статусе «помазанника божьего».

эллинистических правителей [10, с. 281] (см. также [16, р. 52]). Связь же с образом римского царя категорически отвергалась самим Цезарем (App., XIV, 108–109; Suet., Jul., 79 (1–2); Plut., Caes., LX, LXI). Цезарь не хотел отходить от республиканских канонов (см. [15, р. 68]), что было в духе идей Цицерона, а пропаганда своего древнего аристократического происхождения могла дать ему больше сакральных преимуществ в обеспечении его политического положения.

Род Юлиев по легенде происходил от Юла, потомка Энея, и восходил к самой Венере (App., XIV, 68; Vell., XLI). Юлии, происходя из древней Альбы, также были связаны с культом Вейовиса (Liv., I, 30, 1)²³. При этом существовал и культ Энея, который был обожествлен, если верить Ливию, под именем Юпитера Индигета (Liv., I, 2 (6)). Также в числе «родственников» Цезаря был и сам Ромул, обожествленный под именем Квирина. О такой внушительной «божественной родословной» Цезарь заявлял публично (Suet., Jul., 6), следовательно, она признавалась в обществе как факт. Непрямое обожествление Энея и Ромула, более похожее на почитание «нуменов» (подробнее об этих культах [5, с. 42–46]), возможно, должно было указать обществу ту форму почитания, на которую претендовал Цезарь и которая давала ему право на верховную власть в государстве, как с титулом царя, так и без него.

В 40-х гг. I в. до н.э., после окончания гражданской войны, в Риме был построен храм и учрежден культ Юпитеру Юлию (Iuppiter Julius) (Dio., 44, 6; Cic., Phil., II, 43, 110), название которого типологически схоже с культами Юпитера Статора, Юпитера Громовержца и Юпитера Индигета, связанного с культом Энея или предками вообще, как имевшими счастье воплощения в себе энергии верховного божества, т.е. его нумена. Цезарь пытался ассоциировать себя с Юпитером, что прослеживается у Светония (Suet., Jul., 79), Плутарха (Plut., Caes., LXI), Диона Кассия (Dio., 44, 11). В 46 г. до н.э. имя Цезаря было упомянуто в посвятителной надписи в Капитолийском храме (подробнее см. [8, с. 279]), также он был наделен всеми атрибутами триумфатора не только на время ритуала, но и при общенародных выходах (Dio., 43, 42–45; Suet., Jul., 76, 1; App., XIV, 106). Дион Кассий (Dio., 43, 14,6) сообщает о некой статуе Цезаря, у ног которой располагалась сфера с надписью на греческом языке *ἡμιθεός* (полубог). Однако Цезарь приказал ее убрать. Видимо, греческий термин неточно передавал римское содержание сакрального образа Цезаря (божественного нумена?).

²³ Археолог Р. Этьен упоминает о найденном в Бовиллах алтаре II в. до н.э. с посвятителной надписью Отцу Вейовису (Vediovis (Veiovis) pater) от рода Юлиев (gens Iulia) в соответствии с законами Альбы [11, с. 46]. Он считает, что этот культ был связан с Юлом Асканием через обожествление последнего под именем Вейовиса.

Такие титулы Цезаря, как Спаситель и Освободитель, также называют на его сопричастность с римскими богами, где видится лишь аналогия с греческими титулами. Все римские боги почитались спасителями, не в зависимости от их «прямых» обязанностей. В случае с Цезарем здесь прибавлялся еще и гражданский смысл «спасителя отечества» (Cic., *Pro Marc.*, 22; *Pro Lig.*, 12; *App.*, XIV, 106)²⁴. Титул «освободитель» (*liberator*) мог иметь формальное значение ради соответствия сакральному образу Юпитера, в рамках культа которого проходил обряд освобождения пленников или рабов. Цицерон писал об особом почитании Цезаря среди нищих и рабов (Cic., *Ad Att.*, XIV, 10, 1; *Phil.*, I, 2, 5). Освобождение рабов означало включение их в состав общины в качестве граждан. Вряд ли Цезаря интересовали люди такого сорта, но вот новых граждан из числа нужных ему людей он действительно вводил не только в гражданскую общину, но даже и в Сенат (на пример галлов). Кроме того, Свобода (*Libertas*) относилась к категории доблестей, имевших божественную сущность, подтверждая при этом приверженность Цезаря идеалам Республики.

Цезарь обратился и к образу Ромула. Так, в апреле 45 г. до н.э. священные игры в честь Ромула – основателя Рима – давались еще и в честь Цезаря (Dio., 43, 42, 3) и сопровождалась проносом статуй богов, среди которых, рядом с Ромулом-Квирином, были и две статуи Цезаря²⁵. С образом Ромула Цезаря связывал и титул «Отца отечества» (*pater patria*)²⁶. Серьезную сакральную сущность такой титул мог иметь только в Риме.

Опора Цезаря на армию в условиях гражданской смуты также должна была подкрепляться его культом полководца – императора. В этом ему помогло «родство» с Венерой, связь которой с военным поприщем²⁷, уже была использована в политике Суллы. Перед битвой при Фарсале Цезарь дал обет посвятить храм Венере Прародительнице (*Venus Genetrix*), который он выполнил в 46 г. до н.э. (*App.*, XIV, 102)²⁸. Имя Венеры упоминалось в паролях его солдат (Аппиан называет пароль

²⁴ Известна статуя Цезаря, помещенная в храме богини *Salus* (Спасения и Благоденствия).

²⁵ Одна из статуй предназначалась для храма Юпитера Капитолийского, вторая, с надписью «Непобедимому богу», – для храма Ромула – Квирина Основателя (Dio., 43, 45, 34; Cic., *Ad Att.*, XII, 45, 312; XIII, 28, 3). Надпись явно была адресована Юпитеру, но опосредованно через Ромула.

²⁶ Цицерон называл Цезаря новым основателем и законодателем Рима (Cic., *Pro Marc.*, 25; *Pro Lig.*, 38).

²⁷ Август, которому больше импонировал образ Миростроителя, не проявлял особого интереса к культу Венеры, ставя на первое место культ Аполлона как божества – покровителя мудрых правителей.

²⁸ Об особенностях устройства этого храма на Форуме Юлия (*Forum Iulium*) см. [11, с. 195–196].

«Афродита Победительница», переводя его на греческий (App., XIV, 76, 104)). Приверженностью культу Венеры и связанному с ней жемчугу Светоний даже объясняет вторжение войск Цезаря в Британию (Suet., Jul., 47), после чего Цезарь якобы посвятил в храм Венеры-Прародительницы панцирь из британских жемчужин (Plin., H.N., IX, 116)²⁹. На денарии Цезаря были помещены изображения головы Венеры и бегущего Энея с Анхизом на плечах [1, с. 51]. Пропаганда связи рода Юлиев с Венерой как покровительницей полководцев, возможно, стала причиной и стремления Цезаря сделать титул императора наследственным³⁰ (Dio., 43, 44; Suet., Jul., 76).

Необходимо также упомянуть о культах Фортуны, Фелицитас и личных доблестей Цезаря. Вера в личную Фортуну была для него совершенно искренней и лишенной какого-либо популизма (Caes., BG, IV, 26, 5; V, 58, 6; VI, 35, 2; BC, III, 68), как для человека, юность которого выпали на время, когда вера в сакральную сущность доблестей занимала центральное место в римской идеологии [4]. Он учреждает в Риме культ Фортуны Цезаря (Fortuna Caesaris). Именно Фортуна, по его мнению, вела его к Счастью (Felicitas) (подробнее см. [17, р. 112–127]). Появляется понятие «Felicitas Caesaris» (Plut., Caes., XXXVIII, 5; App., XIV, 57; Flor., XIII, IV (37)). В 44 г. до н.э. в Риме был освящен и храм Felicitas. Р. Этьен указывает на аналогию культов Фортуны Цезаря и Гения Цезаря (Genius Caesaris)³¹ с культами Фортуны Римского народа, Гения государства (с 218 г. до н.э.) и Гения римского народа, что делало Цезаря фактически объектом государственного культа [11, с. 198]. Также были введены общественные молебны о благополучии Цезаря (Salus Caesaris), схожие с молебствиями о Благополучии Республики (vota pro Saluterei publicae) [Там же, с. 209]. К чему еще нужно прибавить и культ Победы Цезаря (Victoria Caesaris).

Цезарь действительно стремился придать своему культу общегосударственное значение. Аппиан, перечисляя многочисленные почести, которыми был наделен Цезарь к 45 г. до н.э., говорит о том, что правители дружественных Риму государств также должны были проводить в его честь определенные празднества и молебствия (App., XIV, 106). Однако, как было отмечено еще Х. Геше, до смерти Цезаря место собственно его культа отсутствовало, а Антоний, назначенный жрецом

²⁹ Плиний Старший отмечал, что пристрастие к жемчугу демонстрировал и Помпей Великий, и что якобы с него пошла эта мода (Plin., H.N., XXXVII, 12), в которой можно увидеть связь с образом греческой Афродиты, рожденной из морской пены. Такие ассоциации возможны, но сам Помпей учредил культ Венеры-Победительницы, что еще раз демонстрирует римский контекст образа богини.

³⁰ Проблема этого вопроса рассматривалась С.Л. Утченко [10, с. 280–281].

³¹ App., B.C., II, 106, 127, 137, 139, 144 и след.; Suet., Jul., LXXXIV–LXXXV. Клятва Гением Цезаря стала официальной с 44 г. до н.э.

Цезаря, к своим обязанностям не приступал [14, с. 48, 92]. Светоний, упоминая о храмах и жертвенниках, говорит о размещении изображений Цезаря рядом с другими богами (Suet., Jul., 76, 1). Наличие же у Цезаря собственного жреца и «новых луперков» (Ibid., Cic., Ad Att., XII, 5) скорее указывает не на его обожествление, а на попытку отождествления его с Ромулом. Хотя Аппиан и Светоний признают почести, оказываемые Цезарю «сверхчеловеческими», Флор о его обожествлении ничего не говорит (Flor., XIII, IV (91)). Нет на это никаких указаний и у Цицерона – современника Цезаря.

Можно предположить, что все указания традиции, имеющие отношение к созданию культа Цезаря, в большей степени укладываются в определение его «богоизбранности» по типу божественного нумена. Только после смерти Цезарю воздвигли алтарь, на котором ему принесли жертвы (Dio., 47, 18; App., XV, 2–3), а знаком его ухода в божественный мир считали появление кометы (Suet., Jul., 88; Plut., Caes., LXIX; Plin., N.H. II, 93–94). В 42 г. до н.э. Цезарь был официально «обожен», как передают Аппиан и Кассий (App., XIV, 148; Dio., 47, 18). В дальнейшей смерти Цезаря сравнивали с обстоятельствами гибели Ромула, связывая память о нем с легендарным и обожествленным царем (Cic., Ad Att., XII, 45).

Исходя из рассмотренных элементов культа, можно сказать, что, несмотря на явную чрезмерность, все его аспекты являлись понятными римскому обществу и не переходили границ комплекса традиционных верований. Гротескность же созданного сакрального образа единовластного правителя объясняется не сложившимся еще ощущением достаточности, учитывая, что этот эксперимент был первым после длительного периода Республики и требовал апробации временем. Остается несомненным фактом то, что не только народ поддерживал этот культ (Plut., Caes., LXVIII; App., XIV, 147–148; Suet., Jul., 85), но и представители знати готовы были его терпеть, т.к. признание богоизбранности Цезаря было достаточным оправданием его временного первенствующего положения в государстве с целью стабилизации обстановки. Но за что тогда убили Цезаря?

При изучении источников, говорящих в пользу попытки демократического переворота, как это традиционно интерпретируется, некоторые факты заставляют усомниться в действительности этой причины. Цезарь был убит в Сенате. Но место заседания Сената издревле считалось священным местом, т.к. олицетворяло собой «темплум» – место прямого взаимопроникновения человеческого и божественного миров. По выражению Аппиана (App., XVI, 8, 134), трагедия случилась практически в присутствии богов. В причине убийства видится религиозный мотив, хотя и, безусловно, связанный с политическими делами, как это всегда происходило в Риме. Цезарь был убит, как только в его политических планах зазвучала тема Востока.

Планируемый Цезарем парфянский поход как крупное и сложное военное предприятие не мог сам по себе быть нежелательным для стремящихся к славе римских нобилей. Озабоченность могли вызвать причины совсем иного рода. Цезарь как опытный полководец и политик прекрасно понимал всю важность своих твердых позиций в Риме. Но Рим был, хоть и центральной, но не единственной политической целью Цезаря. Экономический и военный потенциал римского государства был главным залогом успешных завоеваний на Востоке, к которым он стремился не только из соображений государственных, но и личных. Ему не давал покоя дух Александра Македонского – повелителя Запада и Востока, которому Цезарю так хотелось следовать (Plut., Caes., XI). Ради успешного выполнения задуманного ему требовалось закрепить свои властные позиции на эллинистическом Востоке, в чем главную роль, что было уже проверено на практике, должен был сыграть религиозный фактор. Это могло бы облегчить объединение подконтрольных Риму новых территорий в рамках одно государства опосредованно через персону самого Цезаря и его общий для всех культ [5, с. 191]. Но если в Риме он должен был быть римлянином, то на Востоке он должен был следовать тем традициям, которые были там приняты и понятны [Там же, с. 189]. Такой опыт у Цезаря тоже имелся [11, с. 256–257].

Однако Цезарь явно недооценил патриотичности и религиозной «твердолобости» своих римских коллег. Светоний однозначно называет две действительные причины убийства Цезаря (Suet., Jul., 79–80). Стало известно о вероятных планах Цезаря перенести столицу в одну из восточных провинций Рима (Светоний называет Илион или Александрию). Для римлян это означало не только материальные и статусные потери, но и крушение основополагающей идеи сакральности римского государства со столицей в Риме как месте единения с богами-покровителями, на чем зиждилась вся почти тысячелетняя система религиозных ценностей, т.е. окончательный смертельный удар по рах *deorum* (божественному миропорядку) и гибель мира.

Второй же слух, о том, что победу на Востоке может одержать только царь (App., XIV, 110; Suet., Caes., 79; Plut., Caes., 60; Dio., 44, 15.), не оставлял сомнения, что сакральный облик «восточного царя» [5, с. 119–131] с его кощунственными для римской идеологии намеками на прямое обожествление будет сильно отличаться от облика богоизбранного римского гражданина, каким выставлял себя Цезарь до сих пор. Такой культ не оставлял никаких шансов для сохранения равенства представителей аристократии, каждый из которых мог претендовать на «богоизбранность» в силу своего происхождения и доблестей [Там же, с. 188]. В политическом плане это означало уничтожение всех республиканских и гражданских устоев Рима и переход к абсолютной

монархии в ее восточном варианте, что опять же сводилось к разрушению *rex deorum* [5, с. 187–189].

Сам Цезарь продолжал отвергать все попытки предложить ему царский титул (App., XIV, 110), однако обилие почестей, воздаваемых ему на Востоке, убеждали в реальности тревожных перспектив и укрепляли мнение наиболее ортодоксально настроенных нобилей о необходимости устранения зарвавшегося «богоизбранного одиночки» [Там же, с. 188]. Поэтому и сам акт убийства Цезаря больше похож на акт жертвоприношения богам – горькая дань еще одной римской традиции, связанной со священной сущностью носителей царской власти в Риме, которой в полной мере следовали убийцы Цезаря. Идея мировой империи для времени Цезаря была слишком прогрессивна. Октавиан Август, видимо, осознал всю ее бесперспективность, что заставило его принять единственно правильное решение вернуться, хотя бы формально, к обычаям предков, что и предрешило его победу над остальными претендентами на власть после смерти Цезаря.

На основании изложенного и выводов предыдущих исследований [2–5], можно заключить, что оформление императорского культа в Риме в конце I в. до н.э. было ожидаемым и закономерным явлением в римской религиозной традиции, которая, как показывает путь ее исторического развития, была напрямую связана с идеей государственности, обеспечивая легитимность форм правления, возникавших в ходе общественно-политических преобразований по мере роста римского государства и изменения его роли на мировой арене. При этом принципиальное следование древнейшим традиционным верованиям в отношении понимания сакральности *civitas* и сакральной роли военных и политических руководителей в обеспечении ее стабильности было основополагающей и неизменной составляющей римского мировоззрения, обусловившей длительную устойчивость римской державы как государства.

Библиографический список / References

1. Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. [Abramson M.G. Rimskaya armiya i yevo lider po dannym numismatiki [The Roman army and its leader in accordance with numismatics]. Chelyabinsk, 1994.]
2. Волкова И.Ю. Древнейшие предпосылки религиозного почитания власти в Риме // Современные гуманитарные исследования. 2020. № 3. С. 7–17. [Volkova I.Yu. The ancient traits of the cult of political authority of Rome. *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya*. 2020. No. 3. Pp. 7–17. (In Rus.)]
3. Волкова И.Ю. К вопросу о римских *numina* // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 67–82. [Volkova I.Yu. To the issue of Roman *numina*. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. No. 2. Pp. 67–82. (In Rus.)]

4. Волкова И.Ю. Место сакрального почитания Доблестей в развитии культуры политической власти в Древнем Риме // Современные гуманитарные исследования. 2020. № 6. С. 19–29. [Volkova I.Yu. The place of sacral worshipping Virtues in the process of development of political authority cult in ancient Rome. *Sovremennye gummanitarnye issledovaniya*. 2020. No. 6. Pp. 19–29. (In Rus.)]
5. Волкова И.Ю. Религиозное обоснование власти и политического лидерства в Риме (царский и республиканский периоды): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. [Volkova I.Yu. *Religioznoe obosnovanie vlasti i politicheskogo liderstva v Rime (tsarskiy i respublikanskiy periody)* [Religious substantiation of state authority and leadership in Rome (Kings' and Republic epoch)]. PhD dis. Moscow, 2005.]
6. Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. [Yegorov A.B. *Rim na grani epoch [Rome on the meeting-point of epochs]*. Leningrad, 1985.]
7. Ельницкий Л. Геракл и миф о Христе // Прометей. Т. 7 / Ред.-сост. С. Резник. М., 1969. С. 452–457. [Elnitsky L. Hercules and the myth of Christ. *Prometej*. Vol. 7. S. Reznik (ed.). Moscow, 1969. Pp. 452–457. (In Rus.)]
8. Инар Ф. Сулла / Пер с фр. В.И. Сидоренко. Ростов н/Д., 1997. [Hinard F. Sulla [Sylla]. V.I. Sidorenko (transl. from French). Rostov-on-Don, 1997.]
9. Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. [Mezheritskiy Ya.Yu. «Respublikanskaya monarkhiya»: metamorfozy ideologii i politiki imperatora Avgusta [“Republican Monarchy”: Metamorphoses of the Ideology and politics of Emperor Augustus]. Moscow, Kaluga, 1994.]
10. Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976. [Utchenko S.L.Yuliy Tsezar [Julius Caesar]. Moscow, 1976.]
11. Этьен Р. Цезарь / Пер. с фр. Э.М. Драйтовой. М., 2003. [Étienne R. Tsezar [Jules César]. E.M. Draïtova (transl. from French). Moscow, 2003.]
12. Beard M., Crawford M. Rome in the late Republic. Problems and Interpretations. L., 1985.
13. Boyancee P. Etudes sur la religion romaine. Paris, 1972.
14. Geshe H. Die Vergottung Caesars. Frankfurter Althistorische Studien (FAS). Heft 1. Kallmunz, 1968.
15. Liebeschuetz J.H.W.G. Continuity and change in Roman religion. Oxford, 1979.
16. Syme R. Roman Revolution. Oxford, 1939.
17. Weinstock S. Divus Julius. Oxford, 1971.

Статья поступила в редакцию 08.03.2021, принята к публикации 13.04.2021
The article was received on 08.03.2021, accepted for publication 13.04.2021

Сведения об авторе / About the author

Волкова Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва

Irina Yu. Volkova – PhD in History; independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: agat73@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-56-66

С.О. Сироткин

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
236016 г. Калининград, Российская Федерация

Раскол аболиционистского движения в США: позиция Уэнделла Филлипса

Статья посвящена одной из центральных фигур аболиционистского движения в США – Уэнделлу Филлипсу. Рассматривается начальный этап его деятельности, совпавший с идейно-теоретическим расколом аболиционистского движения. Этот этап стал отправной вехой в дальнейшем выстраивании стратегии борьбы для каждого аболициониста. Главное внимание уделено позиции Филлипса в межфракционной борьбе конца 1830-х гг.: по вопросу об использовании партийно-политических методов антирабовладельческой борьбы, о содержании агитации и пропаганды, об участии женщин в аболиционистских организациях. Дана сравнительная характеристика ценностно-мировоззренческих установок Филлипса и основателя аболиционизма У.Л. Гаррисона. Предпринята попытка выявить имевшийся между ними идейный антагонизм и основания их реформаторского союзничества.

Ключевые слова: Уэнделл Филлипс, Уильям Ллойд Гаррисон, американский аболиционизм, антирабовладельческое движение, плантаторское рабство, Соединенные Штаты Америки

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Сироткин С.О. Раскол аболиционистского движения в США: позиция Уэнделла Филлипса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 56–66. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-56-66

S.O. Sirotkin

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, 236016, Russian Federation

The split of the abolitionist movement in the United States: The position of Wendell Phillips

This article is devoted to one of the main person of the abolition movement – Wendell Phillips. The author considers the initial period of Phillips' reformatory path which coincided with the stage of the abolitionist movement's split connected with the ideological and theoretical issues of its further development. It is the most important stage as it was a starting point for the building of the further struggle's way for each abolitionist. The main attention is paid to Phillips' position in the key contradictions of the existing inter-factional struggle in the movement in the late 1830s. More closely the author examines the issue of the anti-slavery struggle's promoting in the party-political aspect; the content of agitation and propaganda; the women's participation in abolitionist societies. The author gives the comparative analysis of Phillips and the founder of the abolitionism W.L. Garrison's worldview values. An attempt is made to identify the ideological antagonism between them and the foundation for their reformatory partnership.

Key words: Wendell Phillips, William Lloyd Garrison, American abolitionism, anti-slavery movement, plantation slavery, the United States of America

FOR CITATION: Sirotkin S.O. The split of the abolitionist movement in the United States: The position of Wendell Phillips. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 56–66. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-56-66

В 1833 г. было создано Американское антирабовладельческое общество – первая национальная аболиционистская организация, поставившая бескомпромиссную цель – добиться полной отмены рабства и искоренить расовое неравенство. Не прошло и десяти лет, как

аболиционисты обнаружили, что единая цель не может перевесить их идеологические различия и вытекающие из них представления о стратегии и методах борьбы. Общество претерпело раскол, в результате которого борцы с рабством пошли совершенно разными путями, что, безусловно, негативно сказалось на самом движении.

Формальный раскол аболиционистского движения произошел в 1840 г., однако фактически он был предопределен еще за несколько лет до этого. Во второй половине 1830-х гг. установки основателя и изначального идеолога аболиционизма Уильяма Ллойда Гаррисона стали встречать несогласие среди части его сподвижников. Аболиционисты разделились по принципу приверженности курсу Гаррисона или его ревизии¹.

Недовольство определенной части аболиционистов вызывал крайний радикализм агитации и пропаганды Гаррисона, увеличивавший в большей мере количество противников, чем союзников. Катализатором острейших разногласий стала также принципиальная отстраненность Гаррисона от политики, возражавшего против любых форм прямых политических действий и, в частности, против создания политической организации (аболиционистской партии). Наконец, камнем преткновения был вопрос об участии женщин в одних организациях с мужчинами, что стало финальным аккордом в разъединении аболиционистов на разные течения [8].

Этот сложный этап антирабовладельческого движения представляет особый интерес для историка. Аболиционистские лидеры оказались на перепутье. Каждый из них формулировал свое кредо, которым зачастую руководствовался в последующие десятилетия. Это в полной мере относилось и к Уэнделлу Филлипсу.

У. Филлипс присоединился к аболиционистскому движению относительно поздно, в конце 1837 г., когда идейно-теоретические споры стали принимать принципиальный характер, а сам он стал неизменно занимать прогаррисоновские позиции. Не решающим, но весьма важным моментом стало глубочайшее уважение Филлипса к Гаррисону, с которым у него быстро завязалась крепкая дружба, продлившаяся всю жизнь. Он всегда открыто отмечал великую роль Гаррисона в рождении их благородного дела, равно как признавал его своим личным «освободителем», наставившим его на верный путь².

¹ В среде аболиционистов и, как следствие, в американской историографии закрепились такие названия этих течений, как *garrisonians* («гаррисонисты») и *anti-garrisonians* («антигаррисонисты»).

² Биографы Филлипса в целом признают моральный и наставнический авторитет Гаррисона над ним [5, p. 105; 9, p. 127–128].

Прежде всего Филлипс солидаризовался с главной максимой аболиционистской доктрины Гаррисона о «моральном убеждении», подразумевавшей основополагающим методом борьбы ведение работы на интеллектуальное и моральное преобразование нации. В самых ранних своих выступлениях он подчеркивал, что именно «здоровое общественное мнение должно искоренить рабство»³. «Я знаю, что в исправлении великой национальной ошибки мы не можем рассчитывать на поспешность. Наиболее эффективная защита трех миллионов рабов – это искоренение предрассудков двадцати миллионов белых, стоящих над ними... Наша работа – это фактически перевоспитание всего американского народа»⁴, – так Филлипс формулировал свою аболиционистскую миссию на протяжении всего своего пути. Попытки преждевременного политического решения вопроса о рабстве он расценивал как предательские по отношению к фундаментальным реформаторским основам аболиционизма и по отношению к угнетаемым.

Быстро добившись высоких постов президента и генерального агента сразу в нескольких местных антирабовладельческих обществах, Филлипс стал ратовать за максимальное ограничение политических действий аболиционистов, поддерживая Гаррисона в его противостоянии с другими аболиционистами. В октябре 1838 г. Филлипс с Гаррисоном добились принятия резолюций, запрещавших аболиционистам занимать политические должности, голосовать или иметь какие-либо связи с партиями, не ставящими своей целью немедленную эмансипацию⁵.

Ранее он стал одним из составителей и подписантов программного документа Массачусетского антирабовладельческого общества, провозглашавшего пагубность перевода антирабовладельческой борьбы в партийно-политическую плоскость⁶. Трансформацию аболиционистского движения в партию Филлипс совершенно однозначно расценивал как смертельную меру для их борьбы. По утверждению Гаррисона, в противостоянии с Г. Стэнтоном, Э. Фелпсом и другими сторонниками политической борьбы, на ежегодном собрании общества в начале 1839 г.

³ Wendell Phillips. Speeches, lectures, and letters. Second series. Boston, 1905 (Copyright, 1891). P. 5.

⁴ Wendell Phillips. Speeches, lectures, and letters. Published by James Redpatch. Boston, 1863. P. 87.

⁵ Garrison W.P. and Garrison F.J. William Lloyd Garrison: The story of his life told by his children. Vol. II: 1835–1840. N.-Y., 1885. P. 245.

⁶ An address to the abolitionists of Massachusetts, on the subject of political action by the Board of Managers of the Mass. A.S. Society, 1838. URL: <https://hdl.handle.net/2027/loc.ark:/13960/t2f76gb7q> (date of access: 01.03.2021).

«он умолял помнить о судьбе Антимасонской партии⁷ и не предавать их самих такой же непокрытой могиле»⁸.

Кульминацию этого противостояния – создание аболиционистской Партии Свободы в ноябре 1839 г. и ее участие в президентских выборах – Филлипс не застал, как и само разделение аболиционистского движения на старую (Американское антирабовладельческое общество) и новую (Американское и зарубежное антирабовладельческое общество) организации. За несколько месяцев до этого он вынужденно отправился в Европу для лечения жены, откуда супруги вернулись только летом 1841 г. После возвращения позиция Филлипса не изменилась. Он скептически оценил президентскую кампанию Партии Свободы в 1840 г. и продолжал настаивать на том, что «настоящего прогресса в нашем деле следует ожидать от тех, кто держится в стороне не только от старых партий, но и от партий вообще...»⁹.

В вопросе методов ведения агитации и пропаганды Филлипс также всецело оказался сторонником Гаррисона. Основная критика Гаррисона со стороны его соратников сводилась к тому, что он позволял себе яростно атаковать все, в чем можно было углядеть пагубные проявления рабства, в том числе священные для американцев традиции и институты, особенно религиозные. Такой подход, по мнению многих, скорее дискредитировал движение и отталкивал потенциальных сторонников, нежели формировал антирабовладельческие настроения. В результате стали предприниматься попытки ограничить организационную поддержку и даже осуществлять цензуру газеты Гаррисона «Либерейтор»¹⁰ [2, с. 296–319].

В отличие от критиков, Филлипс утверждал: «Я считаю успех “Либерейтора” тождественным самому успеху нашего дела. ...Он способствует распространению, развитию и утверждению наших принципов больше, чем любое другое издание»¹¹. Посещая аболиционистские собрания, он пришел к выводу о том, что подписчики «Либерейтора» проявляют куда большую активность, рвение и отдачу, нежели читатели других газет¹². Филлипс предпринимал неоднократные попытки

⁷ Первая протестная «третья» партия в двухпартийной системе США [4, с. 131–192].

⁸ Garrison W.L. Moral rule of political action. *The Liberator*. 1839. Vol. 9. No. 8. P. 1.

⁹ Letter from Wendell Phillips to the Liberator. Dec. 2, 1841. *The Liberator*. 1841. Vol. 11. No. 53. P. 2.

¹⁰ Garrison W.P. and Garrison F.J. William Lloyd Garrison: The story of his life told by his children. Vol. II: 1835–1840. N.-Y., 1885. Pp. 258–332.

¹¹ Letter from Wendell Phillips to the Liberator. Jan. 7, 1839. *The Liberator*. 1839. Vol. 9. No. 2. P. 3.

¹² Garrison W.P. and Garrison F.J. William Lloyd Garrison: The story of his life told by his children. Vol. II: 1835–1840. N.-Y., 1885. Pp. 239–240.

убедить других аболиционистов придать газете статус официального органа аболиционистского движения¹³ [19, р. II]. «Величайший мастер брани девятнадцатого века» [5, р. 515] (так Филлипса называл его издатель) сам не брезговал крепким словом и никогда не ограничивал себя в праве говорить откровенно на любые темы. Его убеждение, что «истина дороже, чем форма, а правда – лучшее руководство», буквально и по духу соответствовало гаррисоновскому агитационному кредо – «быть таким же суровым, как правда, и таким же бескомпромиссным, как справедливость»¹⁴. «Настоящий реформатор не обращает внимания на популярность, – постулировал Филлипс, – а имеет дело только с идеями, совестью и здравым смыслом» [цит. по: 9, р. 262]. Как агитатор и пропагандист, он видел своей обязанностью не ориентироваться на компромисс с общественным мнением и не искать тактических побед в ущерб идеалу.

«Женский вопрос», как обозначали аболиционисты дискуссии об участии женщин в одних организациях с мужчинами, несмотря на свою, казалось бы, незначительность в сопоставлении с великой целью, в действительности имел большой резонанс. В конце концов, именно включение (при полной поддержке Гаррисона и его сподвижников) в руководящий комитет съезда Американского антирабовладельческого общества женщины, Эбби Келли, стало причиной выхода из организации в мае 1840 г. группы аболиционистов под руководством Льюиса Тэппона и Эмоса Фелпса [1, с. 107]. Сексистские воззрения соратников не вызвали у Филлипса ни капли понимания или сочувствия. В его жизни, как он сам признавал, женщины играли большую роль. Уэнделл рано потерял отца, и с юношеских лет его воспитанием занималась мать (Сара Филлипс). В 1837 г. женой Филлипса стала ярая последовательница Гаррисона (в девичестве – Энн Терри Грин), которая, по его мнению, «сделала из него аболициониста и всегда опережала его в принятии решений, которые он отстаивал» [цит. по: 7, р. 157].

Курьезный случай произошел на одном из съездов аболиционистов в 1839 г., который открывал Филлипс. Он обратился к собравшимся со словами: «приглашаю всех присутствующих лиц присоединиться к собранию...»¹⁵. «Джентльменов», – попытался внести ясность Фелпс¹⁶.

¹³ Proceedings of the seventh Annual Meeting of the Massachusetts Anti-Slavery Society. Boston, 1838. P. II.

¹⁴ Letter from Wendell Phillips to the Liberator. Jan. 7, 1839. *The Liberator*. 1839. Vol. 9. No. 2. P. 3.

¹⁵ Eight annual report of the Board of Managers of the Massachusetts Anti-Slavery Society. Boston, 1840. P. 31.

¹⁶ Там же.

«Если женщина наравне с мужчиной заинтересована в исправление ошибок рабства, ...почему она не может наравне с ним выступать на наших платформах», – недоумевающе спрашивал Филлипс Артура Тэппана [цит. по: 9, р. 118]. Его многолетняя борьба за предоставление женщинам полных гражданских прав делает его позицию более чем ясной.

Несмотря на духовную близость, Уэнделл Филлипс все же не был слепым последователем Гаррисона. С точки зрения ценностно-мировоззренческих установок, а также мотивов и фундаментальных целей борьбы, они были аболиционистами совершенно разного толка. Их многолетний союз не был лишен противоречий, почвой для которых была фанатичная религиозность Гаррисона, находившая отражение в его аболиционистской доктрине.

Гаррисон был глубоко верующим человеком, а его антирабовладельческий протест полностью строился на религиозном мотиве. Мерилом всего для него служила христианская этика и Священное Писание, в связи с чем главную проблему рабства он видел в греховности и аморальности этого института. Это гармонично дополнялось его увлечением идеями утопического социального вероучения – перфекционизма¹⁷, в строгом соответствии с которыми Гаррисон окончательно сформулировал свою программу «морального убеждения» к 1838 г. Отказ от политических действий происходил из постулата о государстве как насильственной (т.е. греховной) форме общественной организации; заповедь о ненасилии в буквальном ее прочтении объявлялась строгим ограничителем в методах ведения борьбы, а самосовершенствование – постулат о способности человека, в том числе и рабовладельца, достичь безгрешного состояния – провозглашался главным ее средством. Фундаментальной целью борьбы становилось создание идеального христианского мира, на пути построения которого рабство было первым и главным препятствием¹⁸. Все прочее – утверждение естественных прав человека или цивилизационный прогресс Америки – имело второстепенное значение [8, р. 83–107; 10, р. 213–239].

Если Гаррисон был готов отстраниться от всего светского и американского и во всех вопросах полностью положиться на Библию, то мировоззрение и общественные взгляды Филлипса имели другие источники

¹⁷ Перфекционизм представлял из себя крайне радикальное вероучение, предусматривавшее переустройство общества в духе религиозного анархизма. Его основоположником был Джон Хэмфри Нойз [3, с. 398–402].

¹⁸ Эти принципы Гаррисон окончательно сформулировал к 1838 г., изложив их в обновленном программном документе (Declaration of Sentiments, adopted by the Peace Convention, 1838).

и ориентиры. Сыну первого мэра Бостона, выходцу из старой элитной семьи Массачусетса с детства прививали почтение к коренным национальным ценностям, к патриотическим и революционным традициям. Священными фигурами для него были его великие земляки (отцы-основатели США) Джон Хэнкок, Самуэль Адамс и Джеймс Отис, к которым он часто апеллировал в своих речах. Любивший историю больше других дисциплин, Филлипс особенно вдохновлялся победами свободы над тиранией (в английской, американской и французской революциях), досконально изучал сочинения Мильтона, Бёрка, Монтескье, Локка, конечно же, не в ущерб американским просветителям [6, р. 22–23; 11, р. 13–32; 12, р. 24–25]. Его антирабовладельческий протест сформировался в иных координатах: долг христианина для Гаррисона был гражданским долгом для Филлипса. Он боролся за сохранение высших республиканских идеалов свободы и демократии – за то, чтобы «завершить дело отцов, объявивших всех людей свободными и равными»¹⁹ [6].

Филлипс неоднократно говорил, что он окончательно решил связать свою жизнь с борьбой против рабства после прецедента вопиющего нарушения гражданских свобод – линчевания аболиционистского журналиста Элайджи Лавджоя²⁰. Как он вспоминал, это был момент, сделавший для него ясным, что «корни доньше только видимого ствола дерева, растущего на южной почве, пронзили каждый алтарь Новой Англии, притупили совесть и подавили интеллект, превратили народ, политиков и всех государственных деятелей в животных»²¹, готовых беспрекословно исполнять волю рабовладельца.

Филлипс видел в рабстве великую национальную ошибку, ибо «дух свободы и дух рабства неизбежно находятся в борьбе за господство»²², и одно обязательно победит, полностью уничтожив второе. Перспектива выбора была для него очевидна. «Почему мы боремся с южным рабством? – Чтобы оно не привело к рабству на Севере»²³, – очень просто формулировал он свой мотив. «Мы настолько свыклись с рабством, что больше не замечаем его губительное влияние на политическую жизнь»,

¹⁹ Anti-slavery meeting in Faneuil Hall (Garrison's reporting). *The Liberator*. 1839. Vol. 9. No. 7. P. 1.

²⁰ Элайджа Лавджой был издателем аболиционистской газеты "Alton Observer". За ведение радикальной антирабовладельческой агитации он был убит толпой горожан 7 ноября 1837 г.

²¹ Speech of Wendell Phillips at thirty-fourth annual meeting of the American Anti-Slavery Society. *National Anti-Slavery Standard*. 1867. Vol. 28. No. 3. P. 1.

²² Wendell Phillips. *Speeches, lectures, and letters*. Second series. Boston, 1905. P. 4.

²³ Там же. P. 5.

«ручей всеобщей свободы не может оставаться незагрязненным, пока течет через трясины невольничества», «мы (Север. – С.С.) не можем оставаться здоровы, пока он (Юг. – С.С.) болен»²⁴. Агитационно-пропагандистский арсенал Филлипа, особенно на этом этапе, не изобилует аргументами об ужасе рабства как такового. Главный пафос сводился к тому, что Америка утратит республиканские завоевания, если не избавится от него.

Филлип, конечно, не игнорировал поднятые Гаррисоном морально-этические и религиозные вопросы, однако перфекционистские идеи, отраженные в его программе, Филлип не разделял, в частности из-за их еретического характера. Приверженец ортодоксальных христианских догматов, последовательный кальвинист, он отвергал теоретическую веру в достижение безгрешного состояния, и в целом со скепсисом относился к утопическим стремлениям добиться всеобщего искупления, в том числе и для рабовладельцев. Особенно для Филлипа-патриота, а именно так он себя позиционировал, было неприемлемо стремление гаррисонистов отказываться рассматривать рабство как национальную проблему, и он был против космополитических лозунгов, наподобие девиза «Либерейтора»: «Наша страна – это весь мир, наши соотечественники – это все человечество». Эти противоречия нашли конкретное выражение в 1838 г., когда Филлип выступил против инициативы Гаррисона по созданию Новоанглийского общества непротравления – аболиционистской организации для продвижения перфекционистских принципов [6, р. 66; 12, р. 68–69].

Главный из этих принципов – ненасилие – стал причиной острых разногласий между двумя аболиционистами в 1850-е гг. Гаррисон полностью исключал физическое насилие как метод борьбы, допуская лишь убеждение словом. Он настаивал на том, что аболиционисты никоим образом не должны быть связаны с поддержкой и, тем более, с организацией повстанческой активности рабов. Филлип, в свою очередь, не разделял пацифистских настроений. Хорошо знавший реальную историческую цену тем идеалам, которые защищал, он не мог отказываться в революционном праве никому, кто в нем нуждался, но в то же время подходил к этому вопросу сугубо прагматически. «Признаюсь, я не непротравленец, – открыто заявлял Филлип. – Единственная причина, по которой я советую рабу руководствоваться мирной политикой, состоит в том, что у него нет шансов на успех. Если бы у него были

²⁴ Wendell Phillips. Speeches, lectures, and letters. Second series. Boston, 1905. P. 6.

те же шансы, как у тех, кто отправился в Лексингтон 77 лет назад²⁵, я бы назвал жалким трусом того, кто не стал бы добывать свободу своей собственной правой рукой»²⁶.

Уэнделл Филлипс исповедовал крайне идеалистический подход к реформаторской деятельности, что, безусловно, и определило его солидарность с курсом Гаррисона. У двух аболиционистов сложилось концептуально общее понимание проблемы, цели решения которой, впрочем, оказались совершенно разные. Для Филлипса это было решением «незавершенной задачи республиканской истории», для Гаррисона – воплощением в жизнь христианской утопии [12, р. 68–69]. Они оба видели подлинную проблему рабства вне его институциональных пределов, а ее реальное решение – вне существующей общественно-политической конъюнктуры. Единые в радикальности своих намерений, они не могли подменить это понимание требованием обычной реформы, а логически довели его до задачи добиться полной общественной трансформации. Это был общий знаменатель, ставший прочной основой для многолетнего союза двух аболиционистских лидеров и компенсировавший имевшиеся разногласия.

Библиографический список / References

1. Захарова М.Н. Народное движение в США против рабства. 1831–1860. М., 1965. [Zakharova M.N. Narodnoe dvizhenie v SShA protiv rabstva. 1831–1860 [Community anti-slavery movement in the USA. 1831–1860.]. Moscow, 1965.]
2. Лучинский Ю.В. Журналистика в контексте формирования национальной американской социокультурной модели, 1638–1861 гг.: Дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. [Luchinskij Yu.V. Zhurnalistika v kontekste formirovaniya nazionalnoj amerikanskoj soziokulturnoj modeli, 1638–1861 gg. [Journalism in the context of the formation of a national American sociocultural model, 1638–1861]. Dr. Hab. dis. Krasnodar, 1998.]
3. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. Т. II. Революция романтизма в Америке, 1800–1860. М., 1962. [Parrington V.L. Osnovnye techeniya amerikanskoj mysli] [Main currents in American thought]. Vol. II. The romantic revolution in America, 1800–1860. Moscow, 1962.]
4. Прилуцкий В.В. Протестные движения в США в 1820–1850-е гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Брянск, 2015. [Priluczkiy V.V. Protestnyye dvizheniya v SShA v 1820–1850-e gg. [Protest movements in the USA in the 1820s–1850s]. Dr. Hab. dis. Bryansk, 2015.]
5. Bartlett I.H. Wendell Phillips and the Eloquence of Abuse. *American Quarterly*. 1959. Vol. 11. No. 4. Pp. 509–520.

²⁵ Филлипс ссылается на первые вооруженные столкновения между Великобританией и американскими колониями в 1775 г.

²⁶ Wendell Phillips. Speeches, lectures, and letters. Published by J. Redpatch. Boston, 1863. P. 86–87.

6. Bartlett I.H. Wendell Phillips: Brahmin Radical. Boston, 1961.
7. Crawford M.C. Romantic days in Old Boston: The story of the city and its people during the nineteenth century. Boston, 1922.
8. Kraditor A.S. Means and ends in American abolitionism: Garrison and his critics on strategy and tactics, 1834–1850. Chicago, 1989.
9. Martyn W.C. Wendell Phillips: The agitator. N.-Y., 1891.
10. Mayer H. All on Fire: William Lloyd Garrison and the Abolition of Slavery. N.-Y., 1998.
11. Sherwin O. Prophet of Liberty: The Life and Times of Wendell Phillips. N.-Y., 1958.
12. Stewart J.B. Wendell Phillips, liberty's hero. Baton Rouge, 1986.

Статья поступила в редакцию 08.04.2021, принята к публикации 12.06.2021

The article was received on 08.04.2021, accepted for publication 12.06.2021

Сведения об авторе / About the author

Сироткин Станислав Олегович – аспирант кафедры всеобщей истории Института гуманитарных исследований, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград

Stanislav O. Sirotkin – postgraduate student at the Department of General History of the Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: Ssirotkin444548@gmail.com

В.А. Подольский

Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049 г. Москва, Российская Федерация

Предпосылки формирования социального государства в Великобритании во второй половине XIX – начале XX вв.

В статье рассматривается история социальной политики в Британии с 1834 по 1942 гг. Показаны процессы роста государственного регулирования социальной политики и изменение финансирования пособий, страхования, образования и здравоохранения. Эти процессы представляют интерес в контексте изучения перспектив частно-государственного партнерства в социальной сфере. Изучена роль местного самоуправления в социальной политике Британии. Рассмотрено включение налогоплательщиков и получателей пособий в процессы сбора и распределения средств. Вовлеченное участие в социальной политике – перспективное средство для корректировки и точной настройки мер поддержки. Используется сравнительно-исторический подход, анализ правовых документов, статистических данных, структурно-функциональный анализ системы управления социальной поддержкой. В статье показаны этапы трансформации британской системы социальной политики, формирование новых институтов, переход от частной инициативы к государственному управлению в этой сфере.

Ключевые слова: законы о бедных, история Великобритании, социальная политика, социальное страхование, пенсии

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения государственного задания Государственного академического университета гуманитарных наук по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Подольский В.А. Предпосылки формирования социального государства в Великобритании во второй половине XIX – начале XX вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 67–84. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-67-84

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-67-84

V.A. Podolskiy

State Academic University for the Humanities,
Moscow, 119049, Russian Federation

Background of the emergence of the welfare state in Great Britain in the second half of the XIX – early XX centuries

The article reviews the history of the social policy in Britain from 1834 to 1942. Presents the processes of growth of the state regulation of the social policy and changes in funding of benefits, insurance, education, and healthcare. These processes are worth examination within the context of studying the prospects for private-public partnership in the social sphere. The role of local self-government in British social policy is studied. The inclusion of taxpayers and recipients of benefits in the collection and distribution of funds is considered. Involvement in social policy can be used as means for correction and fine tuning of the social support. Comparative historical approaches, analysis of legal documents, statistical data, structural and functional analysis of the social support management system are used. Stages of transformation of the British social policy system, emergence of new institutions, transition from private effort to the government regulation of the social sphere, are shown in the article.

Key words: poor laws, history of the Great Britain, social policy, social insurance, pensions

Acknowledgments. The article was prepared with financial support within the framework of the state assignment of the State Academic University of the Humanities on the subject “Modern Information Society and Digital Science: Cognitive, Economic, Political and Legal Aspects” (FZNF-2020-0014).

FOR CITATION: Podolskiy V.A. Background of the emergence of the welfare state in Great Britain in the second half of the XIX – early XX centuries. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 67–84. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-67-84

Знакомство с историей социальной политики Великобритании в XIX – начале XX вв. представляет интерес по трем причинам. Во-первых, это время радикальной трансформации системы поддержки, увеличение государственного вмешательства. В тех отраслях, где ранее преобладала активность благотворителей и религиозных организаций, появляются сначала государственные правила, а затем государственные средства. Для России трансформации в социальной политике Британии XIX–XX вв. могут быть изучены для оценки возможностей частно-государственного партнерства в сфере социальной политики, присутствовавшего в Российской Империи, но в современной России почти не представленного.

Во-вторых, это опыт согласования местного самоуправления и общегосударственных инициатив. Все решения, которые принимало центральное правительство, администрировались местными органами, которые нередко были выборными, что создавало, с одной стороны, возможности для гибкой реализации новых правил, а с другой – гарантировало адекватность фактически принимаемых мер местным реалиям. В компетенции органов местного самоуправления и органов власти регионов современной России существует достаточно большие полномочия по воплощению мер социальной политики, но, в отличие от Великобритании, финансовая обеспеченность муниципального уровня обычно недостаточна для масштабных решений.

В-третьих, социальная политика в России с позднесоветских времен воспринимается как данность, гарантированная государством, а страховые решения, принятые в Великобритании в XIX–XX вв. институционально обеспечивали включенность и налогоплательщиков, и получателей пособий. Жители страны платили свои деньги, отдавая «сборы на бедных» или страховые взносы, и могли непосредственно видеть как процесс накопления фондов, так и процесс их расходования. Изучение участия жителей страны в социальной политике представляет ценность при принятии решений в этой сфере.

Социальная политика в Великобритании с 1834 г., когда был принят акт об изменении законов о бедных, известный как «новые законы о бедных», по 1942 г., когда экономист У. Беверидж выступил с докладом

«Социальное страхование и сопутствующие услуги», с которого началось создание британского социального государства, может быть поделена на два неравных периода. Первый период, от принятия «новых законов о бедных» до 1870-х гг., был связан с торжеством свободного рынка и «воспитывающим» подходом к бедным, которым предлагалось опираться на собственные силы, трудиться и избегать пороков, чтобы не оказаться без средств к существованию. В течение второго периода, от реформ 1870-х гг. до 1942 г., происходит серьезное увеличение государственного вмешательства, и от роли «ночного сторожа» государство переходит сперва к регулированию, а затем к финансированию всех сфер социальной политики: жилищного строительства, страхования, пенсий, здравоохранения, образования.

Меры социальной политики, принимаемые в данный период в Великобритании, известны как в отечественной, так и в британской исторической и политической науке. Однако ни в России, ни в Британии не существует работ, которые перечисляли и раскрывали бы все элементы социальной политики в это время. В советский период большое внимание к проблематике было связано с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, активно изучавших положение рабочего класса в Британии. Вопросы положения нуждающихся в Великобритании и организацию системы помощи местными властями также изучали и другие немецкие экономисты, в частности, Р. фон Кауфман в работе «Финансовое хозяйство органов местного самоуправления в Англии, Франции и Пруссии» (1906) [2] и Л. Brentano в монографии «История развития народного хозяйства Англии» (1929) [1]. В первые годы XX в. британская социальная политика была перестроена по немецкому образцу, поэтому ценность представляет сборник статей под редакцией историка В. Моммзена из Дюссельдорфского университета «Возникновение государства всеобщего благосостояния в Британии и Германии: с 1850 по 1950 гг.» (1981) [21]. Обзор активности реформаторов и их роли в изменении социальной политики производится в книге «Бедность и реформа закона о бедных в Британии XIX века, 1834–1914 гг.: от Чадвика до Бута» (1998) историка из Открытого университета Лондона Д. Ингландера [17]. Одна из самых цитируемых британских книг по теме социальной политики в Британии в XIX – начале XX вв. – «Происхождение британского государства всеобщего благосостояния» (2004) Б. Харриса [19]. Оценка «законов о бедных» в отечественной мысли проанализирована О.В. Саламатовой из Поморского университета в статье «Английское законодательство о бедных в русской научной и общественной мысли конца XIX – начала XX века» (2011) [5]. Наиболее масштабным современным исследованием по социальной политике в эту эпоху может

считаться охватывающая период с 1834 по 1950 гг. книга американского историка Дж. Бойера из Корнелльского университета «Извилистая дорога к государству всеобщего благосостояния: экономическая нестабильность и политика социальной защиты в Британии» (2018) [8]. Изменения в социальной политике в Великобритании были во многом связаны с процессом урбанизации, этой теме посвящена диссертация Е.К. Скларовой из Южного федерального университета «Становление социальной политики Великобритании в эпоху урбанизации в первой половине XIX века» (2020) [6]. Социальным реформам второй половины XIX в. и их роли в установлении общественного мира посвящена кандидатская диссертация А.К. Шабуниной «Формы и методы социального компромисса в Англии (1851–1884 гг.)» из Института всеобщей истории РАН (2020) [7].

В первой половине XIX в. социальная политика в Великобритании опиралась на принципы *laissez-faire* либерализма, сочетавшегося с социальным патернализмом элит, который существенно изменился вследствие перехода от феодальной к капиталистической экономической системе. Высшие классы считали, что свободное действие рыночных сил – наиболее эффективный и справедливый способ перераспределения благ в обществе. Закон спроса и предложения распространялся и на рынок труда: низкий уровень зарплат рабочих воспринимался не как злоупотребление со стороны получавших сверхприбыли собственников средств производства, а как следствие избытка предложения на рынке труда. Рабочим предлагалось искать возможность продать свой труд на наиболее выгодных условиях, а их чрезвычайно тяжелое материальное положение высшие классы связывали с ленью и порочным образом жизни. Считалось, что повышение зарплат рабочим подорвет их трудовую дисциплину, а промышленники воспринимались не как эксплуататоры, а как благодетели, дававшие работу «этим несчастным» [цит. по: 4, с. 39]. Высшие классы, таким образом, «воспитывали» рабочих, предлагая им опираться на собственные силы.

Целью преобразований «новых законов о бедных» 1834 г. было сделать процедуру получения помощи для трудоспособных бедных отпугивающей. Для этого использовались два инструмента – принцип «меньшей приемлемости», чтобы достаток получателей пособий был меньше, чем у самого плохо оплачиваемого рабочего, и проверка на нуждаемость работным домом, т.е. общежитием, где нуждающиеся получали еду и кров в обмен на труд, обычно монотонный и тяжелый [5, с. 8]. Согласно новым законам, прекращалась выдача помощи трудоспособным бедным вне работного дома [11, р. 66]. Бедных требовалось делить по категориям в зависимости от возраста и трудоспособности. Базовые

административные единицы Британии, в то время – приходы, были объединены в 600 союзов для строительства рабочих домов, поскольку для отдельных приходов содержание рабочего дома могло быть недостижимым с финансовой точки зрения¹. Контроль за исполнением закона о бедных был передан от назначаемых мировыми судьями надзирателей выборным советам попечителей [11, р. 19–20]. В 1838 г. аналогичные законы были приняты в Ирландии, в 1845 г. – в Шотландии [6, с. 200].

Впервые учреждался специальный центральный орган, Комиссия по закону о бедных, подотчетная Тайному совету. В 1847 г. комиссия была преобразована в Совет по закону о бедных. В 1871 г. совет был упразднен, его функции были переданы Совету по местному правлению. Этот совет также получил полномочия в сфере общественного здоровья, которые ранее принадлежали секретарю по внутренним делам, в его ведении стали находиться регистрация рождений и смертей, общественное здравоохранение, местное самоуправление, канализация и санитария, бани, благоустройство, жилье рабочих, местное налогообложение и профилактика заболеваний, за которую ранее отвечал Тайный совет [11, р. 110].

«Новые законы о бедных» позволили достичь тех результатов, на которые рассчитывали их авторы. Расходы по старому закону о бедных составили 7 млн фунтов в 1834 г., а к 1837 г. они сократились до 4 млн, как в 1803 г.², и, несмотря на быстро растущую численность населения, не достигли старых уровней вплоть до «Ланкаширского хлопкового голода» 1860-х гг., экономического кризиса, вызванного Гражданской войной в США и дефицитом хлопка для английских фабрик [19, р. 52–53].

Парламентская реформа 1832 г. увеличила число избирателей в полтора раза, с 0,4 до 0,6 млн чел., т.е. право голоса получило 15% вместо 10% взрослых мужчин [3, с. 50–65]. Недовольство ограниченным масштабом реформы и жесткостью новых законов о бедных привело к тому, что многие жители страны подавали петиции в парламент, объединяясь в движения, эти движения постепенно выработали единый перечень требований, «хартию». Хартия настаивала на дальнейшей демократизации британской политической системы – введении всеобщего избирательного права для мужчин, зарплата для депутатов, устранении имущественного ценза для кандидатов в депутаты, устранении

¹ Nichols G. A history of the English poor law, in connexion with the legislation and other circumstances affecting the condition of the people. In 2 vols. Vol. 2. L., 1854. P. 454.

² Там же. P. 466.

неравенства между избирательными округами, введении тайного голосования и ежегодных выборов. Под хартией подписалось более миллиона человек, т.е. 10% всего населения Англии на тот момент. Чартизм, движение сторонников хартии, оставался заметным политическим феноменом в 1840-е гг. [23, р. 107]. Одним из ответов высших классов на требования о расширении избирательного права стал рост внимания к проблемам нуждающихся, развитие благотворительности.

Благотворительностью в середине XIX в. занималось 650 организаций, в это время была создана, например, одна из крупнейших современных благотворительных организаций, «Армия спасения» У. Бута. Суммарные расходы благотворительных организаций в 1860-е гг. достигали 2,5 млн фунтов в год [18, р. 149]. Их функции и сферы активности часто дублировались. Сумма благотворительных расходов составляла половину от той суммы, которая тратилась в Англии из сборов на бедных, а в Лондоне превышала их [11, р. 107]. В 1869 г. было учреждено общество организации благотворительности для координации усилий благотворительных организаций и государственной помощи. Общество организации благотворительности направило циркуляр в Совет по местному правлению о «неразборчивой» помощи после «Ланкаширского хлопкового голода», когда впервые с 1830-х гг. помощь массово выдавалась вне рабочих домов. В 1870-е гг., вследствие этого циркуляра, число получателей помощи вне рабочего дома сократилось вдвое, с 1 млн до 500 тыс. чел., а общее число получателей помощи упало с 4 млн до 2 [15, р. 26].

Рост грамотности и благосостояния населения, ускорившийся приблизительно с 1850-х гг., а также опасения по поводу политической стабильности подтолкнули парламент к ряду реформ, призванных обеспечить лояльность населения. В 1867 г. по решению парламента число избирателей снова увеличивается, с 1,4 до 2,5 млн чел., т.е. с 20 до 30% взрослых мужчин, были серьезно пересмотрены избирательные округа. Инициаторы реформ рассчитывали, что новые избиратели, в основном, сравнительно обеспеченные рабочие, будут заинтересованы в сохранении своего положения в частности и общей политической конфигурации в целом. В 1875–1876 гг. по инициативе консервативного правительства Б. Дизраэли был проведен ряд реформ в сфере трудового законодательства, образования, санитарии, которые стали первым шагом по переходу от *laissez-faire* к активному государственному регулированию. Эти тенденции усилились в последние годы XIX в., когда консерваторы проводили реформы, опасаясь распространения социалистических идей в стране. В 1884 г. по итогам парламентской реформы избирательное право было уже у 60% взрослых мужчин [8, р. 206]. Государство

стало регулировать также и жилищное строительство. Если в 1875 г. закон обязывал местные власти контролировать обеспечение водой и состояние жилья [27, р. 89], то акт 1885 г. устанавливал стандарты санитарии жилья [Там же, р. 94], а закон 1890 г. «О жилье для рабочих» давал право местным властям выкупать землю и строить жилье [Там же, р. 97]. В конце XIX в. массовое жилищное строительство осуществлялось по инициативе и на средства либо частных благотворителей, либо специально создаваемых для этих целей товариществ.

В 1894 г. был принят акт о местном самоуправлении. Была пересмотрена система административного деления, создавались выборные органы местного самоуправления, женщины, владевшие собственностью, получали право голосовать на местных выборах, работать в школьных советах. В советы попечителей о бедных смогли избираться рабочие [11, р. 126]. У. Крукс, лейборист, стал первым ребенком из рабочего дома, занявшим должность попечителя [Там же, р. 134].

Хотя еще в средние века в Англии принимались законы о санитарии, в 1830-е гг. по рекомендации Королевской коллегии терапевтов в регионах страны были созданы местные советы по санитарии [27, р. 55–56]. Первой значимой попыткой государственного регулирования в этой сфере обычно считают Акт об общественном здоровье 1848 г. Закон был разработан при активном участии одного из авторов «Новых законов о бедных», бентамиста Э. Чадвика. Этот акт наметил важнейшие черты системы общественной санитарии в Британии, а последующие нормативные акты делали его положения обязательными и обеспечивали их административными и финансовыми ресурсами [Там же, р. 66].

Закон 1848 г. создавал Совет по общественному здравоохранению, его функции в 1858 г. были переданы Министерству внутренних дел и Совету по местному самоуправлению [Там же, р. 72]. Согласно закону, местные власти в целях профилактики заболеваний получали право обеспечивать водоснабжение и водоотведение, канализацию, мощение дорог, уборку, должны были следить за состоянием скотобоен. Местные власти могли брать займы на создание инфраструктуры и выплачивать их из местных налогов. Могли нанимать медицинский персонал и инспекторов для оценки угроз здоровью от промышленных выбросов и свалок [Там же, р. 66]. В 1866 г. акт о санитарии обязывал местные власти строить канализацию, подключать к ней дома и вводил максимальную численность жителей домов [Там же, р. 79].

В 1858 г. актом парламента был учрежден Главный медицинский совет, который вел реестр врачей. Без включения в реестр врач не имел права осуществлять медицинскую деятельность [Там же, р. 73].

Во второй половине XIX в. строятся десятки больниц для бедных [11, р. 121]. Примерно треть больничных коек принадлежала учреждениям, за которые отвечали местные власти, треть – благотворительным учреждениям, а еще треть – учреждениям, финансируемым из сборов на бедных [19, р. 227]. Хотя центральное правительство и предоставляло гранты местным властям, качество медицинских услуг и санитарные условия сильно различались в зависимости от региона [Там же, р. 241].

Акт о парламентской реформе 1884 г. предполагал лишать избирательного права получателей помощи по закону о бедных. Исключение делалось для тех, кто получал медицинскую помощь по закону о бедных, в некоторых районах таким правом пользовалось до трети населения [11, р. 124–125].

Другим важным направлением активности государства было увеличение регулирования в сфере производства, в первую очередь, текстильного. Фабричные законы принимались в течение всего XIX в. и первой половины XX в. и постепенно охватывали не только текстильную отрасль, но и другие. В 1802 г. был принят первый из серии «фабричных законов», акт об условиях труда для подмастерьев, включавший в себя требования к санитарии, ограничение труда подмастерьев 12 часами, запрет на ночной труд для подмастерьев, подмастерьев должны были учить чтению, письму и счету [27, р. 50]. Закон фактически не выполнялся, поскольку детям перестали присваивать статус подмастерьев. В 1819 г. закон был обновлен, был добавлен запрет на труд детей до 9 лет, ограничение 12 часами в день труда детей до 16 лет [Там же, р. 52]. В 1833 г. введено требование, согласно которому дети могли привлекаться к работе, только если они предъявляли сертификат, подтверждавший, что они обучались в школе. Учреждалась должность фабричных инспекторов, подчиненных министерству внутренних дел. В 1844 г. продолжительность рабочего дня для женщин и детей была ограничена 12 часами, а в 1847 г. – 10. В 1850-е гг. было принято несколько законов об обеспечении безопасности производства. В 1878 г. законодательство было консолидировано [18, р. 25–34]. В 1891 г. возраст для найма детей был увеличен до 11 лет, запрещалось привлекать к работе женщин в течение месяца после родов [27, р. 97]. В 1937 г. были консолидированы отдельные законы, принимавшиеся с конца XIX в. до 1930-х гг., и законодательство фактически приблизилось к современному, с требованиями по безопасности производства, санитарии и иных условий труда, а также продолжительности рабочего дня [Там же, р. 137].

В 1839 г. было положено начало систематическому государственному регулированию в сфере образования, был создан комитет по образованию в Тайном совете для проверки использования грантов,

которые парламент выделял на развитие общественного образования [16, р. 230–231]. С 1840 по 1850 г. расходы на образование возросли в 20 раз, с 10 до 200 тыс. фунтов в год, а с 1850 по 1860 г. – еще вчетверо, до 800 тыс. фунтов [19, р. 144]. В 1856 г. был создан департамент образования, подчиненный Тайному совету [16, р. 248]. В школах в 1850-е гг. было уже более двух миллионов детей [Там же, р. 250], или примерно половина всех детей школьного возраста. Организацией работы школ занимались благотворительные учреждения и англиканская церковь, что зачастую вызывало недовольство протестантов-диссентеров, которые добивались возможности получать финансирование для своих школ, не связанных с государственной церковью. В 1862 г. была учреждена сертификация школ для бедных, надзиратели по закону о бедных получили право оплачивать работу таких школ из взносов на бедных [Там же, р. 253].

Первый масштабный закон об образовании в Англии был принят в 1870 г. Акт парламента учреждал местные власти, «советы», с полномочиями по развитию существующих школ и выделял им средства из бюджета, они могли регулировать число мест в школах, нанимали сотрудников школ, владели землей, на которой размещалась школа. Они были выборными и могли организовывать преподавание независимо от англиканской церкви, а также оплачивать обучение наиболее бедных детей [Там же, р. 276–279]. В 1872 г. в Шотландии были созданы советы по образованию, образование для детей в возрасте от 5 до 14 лет стало обязательным [Там же, р. 545].

Акт парламента 1876 г. обязал родителей обеспечивать их детям начальное образование, учредил комитеты по посещаемости школ. Закон 1880 г. сделал обязательным посещение школ детьми в возрасте от 5 до 11 лет. По закону 1890 г. в Шотландии и 1891 г. в Англии плату за учащихся стало вносить государство, хотя для низших классов обязательное образование оказывалось фактически недоступно из-за того, что дети работали [Там же, р. 272–283]. В 1898 г. были введены пенсии для учителей [Там же, р. 346]. В 1899 г. департамент образования был переименован в Совет по образованию [Там же, р. 311] и действовал до 1944 г., когда было создано Министерство образования [Там же, р. 375].

В XIX в. британская социальная политика была перестроена по рационалистическим экономическим принципам, но затем развивалась по логике политической целесообразности. Помощь бедным с 1834 г. предоставлялась с воспитательным подтекстом, подталкивая нуждающихся к участию в рынке труда. Во второй половине XIX в. симпатии к доктрине *laissez-faire* среди элит стали ослабевать. Отчасти это было

связано с гуманистическими соображениями, поскольку благодаря романам Ч. Диккенса и Б. Дизраэли и активности таких филантропов, как Э.Э. Купер, 7-й граф Шефтсбери, высшие классы больше узнали о положении рабочих. Отчасти это было связано с опасениями по поводу устойчивости политической системы, поскольку, помимо чартистского движения в своей стране, британцы также наблюдали серию революций в 1848 г. в Европе. Отчасти запрос на увеличение государственного вмешательства был вызван усложнением экономики и ростом численности населения, что создавало новые вызовы, в первую очередь, в сфере санитарии. Наконец, увеличение числа избирателей привело к тому, что партии начали конкурировать и за голоса рабочих, а не только состоятельных налогоплательщиков.

В последние десятилетия XIX в. британские политики ввели массовые меры поддержки: бесплатное образование, регулирование санитарных условий и условий труда, жилищное строительство. Повышение благосостояния общества и демократизация правления в Британии привели к росту внимания к положению низших классов и дальнейшим изменениям в социальной политике в начале XX в. В 1901 г. вышла работа о городских бедняках социолога С. Раунтри «Исследование городской жизни», в 1902 г. было опубликовано масштабное исследование о состоянии лондонской бедноты социолога Ч. Бута [17, р. 57]. В 1905–1909 гг. вела работу комиссия по закону о бедных с участием экономиста Беатрис Вебб, члена Фабианского общества, сторонников постепенного перехода к социализму. Правительство либерала Д. Ллойд Джорджа, который стремился подражать социальному законодательству Германии и даже посещал эту страну для изучения опыта, ввело серию законов о социальном страховании и учредило пенсии [21, р. 84–106].

Рост лейбористской партии ставил и перед консерваторами, и перед либералами риски потерять электорат из числа рабочих, поэтому обе партии уделяли большое внимание вопросам трудовых отношений. Первые биржи труда создавались по частной инициативе еще с 1870-х гг. В 1902 г. в Лондоне муниципалитеты получили право содержать биржи труда за счет местных сборов [20, р. 156], а в 1905 г. местные власти получили право предоставлять нуждающимся работу за счет местных сборов [13, р. 38]. В 1909 г. закон о биржах труда был принят парламентом. Для работы над этим законом член парламента и руководитель Совета Великобритании по торговле У. Черчилль (будущий премьер-министр), по рекомендации Беатрис Вебб привлек экономиста У. Бевериджа, который впоследствии стал архитектором социального государства в Британии [24, р. 110].

Наиболее значимыми реформами начала XX в. в сфере социальной политики был акт о страховании 1911 г. и акт о пенсиях 1908 г. Согласно акту 1908 г., пенсии по старости полагались гражданам старше 70 лет и выплачивались из налогов. Пенсия платилась еженедельно, в крайне небольшом объеме, примерно в сумме около 23 фунтов в пересчете на современные деньги, чтобы мотивировать работников самих обеспечивать свою старость [24, р. 50]. Чтобы получить право на пенсию, соискатель должен был иметь доход менее 3 800 фунтов в современных деньгах в год, проживать в стране не менее 20 лет и работать. На пенсию не могли претендовать получатели пособий для бедных, умалишенные, заключенные, пьяницы [22, р. 98]. Пенсию выдавала почта, а не учреждения закона о бедных, чтобы пенсия не воспринималась как нечто постыдное из-за аналогии с пособиями для бедных. Пенсии назначались местными советами по заявке просителей [18, р. 183]. За 1908 г. выдали 600 тыс. пенсий, охвачен был 1% населения [24, р. 50]. К 1948 г., после увеличения числа категорий получателей пенсий, выплаты получало 13% граждан, в это время Британия тратила на пенсии 1,5% ВВП [9, р. 64–66].

В 1911 г. был принят закон о страховании, который включал в себя страховку для оплаты медицинских расходов и страховку от безработицы. Закон учреждал комитеты по страховке. Первая часть закона о национальной страховке вводила национальную страховую схему с предоставлением выплат на медицинские расходы. Все работники, которые получали менее 20 тыс. фунтов в год в современных деньгах, должны были делать взносы по страховке, 45% платили рабочие, 30% работодатели, а 25% бюджет – около 2 фунтов в современных деньгах в месяц [24, р. 51]. По этому закону работники могли взять отпуск по болезни и получать выплаты в 240 фунтов в месяц в современных деньгах в течение 4 месяцев и 120 фунтов еще 4 месяца. Рабочие также получали право на лечение у врача страховой кассы и санаторное лечение от туберкулеза. Также выплачивались единовременные материнские пособия в размере 200 фунтов в современных деньгах [18, р. 198].

Национальный страховой фонд хранился централизованно, и все трудящиеся были обязаны делать в него взносы. Сбор взносов и организация выплат осуществлялись «Утвержденными сообществами», созданными на базе тех дружеских сообществ рабочих, которые существовали в Британии еще с XVIII в. Рабочий мог выбрать, к какому «Утвержденному сообществу» принадлежать, что стимулировало конкуренцию. Собственные расходы сообществ, такие, как лечение членов, возмещались фондом раз в полгода [22, р. 101–103].

Пособие по безработице впервые было введено в 1911 г. в рамках Национального акта о страховке для ищущих работу граждан, которые платили взносы в национальную страховку и работали в таких отраслях, где риск безработицы считался самым высоким – строительство, металлургия, судостроение. Максимальный объем выплат составлял до 35 фунтов в неделю в современных деньгах, выплаты предоставлялись в течение 12 месяцев [19, р. 163]. Система была построена на страховых принципах и предполагала выплаты от рабочих и работодателей, которые платили по 0,5 фунта в современных деньгах в неделю [22, р. 101]. К 1913 г. от безработицы было застраховано 2 млн рабочих и 15 млн – от болезней, к 1940 г. – 12 и 21 млн соответственно, более половины рабочих [18, р. 231–233]. Акт 1921 г. внес требование, согласно которому соискатель пособия по безработице должен был искать работу [Там же, р. 221]. В феврале 1922 г. из числа получателей пособий по безработице были исключены те, кто жил с родственниками [25, р. 164].

В 1916 г. было учреждено Министерство пенсий, которое координировало выплату пособий военнослужащим [12, р. 29]. В 1925 г. Акт о пенсионных взносах для пожилых, вдов и сирот создал систему взносов для выплаты пенсий вдовам и сиротам застрахованных получателей пенсий [19, р. 215]. Закон 1925 г. объединил сборы на бедных с общими местными налогами, роль приходов и надзирателей в установлении и сборе налогов в 1929 г. перешла к округам и районам [11, р. 152]. «Законы о бедных» прекратили свое существование. Вместо советов попечителей были созданы Комитеты социальной помощи, работные дома были упразднены.

Акт 1934 г. учредил государственный комитет по страхованию от безработицы, для управления пособиями по безработице, предоставляемыми на основании уплаты Национальной страховки во время работы, и Совет по безработице для предоставления средств с проверкой на нуждаемость для тех, кто не имел права на такие выплаты из-за направления занятости [18, р. 231].

Если за XVIII в. население Британии выросло почти в два раза, с 8 до 15 млн чел. [26, р. 93], то за XIX в. оно выросло почти втрое, до более чем 40 млн чел. [13, р. 347], что сделало жилищную проблему одной из наиболее острых в стране. В XX в. в Британии получила развитие тенденция массового строительства доступного жилья и регулирования жилищного рынка, возникшая в конце XIX в. В 1915 г. был принят закон о предельной арендной плате, для контроля за исполнением этого закона введена регистрация получения арендных выплат арендодателями [19, р. 244]. В 1919 г. законом о жилье и городском

планировании были учреждены государственные субсидии для местных властей на строительство жилья, было построено 200 тыс. домов. В 1930-е гг. программа субсидий была расширена, и на государственные средства местные власти и частные застройщики возвели 1,5 млн домов, или более трети построенного в 1920-е и 1930-е гг. жилья. Если в начале столетия собственниками жилья было менее 20% жителей страны, то к 1940-м гг. – более 30% [18, р. 237–238].

В XX в. государство продолжило централизацию системы образования. В 1902 г. в Англии и в 1918 г. в Шотландии были приняты акты об образовании, которые переподчинили школы от выборных советов местным властям [16, р. 315]. Число школьников в Великобритании превысило 5 млн чел., удвоившись с 1860-х гг. [19, р. 146]. В 1906 г. был принят закон о бесплатном питании в школах, а акт 1907 г. вводил требования к санитарному состоянию школ [16, р. 325–326]. Закон 1918 г. увеличил возраст обязательного образования с 11 до 14 лет [Там же, р. 343]. В 1900 г. расходы на образование превысили 10 млн фунтов (0,5% ВВП), а в 1940 г. – 100 млн (2% ВВП) [14, р. 7].

В XX в. государство стало активно регулировать сферу здравоохранения. В 1918 г. был создан Совет по здравоохранению в Шотландии. В 1919 г. было учреждено Министерство здравоохранения Англии [27, р. 120]. Акт упразднил Совет по местному самоуправлению, и его полномочия были переданы новому министерству, которое также взяло на себя обязательства Уполномоченных по страховке, обязательства Совета по образованию в сфере здравоохранения, полномочия Тайного совета в вопросах установления правил сопровождения рождения детей и полномочия Секретаря внутренних дел по заботе о детях. Также закон учреждал консультативные советы по национальной медицинской страховке, по медицинским и смежным услугам, по местной администрации в вопросах здравоохранения и по общим вопросам в сфере здравоохранения [7, р. 226]. Уровень доступности медицинских услуг в первой половине XX в. был чрезвычайно неоднородным в зависимости от региона и платежеспособности пациентов. Объем медицинских услуг, которые предоставляли «утвержденные сообщества», заметно различался, лишь 10% рабочих могли рассчитывать на компенсацию издержек на пребывание в больнице по медицинской страховке [19, р. 225]. В 1939 г. была учреждена экстренная больничная служба, впоследствии ставшая «скорой помощью» [27, р. 142].

Вследствие роста образованности и благосостояния населения в первые десятилетия XX в. был завершен процесс демократизации, начавшийся с парламентской реформой 1832 г. В 1918 г. право голоса получили все мужчины старше 21 года, а также женщины старше 30 лет,

чей уровень благосостояния соответствовал установленному имущественному цензу. В 1928 г. избирательные права женщин и мужчин были уравнены [13, р. 258]. В годы Второй мировой войны по итогам доклада У. Бевериджа о социально-экономической ситуации в стране начался следующий этап изменения социальной политики в стране – строительство «государства всеобщего благосостояния», отчасти в качестве ответа на реформы в СССР, отчасти вследствие изменения общественной, политической и экономической ситуации в Британии.

В XIX – начале XX вв. в Британии произошли масштабные изменения в системе социальной политики вследствие постепенно меняющейся реакции властей на социальные, экономические и политически вызовы и международную обстановку, а также учета опыта Германии.

До 1870-х гг. в стране преобладал либеральный подход к организации помощи нуждающимся: поддержка предоставлялась только в тех случаях, когда получатель был полностью нетрудоспособным или соглашался отрабатывать кров и питание в «рабочем доме», условия в которых были чрезвычайно тяжелыми.

«Новые законы о бедных» внесли отношение к бедным как к ресурсу на рынке труда и учредили «принцип наименьшей приемлемости», чтобы не терять эти ресурсы и подталкивать нуждающихся к трудовой деятельности. В последние десятилетия XIX в. подход к социальной политике начинает меняться из-за роста благосостояния населения, реформ избирательной системы и опасений по поводу распространения социализма. Меры социальной политики, внедряемые консервативной партией в 1870-е гг., были направлены на приобретение электоральной поддержки. Государство начало активно внедрять регулирование в сфере образования, здравоохранения, жилищного строительства.

Комплекс реформ в социальной сфере, проведенных в первой половине XX в. либеральным правительством, отражал конкуренцию партий за возможность реализовать популярные социальные решения. Принятые меры в основном опирались на немецкий опыт и систему страховых выплат. Для предоставления социальной поддержки также использовались средства, полученные за счет сбора налогов. Пенсионные и медицинские страховые программы субсидировались государством. Строилось муниципальное жилье за счет средств, полученных местными властями из государственного бюджета. Сложилась система всеобщего обязательного бесплатного образования. Государство взяло на себя те функции, которые ранее выполняли религиозные и благотворительные организации и «дружеские сообщества» рабочих, включив в новые схемы существующие институты. Опыт частно-государственного

партнерства представляет интерес для России. До революции такая практика была широко распространена, меценаты строили больницы и школы и обеспечивали их работу.

В конце XIX в. в Британии была проведена реформа системы местного самоуправления. Исторически самые мелкие административные единицы Британии, приходы, осуществляли и сбор, и распределение средств на помощь для нуждающихся, отвечали за здравоохранение и образование. Многие из этих практик сохранились по сей день. В России местное самоуправление номинально обладает достаточно широкими полномочиями в вопросах социальной политики, но фактически возможности для масштабных решений и дорогостоящих социальных программ ограничены из-за небольших финансовых ресурсов большинства муниципалитетов.

Еще со времен «старых законов о бедных» для британской политики был характерен адресный подход к получателям помощи. В России с позднесоветских времен социальная политика стала фактически анонимной за исключением некоторых программ, предполагающих личный контакт нуждающихся и работников социальных служб. В Британии «сборы на бедных» предполагали конкретного плательщика, который помогал конкретному нуждающемуся, с которым он мог быть знаком лично. Принципы частно-государственного партнерства, местного самоуправления, ответственности и вовлеченности налогоплательщиков и получателей помощи – это три аспекта британской социальной политики XIX – начала XX вв., имеющие наибольшее значение для планирования решений в отечественной социальной политике.

Библиографический список / References

1. Брентано Л. История развития народного хозяйства Англии в 3 томах. М.; Л., 1930. [Brentano L. Istoriya razvitiya narodnogo khozyaystva Anglii v 3 tomakh. [Eine Geschichte der wirtschaftlichen Entwicklung Englands]. Moscow, Leningrad, 1930.]
2. Кауфман Р., фон. Финансовое хозяйство органов местного самоуправления в Англии, Франции и Пруссии в 2 томах / Пер. с нем. В.И. Браудо. СПб., 1910. [von Kaufmann R. Finansovoye khozyaystvo organov mestnogo samoupravleniya v Anglii, Frantsii i Prussii v 2 tomakh [Kommunalfinanzierung in England, Frankreich und Preußen]. Transl. from German by V.I. Braudo. St. Petersburg, 1910.]
3. Минаев А.И. Британский парламентаризм в конце XVIII – начале XX века: основные тенденции развития. Рязань, 2008. [Minayev A.I. Britanskiy parlamentarizm v kontse XVIII – nachale XX veka: osnovnyye tendentsii razvitiya [British parliamentarism in the end of the XVIII – beginning of the XIX century: Main tendencies of the development]. Ryazan, 2008.]

4. Мюрберг И.И. Свобода в пространстве политического. Современные философские дискурсы. М., 2009. [Murberg I.I. Svoboda v prostranstve politicheskogo. Sovremennyye filosofskiye diskursy (Freedom in the space of the political. Contemporary philosophic discourses). Moscow, 2009.]
5. Саламатова О.В. Английское законодательство о бедных в русской научной и общественной мысли конца XIX – начала XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 7–13. [Salamatova O.V. English legislation about the poor in the Russian scientific and public thought of the late XIX – early XX centuries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2011. No. 2. Pp. 7–13. (In Rus.)]
6. Склярлова Е.К. Становление социальной политики Великобритании в эпоху урбанизации в первой половине XIX века: Дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. [Sklyarova Ye.K. Stanovleniye sotsialnoy politiki Velikobritanii v epokhu urbanizatsii v pervoy polovine XIX veka [Emergence of the social policy in the Great Britain in the age of urbanisation in the first half of the XIX century]. Dr. Hab. dis. Stavropol, 2021.]
7. Шабунина А.К. Формы и методы социального компромисса в Англии (1851–1884 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. [Shabunina A.K. Formy i metody sotsialnogo kompromissa v Anglii (1851–1884 gg.) [Forms and methods of social compromise in England (1851–1884)]. PhD dis. Moscow, 2020.]
8. Berridge V. Health and medicine. *The Cambridge social history of Britain 1750–1950 in 3 vols*. Vol. 3. Social agencies and institutions. F.M.L. Thompson (ed.). Cambridge, 1990. Pp. 171–243.
9. Boyer G.R. The winding road to the Welfare State: Economic insecurity and social welfare policy in Britain. Princeton, 2018.
10. Bozio A., Crawford R., Tetlow G. The history of state pensions in the UK: 1948 to 2010. IFS Briefing note BN105. L., 2010.
11. Brundage A. The English Poor Laws, 1700–1930. N.-Y., 2002.
12. Butcher T. Delivering welfare. L., 2002.
13. Butler D., Butler G. Twentieth century British political facts, 1900–2000. Basingstoke, 2000.
14. Carpentier V. Public expenditure on education and economic growth in the UK, 1833–2000. *History of Education*. 2003. Vol. 32. No. 1. Pp. 1–23.
15. Crocker R.H. The Victorian Poor Law in crisis and change: Southampton, 1870–1895. *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1987. Vol. 19. No. 1. Pp. 19–44.
16. Curtis S.J. History of education in Great Britain. L., 1953.
17. Englander D. Poverty and Poor Law Reform in Nineteenth-Century Britain, 1834–1914: From Chadwick to Booth. L., 1998.
18. Fraser D. The evolution of the British Welfare State. Basingstoke, 2009.
19. Harris B. The origins of the British Welfare State. Social welfare in England and Wales, 1800–1945. Basingstoke, 2004.
20. Harris J. Beveridge. A biography. Oxford, 1977.
21. Hennock E.P. The Origins of British National Insurance and the German Precedent 1880–1914. *The Emergence of the Welfare State in Britain and Germany: 1850–1950*. W. Mommsen (ed.). L., 1981. Pp. 84–106.

22. Jones K. The making of social policy in Britain 1830–1990. L., 1994.
23. Peberdy R., Waller P. A Dictionary of British and Irish history. Hoboken, 2020.
24. Renwick C. Bread for all. The origins of the welfare state. L., 2017.
25. Thane P. The foundations of the Welfare State. N.-Y., 1982.
26. The economic history of Britain since 1700 in 3 vols. Vol. 1: 1700–1860. R. Floud, D. McCloskey (eds.). Cambridge, 1994.
27. Warren M.D. A chronology of state medicine, public health, welfare and related services in Britain 1066–1999. L., 2000.

Статья поступила в редакцию 04.08.2021, принята к публикации 10.09.2021

The article was received on 04.08.2021, accepted for publication 10.09.2021

Сведения об авторе / About the author

Подольский Вадим Андреевич – кандидат политических наук; доцент факультета политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

Vadim A. Podolskiy – PhD in Political Sciences; assistant professor at Faculty of Political Sciences, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

E-mail: deomniscibili@yandex.ru

О.Ю. Очереднюк

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Сенатор Маргарет Чейз-Смит как первый представитель оппозиции маккартизму

В статье определяется роль американского сенатора Маргарет Чейз-Смит в противодействии маккартизму через раскрытие ее мотивов и образа действий в контексте формирования политического ландшафта США 1950-х гг. Выявляется происхождение и природа маккартизма как уникального политического явления в истории США, анализируются предпосылки и причины его неприятия различными представителями американского общества. Автор рассматривает политическую деятельность сенатора Чейз-Смит и ее программное заявление во взаимосвязи с развитием и радикализацией идеологических тенденций послевоенной американской политики.

Ключевые слова: Маргарет Чейз-Смит, Джозеф Маккарти, маккартизм, Сенат США, антикоммунизм, «Декларация совести»

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Очереднюк О.Ю. Сенатор Маргарет Чейз-Смит как первый представитель оппозиции маккартизму // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 85–96. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-85-96

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-85-96

O.Yu. OcherovnyukMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Senator Margaret Chase Smith as the first member of the opposition to McCarthyism

The article defines the role of the US Senator Margaret Chase Smith in countering McCarthyism by revealing her motives and course of action in the context of formation of the political landscape in the United States in the 1950s. The origin and nature of McCarthyism as a unique political phenomenon in the history of the United States are revealed, the preconditions and reasons for its rejection by various representatives of American society are analyzed. The author examines the political activity of Senator Chase Smith and her mission statement in correlation with the development and radicalization in ideological trends of post-war American policy.

Key words: Margaret Chase Smith, Joseph McCarthy, McCarthyism, US Senate, anti-communism, «Declaration of Conscience»

FOR CITATION: Ocherovnyuk O.Yu. Senator Margaret Chase Smith as the first member of the opposition to McCarthyism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 85–96. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-85-96

На рубеже 1950-х гг. тенденция участия женщин в политической жизни США становится очевидной. Женщины становятся все более политически активны, они все менее зависят в своем избирательном праве от отца или мужа, но, тем не менее, даже в послевоенный период женщина-политик была редкостью. Одной из таких женщин стала сенатор от штата Мэн Маргарет Чейз-Смит. На протяжении всей жизни она сохраняла глубокую веру в незыблемость американских ценностей. Поколение политических деятелей послевоенной Америки, к которому и принадлежала Маргарет Чейз-Смит, было нацелено на искоренение инакомыслия, поскольку это было продиктовано логикой биполярного

противостояния. Однако в подобного рода борьбе лишь немногие политики смогли понять необходимость приоритета истинных моральных ценностей над идеологическими установками государства. Таким образом, Маргарет Чейз-Смит явилась, по сути, первым представителем консервативных 1950-х гг., которая выявила противоречие между декларируемой свободой слова и реальным положением дел внутри страны.

Целью данной статьи является доказательство того, что оппозиция маккартизму в Сенате США сформировалась уже на ранней стадии существования этого явления.

В задачи статьи входит: определить роль сенатора Маргарет Чейз-Смит в формировании оппозиции маккартизму, раскрыть ее мотивы разоблачения сущности маккартизма, проанализировать ее программное заявление в Сенате («Декларация совести»).

Основным источником этой статьи является программный документ Маргарет Чейз-Смит, названный ею «Декларация совести»¹, который она огласила с трибуны Сената 1 июня 1950 г. в ответ на Уилингскую речь сенатора Джозефа Маккарти². Также мы рассмотрели ряд статей в газете «The New York Times», в которых шла речь о противостоянии Маргарет Чейз-Смит и Джозефа Маккарти.

Деятельность Маргарет Чейз-Смит была освещена ее биографами, в т.ч. Дж. Шерман и П. Уоллес [11; 14]. Кроме того, мы изучили американскую научную литературу, посвященную не только личности самого Маккарти, но и его деятельности (Л. Клуоне, Э. Крузе, Р. Шоган) [6; 7; 12].

Маргарет Чейз-Смит родилась в 1897 г. в рабочей семье в маленьком городе Скаухиган штата Мэн [7, с. 167]. Ее карьера во многом была определена успешным браком с политиком Клайдом Смитом в 1930 г. В 1937 г. он был избран в Палату представителей Конгресса США от штата Мэн, а весной 1940 г. незадолго до собственной смерти, вероятно, предчувствуя ее, выступил перед избирателями с просьбой продолжить его начинания и избрать на его место супругу [10, с. 6]. Поскольку Маргарет принимала активное участие в жизни штата, избиратели поддерживали ее, следуя «политическому завещанию» ее мужа. В том же году она была избрана в Палату представителей от родного штата.

Во время Второй мировой войны ее полномочия расширились: став членом Комитета по военно-морским делам Палаты представителей в 1943 г., она инспектировала военно-морские базы США в Тихом океане – за 17 дней инспекционной поездки она преодолела 24 527 миль,

¹ Chase-Smith M. Declaration of Conscience. 1950. June, 1. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/margarethchasesmithconscience.html> (date of access: 01.03.2021).

² McCarthy J. The Wheeling Speech. 1950. February, 9. URL: https://pages.uoregon.edu/eherman/teaching/texts/McCarthy_Wheeling_Speech.pdf (date of access: 01.03.2021).

нередко оказываясь в зоне боевых действий [11, с. 68]. Занимая такой ответственный пост и понимая, что СССР был союзником США в войне, она, тем не менее, не испытывала симпатии к коммунистической идеологии.

Новый виток политической карьеры Чейз-Смит случился уже в разгар Холодной войны: в 1949 г. она получила место в Сенате, пройдя последовательно республиканские праймериз, а затем и одержав победу над кандидатом от Демократической партии Эдрианом Сколтенем.

Ее знакомство с сенатором Джозефом Маккарти состоялось еще в 1947 г., когда их общая знакомая, журналистка Мэй Крейг, представила их друг другу [Там же, с. 101].

Современные исследователи по-разному оценивают политические отношения между Маккарти и Чейз-Смит в начале совместной работы в партии, хотя все отмечают глубокие различия в их характерах. «Ранние отношения между Маккарти и Смит были хорошими, несмотря на многочисленные различия между ними. У него было высшее образование; у нее его не было. Его поведение было громким и вызывающим; она была тихой и сдержанной. Он много выпивал и был курильщиком; она не пила и не курила. Ему нравилась ночная жизнь; она была дамой, которая избегала вечеринок. Его поддерживали консерваторы, стоявшие на вершине иерархии Республиканской партии, в глазах которых она была либеральным республиканцем Нового курса» [7, с. 171]. В то же время в профессиональных вопросах, среди которых была и проблема роста влияния коммунизма в Америке и необходимость решительной борьбы с ним, Маргарет поначалу имела в целом схожую позицию с Маккарти.

Камнем преткновения явилась попытка Чейз-Смит детально проанализировать документацию (в частности, фотоматериалы), которые Маккарти регулярно представлял в качестве доказательств по обвинению американских граждан в политической нелояльности на заседаниях Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Чейз-Смит говорила сенатору: «Возможно, я недостаточно умна, Джо. Но эти материалы не говорят мне ни о чем и не подтверждают ваши обвинения» [Там же, с. 171].

Дальнейшее развитие событий докажет правоту Чейз-Смит по поводу сомнительной доказательной базы Маккарти в отношении обвиняемых в «пособничестве коммунистам». В конечном итоге, именно неспособность Маккарти, юриста по образованию, подвести под собственные обвинения фундамент доказательств, примером которых мог послужить процесс против композитора Аарона Копленда [9, с. 455–477], сплотит против него общественное мнение, объединит даже изначально

нейтральных представителей двух ведущих политических партий США. Будущее покажет, что его позиция была недалёковидной: слушания «Маккарти против армии» привели к политическому низложению сенатора [12, с. 233–285]. Важным также представляется тот факт, что были и такие журналисты, как Э. Марроу и М. Агронский, которые пытались разоблачить личность и деятельность Маккарти в 1953–1954 гг. [4]. Однако в 1950 г. позиции сенатора только набирали вес, и даже общественное мнение было на его стороне и не было шокировано показательными процессами против интеллектуалов и «поп-звезд» эпохи.

В то же время, в политической среде (прежде всего – среди сенаторов и в меньшей степени – среди членов Палаты представителей) неприятие чрезмерной активности Маккарти в деле разоблачения коммунистов в США, не подкреплённой достаточными доказательствами, породило недоверие уже в 1950 г. Это произошло спустя несколько месяцев после его Уилингской речи от 9 февраля 1950 г., в которой он поверг в шок страну, говоря о том, что десятки коммунистов проникли в правительственные органы³. 1 июня 1950 г. Чейз-Смит огласила в Сенате США свою программную речь, которую она назвала «Декларация совести». В этой речи она дипломатично не назвала никаких имен, но указала на тревожащую ее тенденцию: в погоне за разоблачением коммунистов чрезмерно рьяные сенаторы легко игнорировали все то, что ей, «тихой женщине из Мэна», как назовут ее впоследствии биографы и журналисты, представлялось базовыми ценностями американского общества.

Таким образом, имена Маккарти или его сторонников не были озвучены в «Декларации совести», что говорит об исключительной этичности сенатора. Более того, Чейз-Смит будет стараться называть конкретные имена как можно реже и в будущем. К тому моменту, как она озвучила свою речь с трибуны, прошло уже четыре месяца с тех пор, как свою речь огласил Маккарти, но и за эти четыре месяца можно проследить тенденцию к формированию негативного имиджа политика в среде американской общественности. Еще в 1947 г. над группой творческих деятелей Голливуда состоялся показательный процесс, в ходе которого большая часть обвиняемых отказалась отвечать представителям Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности на вопрос о принадлежности к Коммунистической партии США. С тех пор этот «Черный список Голливуда» неоднократно обновлялся [13, с. 415–430].

³ McCarthy J. The Wheeling Speech. 1950. February, 9. URL: https://pages.uoregon.edu/eherman/teaching/texts/McCarthy_Wheeling_Speech.pdf (date of access: 01.03.2021).

С нашей точки зрения, весьма важны следующие слова Чейз-Смит: «Представляется парадоксальным тот факт, что мы, сенаторы, можем в дебатах в Сенате прямо или косвенно, любимыми словами приписать каждому американцу, не являющемуся сенатором, любое поведение или мотив, недостойные или неподобающие американцу – и сделать это так, чтобы этот американец, не являющийся сенатором, не имел никаких средств правовой защиты от нас»⁴. Безусловно, под завуалированное в цитате обвинение попадает не только (и не столько) сам сенатор или даже поднятая им волна юридического нигилизма, сколько весь государственный аппарат США. Очевидной мишенью ее обвинений была не только собственно Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, но и также обе палаты Конгресса США, которые потворствовали деятельности этой Комиссии. Неслучайно Чейз-Смит сказала: «Несомненно, Сенат Соединенных Штатов самодостаточен и способен принимать самокритику и самооценку»⁵.

Далее Чейз-Смит показывает, что чрезмерность в борьбе с коммунистами в США, сопровождающаяся злоупотреблениями власти, несет в себе также и аксиологический аспект: «Те из нас, кто громче всех кричит об американизме, слишком часто являются теми, кто своими словами и действиями игнорирует некоторые из основных принципов американизма: право критиковать; право придерживаться непопулярных убеждений; право на протест; право на независимое мышление»⁶. Действительно, в стремлении нивелировать влияние самой опасной для Америки идеологии, наиболее рьяные антикоммунисты США невольно и нередко личным примером пропагандировали нигилистическое отношение к ценностям американской политической идентичности. К такому принадлежал и Маккарти.

Однако заявление Чейз-Смит нельзя рассматривать исключительно через призму ее критики внешнего врага, под которым она имела в виду вовсе не СССР, а коммунистическую идеологию в целом. В своем заявлении сенатор обвинила и Демократическую партию, поставив под сомнение компетентность ее представителей в области государственной безопасности. «Демократическая администрация сильно утратила доверие американского народа из-за собственной пассивности перед угрозой коммунизма здесь, у себя дома, и утечкой жизненно важных

⁴ Chase-Smith M. Declaration of Conscience. 1950. June, 1. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/margarethchasesmithconscience.html> (date of access: 01.03.2021).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

секретов в Россию через ключевых должностных лиц Демократической администрации»⁷.

Косвенные обвинения Чейз-Смит в отношении Демократической партии оказались небеспопеченными: незадолго до оглашения «Декларации совести» состоялся арест физика Гарри Голда, оказавшегося советским агентом в США и на тот период уже готовилось к завершению дело супругов Розенбергов (Юлиус будет арестован спустя полтора месяца после публикации «Декларации совести») [6, с. 266]. В этом смысле обвинение Чейз-Смит в адрес демократов представляется очевидным: утечка секретных сведений в СССР имела место в эпоху не только президентов-демократов, но и демократического большинства в Конгрессе. Потеря ядерной монополии стала одним из факторов усиления внутреннего контроля за идеологической дисциплиной и одной из предпосылок возникновения маккартизма. Явление маккартизма, которое расцвело во времена республиканцев, зародилось именно в той политической обстановке, которая контролировалась демократами и определялась их действиями и просчетами.

Однако в речи сенатора от штата Мэн отнюдь не присутствовала железная уверенность в непогрешимости партии, к которой принадлежала она сама. «Замена его (режима демократов. – О.О.) республиканским режимом, исповедующим философию, лишённую политической целостности или интеллектуальной честности, окажется столь же губительной для этой страны. Нация остро нуждается в победе республиканцев. Но я не хочу, чтобы Республиканская партия одержала политическую победу на “Четырёх всадниках клеветы” – Страхе, Невежестве, Фанатизме и Очернении»⁸. В этих словах сенатора прослеживается новое, ещё более очевидное обвинение в адрес укоренившегося в республиканской среде маккартизма, что явилось кульминацией ее речи. В предыдущих словах сенатора родная партия не осуждалась: высказывание о злоупотреблении властью в отношении простых американцев касались сенаторов в целом, принадлежность к партии не озвучивалась. Слова об игнорировании американизма были адресованы его наиболее рьяным сторонникам (опять же, без указания на их партийную принадлежность), а обвинение в утрате доверия народа касалось демократов. И все же Чейз-Смит сочла необходимым высказать свою мысль наименее политкорректным в отношении собственной партии способом, спровоцировав острую критику в свой адрес.

⁷ Chase-Smith M. Declaration of Conscience. 1950. June, 1. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/margarethchasesmithconscience.html> (date of access: 01.03.2021).

⁸ Там же.

Далее Чейз-Смит в своей речи приходит к значительному и парадоксальному выводу: когда обе ведущие политические силы США регулярно выдвигают в адрес друг друга взаимные необоснованные обвинения, они разделяют общество не хуже коммунистов⁹. Реакция на «Декларацию совести» со стороны Маккарти была закономерна: находясь почти в зените славы, он не только не извлек ничего ценного из речи однопартийца, но и впоследствии обозвал Чейз-Смит, наряду с группой из шести сенаторов-республиканцев, поставивших под «Декларацией» свои подписи, «Белоснежкой и шестью гномами» [7, с. 176]. В середине 1950 г. его авторитет в партии не подвергался сомнению, при этом он обладал значительными возможностями для оказания внутривнутрипартийного политического давления. Пятеро из шести сенаторов («шесть гномов») вскоре были вынуждены отозвать свои подписи под «Декларацией совести» [11, р. 112]. Да и сама сенатор от Мэна впоследствии писала о том, что именно за эту речь она получила «наиболее жестокие нападки от критиков»¹⁰.

Ретроспективная оценка американскими историками влияния речи Чейз-Смит на Сенат и на Республиканскую партию оказывается достаточно однозначной. «Декларация совести» не оказала значительного влияния на складывание оппозиции Маккарти в 1950 г. Как отмечает Дж. Шерман, «историки утверждают, что Декларация совести не имела политической значимости, а ее влияние на Маккарти и маккартизм было недолгим и слабым» [12, с. 113]. Тем не менее, Шерман утверждает, что неэффективность влияния речи Чейз-Смит на складывание оппозиции маккартизму, главным образом, является показателем того, что Республиканская партия сдержанно одобряла инициативы сенатора из Висконсина и не была готова к внутривнутрипартийной критике [Там же]. Сдержанной была и реакция на «Декларацию совести» со стороны президента США Г. Трумэна, который в личном разговоре высказал Чейз-Смит одобрение ее речи, однако в публичном комментарии завуалированно не одобрил ее речь, заявив, что «не хотел бы говорить ничего плохого о Республиканской партии» [цит. по: 14, с. 108].

Если в 1950 г. критический подход Чейз-Смит к действиям Маккарти оформился в «Декларацию совести» – заявление, которое заставило прессу говорить в большей степени о ней, чем о нем и, в конечном итоге, не привело к каким-либо санкциям в отношении Маккарти, то в 1951 г. у Чейз-Смит появилась более реальная возможность осудить

⁹ Chase-Smith M. Declaration of Conscience. 1950. June, 1. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/margarethchasesmithconscience.html> (date of access: 01.03.2021).

¹⁰ Chase-Smith M. Courage to Speak Out. *Social Science*. 1952. Vol. 27. № 1. P. 8.

его. Сенатор Уильям Бентон из Коннектикута представил резолюцию об исключении Маккарти из Сената. Она требовала поддержки двух третей голосов, в то время как Маккарти пользовался поддержкой большинства, и даже ставшее поводом для резолюции расследование его предвыборной деятельности в Мэриленде, обнаружившее, что сенатор использовал поддельное фото для дискредитации конкурента, не пошатнуло его позиции. Однако Чейз-Смит осудила не Маккарти, а резолюцию и ее автора, не одоблив использование Бентоном расследования в качестве повода покарать Маккарти за прошлое вместо предотвращения подобных действий в будущем [14, с. 113].

Жизненный путь Маргарет Чейз-Смит отнюдь не был замкнут на исключительном стремлении сделать политику моральной, однако этой жизни вполне хватило для того, чтобы сделать мораль мерилом собственных политических решений, следствием чего уже в 1950 г. стало идеалистическое по своей сути заявление, встретившее закономерное непонимание в родной среде. Попытка побороть активного, агрессивного и более опытного в политических играх оппонента путем призыва вернуться к базовым правам американской демократии оказалась безрезультатной на тот период. Но о словах сенатора из Мэна стали вспоминать все чаще в 1953–1954 гг., когда звезда Маккарти начала клониться к закату и сам он уже не был способен помешать политической карьере своей оппонентки внутри партии¹¹. В 1960 г. Маргарет подарила политической истории США новый прецедент: впервые за место в Сенате борьбу в штате Мэн вели женщины¹², и автор «Декларации совести» была переизбрана, победив кандидатку от демократов Лючию Кормье. В дальнейшем политическая карьера сенатора обогатилась еще двумя «гендерными прецедентами»: в 1964 г. она сообщила о намерении баллотироваться в президенты США. По итогам Национальной конвенции Республиканской партии в этом же году Чейз-Смит стала первой в истории США женщиной, чье имя было включено в список кандидатов на президентский пост [11, р. 196]. В 1967–1973 гг. она также стала первой женщиной-сенатором, избранной на должность председателя Республиканской конференции в Сенате [Там же, р. 204].

В последующее время репутация Чейз-Смит послужила надежным фундаментом для актуального современной эпохе гендерного дискурса. Ее репрезентация как женщины-политика в XXI в. имеет положительную коннотацию, которая поддерживается общественным мнением.

¹¹ M'Carthy Bars Campaign; He Will Not Oppose Re-election of Margaret Chase Smith. *The New York Times*. 1954. February, 24. P. 14.

¹² Women in Maine vying for Senate; First such race pits Lucia Cormier against Margaret Chase Smith, Incumbent. *The New York Times*. 1960. August, 28. P. 54.

В 2020 г. журнал «Times» включил ее в свой лист «100 Женщин года», причем в сопроводительном комментарии отмечалось, что ее «Декларация совести» является одним из основополагающих обращений в истории Сената [5]. Таким образом, несмотря на условную роль в оппозиции маккартизму, Маргарет Чейз-Смит представляется одной из ключевых фигур эпохи в целом, чему в немалой степени способствовало ее умение придерживаться твердых убеждений и принципов свободы слова и независимости мышления в условиях поляризованной политики и идеологического конфликта послевоенной эпохи.

Более радикальные ходы Маккарти, новые обвиняемые и новые списки преследуемых появляются в 1951–1954 гг., но по состоянию на 1950 г. предвидение «тихой женщины из Мэна» не было оценено должным образом. Тем не менее, именно политическая решительность сенатора, воплотившаяся в ее программном заявлении, положения которого она твердо отстаивала позднее, определила оппозицию маккартизму уже в первые месяцы после того, как ее оппонент из Висконсина привлек внимание американского истеблишмента.

Таким образом, то обстоятельство, что Чейз-Смит и Маккарти принадлежали к одной партии, идеологической доктрине которой в гораздо большей степени соответствовал автор Уилингской речи, не помешало «тихой женщине из Мэна» выступить с его критикой. Ее роль в формировании оппозиции маккартизму показала, что суть данного явления заключается не только в его антикоммунистическом пафосе, но и в его фундаментально антиамериканских методах.

Мотивы Чейз-Смит становятся очевидными не только при анализе «Декларации совести», но и при знакомстве с ее политической биографией в целом: сама карьера сенатора развивалась в строгом соответствии с высказанными ею принципами. Присущая ей умеренность и взвешенность обеспечивала ей репутацию, которую не смогли подорвать ни соперники-демократы, ни консерваторы-республиканцы, ополчившиеся на нее в 1950 г. Неслучайно именно она стала первым сенатором с 1930-х гг., который посетил СССР в 1954 г. [14, с. 128] – в эпоху едва ли не предельного обострения холодной войны. В этом же году она будет одним из тех сенаторов, которые большинством голосов отстранят Маккарти, окончательно превратив его в политического маргинала.

В ключевых тезисах «Декларации совести» говорится о сенаторах, способных уличить в «недостойном поведении» любого американца, о необходимости Сената уметь принимать критику в свой адрес, о расхождении во взглядах и делах «пуристов», защищающих Америку от «красной угрозы», о равной ответственности обеих ведущих партий

США за неудачи прошлого и о равной их вине в политических раздорах, выгодных настоящим врагам Америки. Все эти тезисы в совокупности показывают «Декларацию совести» как единое и твердое заявление против маккартизма, темные стороны которого еще не открылись американскому обществу в 1950 г.

Библиографический список / References

1. Гаджиев К.С. О демонизации противника во внешнеполитической стратегии США // *Власть*. 2018. № 6. С. 7–16. [Gadzhiev K.S. On the Demonization of the enemy in foreign policy strategy of the US. *The Authority*. 2018. No. 6. Pp. 7–16. (In Rus.)]
2. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. [Kissinger H. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, 1997.]
3. Печатнов В.О. Американские образы СССР в 1945 году // *Вестник МГИМО-университета*. 2010. № 5 (14). С. 28–32. [Pechatnov V.O. American images of USSR in 1945. *MGIMO Review of International Relations*. 2010. No. 5 (14). Pp. 28–32. (In Rus.)]
4. Супоницкая И.М. Маккартизм: новый взгляд? // *Вопросы истории*. 2015. № 8. С. 74–89. [Suponitskaya I.M. Mccarthyism: A new view? *Voprosy istorii*. 2015. No. 8. Pp. 74–89. (In Rus.)]
5. 100 Women of the Year. 1950: Margaret Chase Smith. URL: <https://time.com/5793546/margaret-chase-smith-100-women-of-the-year/> (date of access: 03.03.2021).
6. Clune L. Great importance world-wide: Presidential decision-making and the executions of Julius and Ethel Rosenberg. *American Communist History*. 2011. Vol. 10. No. 3. Pp. 263–284.
7. Crouse E. Senator Margaret Chase Smith against McCarthyism: The methodist influence. *Methodist History*. 2008. Vol. 46. No. 3. Pp. 167–178.
8. Dreher R. “Antiracism” destroying a family. *The American Conservative*. 2020. September, 1. URL: <https://www.theamericanconservative.com/dreher/wokeness-antiracism-destroying-a-family/> (date of access: 03.03.2021).
9. Pollack H. Aaron Copland: The life and work of an uncommon man. N.-Y., 1999.
10. Severo R. Margaret Chase Smith is dead at 97; Maine republican made history twice. *The New York Times*. 1995. May 30. P. 6.
11. Sherman J. No place for a woman: A life of senator Margaret Chase Smith. New Brunswick; New Jersey; L., 2001.
12. Shogan R. No sense of decency: The Army-McCarthy hearings: A demagogue falls and television takes charge of American politics. Chicago, 2009.
13. Theoharis A. A Lawless Agency: The FBI and the “Hollywood Ten”. *Rhetoric and Public Affairs*. 1999. Vol. 2. No. 3. Pp. 415–430.
14. Wallace P.W. Politics of conscience: A biography of Margaret Chase Smith. Westport; Connecticut; L., 1995.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020, принята к публикации 27.01.2021
The article was received on 27.10.2020, accepted for publication 27.01.2021

Сведения об авторе / About the author

Очереднюк Олег Юрьевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Oleg Yu. Ocherovnyuk – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: o4eredniukoleg@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

С.А. Трифонова

Архив Российской академии наук,
117218 г. Москва, Российская Федерация

«Никаких верных известий из Польши мы не имеем, кроме Газет...». Неформальная коммуникация в восприятии Польского восстания 1830–1831 гг. на примере «Дневника князя Д.М. Волконского»

В статье на примере «Дневника князя Дмитрия Михайловича Волконского» рассмотрена неформальная коммуникация в период Польского восстания 1830–1831 гг. в московском аристократическом обществе. Дневниковые записи, охватывающие 30-е гг. XIX в., отложились в фонде 646 Архива Российской академии наук («Редакция журнала “Голос минувшего”»). На основе тетрадей за 1830 и 1831 гг., затрагивающих события в Польше, показано восприятие информации о «польском возмущении» типичным представителем аристократических кругов. Для автора «Дневника» неформальная коммуникация служила более значимым и достоверным источником информации, чем официальные газетные публикации. Распространение и получение информации неформальным путем приводило, на взгляд корреспондентов, к получению более полных, а в некоторых случаях – более достоверных, и «свежих» данных, которые публиковались

© Трифонова С.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

в официальных изданиях спустя некоторое время. Подобная информация распространялась, прежде всего, в частных письмах и при личных встречах. Часть ее была наполнена слухами, которые воспринимались автором рассматриваемого эго-документа критически и зачастую опровергались на тех же страницах. В отличие от официальных сообщений, неформальные данные содержат личное мнение автора, отражающее общественные настроения в период «польского возмущения».

Ключевые слова: источники личного происхождения, дневник аристократа XIX века, неформальная коммуникация, Польское восстание 1830–1831 гг., князь Дмитрий Михайлович Волконский

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Трифонова С.А. «Никаких верных известий из Польши мы не имеем, кроме Газет...». Неформальная коммуникация в восприятии Польского восстания 1830–1831 гг. на примере «Дневника князя Д.М. Волконского» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 97–113. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

S.A. Trifonova

Archive of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 117218, Russian Federation

“We do not have any reliable news from Poland except for Newspapers...”. Informal communication in the perception of the Polish Uprising of the 1830–1831 on the example of “The Diary of Prince D.M. Volkonsky”

The article uses the example of “The Diary of Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky” to examine informal communication during the Polish Uprising of 1830–1831 in the Moscow aristocratic society. Diary entries covering the 30s of the XIX century were deposited in the fund 646 of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Editorial Board of the journal “Voice

of the Past”). On the basis of notebooks for 1830 and 1831 concerning events in Poland, the perception of information about “Polish indignation” by a representative of aristocratic circles is shown. For the author of the “Diary”, informal communication served as a more significant and reliable source of information than official newspaper publications. The distribution and receipt of information in an informal way led, in the opinion of correspondents, to obtaining more complete, in some cases more reliable, and “fresh” data, which were published in official publications after some time. Such information was distributed, first of all, in private letters and in personal meetings. Part of it was filled with rumors that were perceived critically by the author of the ego-document in question and, often, were refuted on the same pages. Unlike official reports, informal data contains the author’s personal opinion, reflecting the public mood during the period of “Polish indignation”.

Key words: sources of personal origin, diary of a 19th century aristocrat, informal communication, the Polish Uprising of 1830–1831, Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky

FOR CITATION: Trifonova S.A. “We do not have any reliable news from Poland except for Newspapers...”. Informal communication in the perception of the Polish Uprising of the 1830–1831 on the example of “The Diary of Prince D.M. Volkonsky”. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 97–113. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

Информационная составляющая – один из главных критериев при отборе исторических источников. Однако информированность автора документа может быть различной по объему и достоверности. Насколько ценны источники личного происхождения в связи с содержащимися в них данными и насколько важна личная позиция автора и его окружения – всегда было и остается на сегодняшний день одним из актуальных вопросов исторической науки. Несомненно, личная позиция человека той или иной эпохи представляет особый интерес при изучении общественной позиции, восприятия современниками конкретных событий или политики государственных деятелей, интерпретации этих событий в соответствии с частным мнением.

Цель данной работы – рассмотрение неформальной коммуникации в период Польского восстания 1830–1831 гг. на примере «Дневника князя Д.М. Волконского». Насколько та информация, которую получали аристократические круги Москвы в 1830-х гг., соответствовала действительности, соотносилась с официальной документами и реальными событиями? Если не рассматривать «партикулярные» данные как слухи,

насколько достоверна информация, получаемая гражданскими чиновниками, принадлежащими к аристократическим кругам? В этой связи особый интерес представляет именно «Дневник Д.М. Волконского», сенатора, отставного военного, для которого внешнеполитические события, различные волнения внутри империи становятся близким и знакомым по служебной деятельности предыдущего периода жизни.

«Дневник князя Д.М. Волконского» представляет интерес в связи с поставленной целью, т.к. на сегодняшний день он полностью не введен в научный оборот. Не исследованы те части источника, которые не относятся к событиям 1812–1814 гг. Охватывающий период более тридцати лет «Дневник» отложился в трех архивных хранилищах – Российском государственном архиве литературы и искусства¹, Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге², Архиве Российской академии наук³ (РАН). Изначально дневник состоял из 42 тетрадей, но сохранились только 28. Из этих 28 тетрадей полностью введены в научный оборот тетради с записями о 1812–1814 гг. и частично записи, относящиеся к М.Н. Волконской (в замужестве Толстой), двоюродной сестре автора документа.

Первым исследователем, обратившимся к этому уникальному эго-документу, был С.П. Мельгунов, который опубликовал в начале прошлого столетия небольшие фрагменты в журналах «Голос Минувшего» и «На чужой стороне». Его прежде всего интересовали темы осады Данцига в 1813 г., анекдотические истории, связанные с императором Александром I, А.В. Суворовым, и события, которые нашли свое отражение в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» [1–5; 8]. Спустя более полувека этот же источник привлек внимание А.Г. Тартаковского, опубликовавшего часть «Дневника» за 1812–1814 гг. [6]. Многочисленные сюжеты, посвященные повседневной жизни дворян и их рефлексии по поводу современных им событий, остались за пределами интересов исследователей. Можно назвать только работу автора данной статьи [7].

Дневниковые записи, охватывающие 1930-е гг., отложились в фонде 646 РАН («Редакция журнала “Голос минувшего”»)⁴. К сожалению, это десятилетие представлено не полностью – тетрадь за 1832 г. не сохранилась. Тем не менее, сохранившиеся записи насыщены

¹ Волконский Д.М. Дневник // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний и дневников). Оп. 2. Д. 9.

² Волконский Д.М. Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 775 (Собрание А.А. Титова). Оп. 1. Д. 4860.

³ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 346, 348–350.

⁴ Там же. Д. 350.

событиями как личного характера, так и теми, которые волновали представителей аристократического сословия в этот период. Одним из таких важных событий стало Польское восстание 1830–1831 гг. Являясь частью Российской империи, Царство Польское⁵ так и не стало восприниматься современниками как «своя» территория. Оно находилось в их восприятии в пограничном положении, а потому все события, происходящие на этой территории, рассматриваются и оцениваются как явления внешнеполитические, выстраиваясь в один ряд с «волнениями» во Франции, Бельгии и др. Рассказывая о подобных «волнениях», Волконский, как и большинство людей из его окружения, доверяет не только газетным публикациям и официальным рескриптам. Самыми авторитетными для него источниками являются сообщения очевидцев или известия, полученные от знакомых и родственников. Единственным непререкаемым авторитетом в этом информационном потоке официальных и частных сообщений становятся изданные Высочайшие «Манифесты», подтверждая все то, что уже и так стало ему известно.

Рассматривая период Польского восстания в дневниковых записях Волконского, можно говорить о том, что неформальная коммуникация в первой трети XIX в. была распространенным явлением. По ежедневным записям можно проследить ход событий в Европе практически в «реальном времени», лишь с небольшими задержками, необходимыми для получения писем. По сути дела, из этих записей мы получаем хронологию событий восстания, включая его причины, повод, и общественный отклик, которое оно вызвало в высшем сословии России.

Впервые события, связанные с «волнениями» в Польше, находят отражение в «Дневнике» 31 октября 1830 г.⁶: «Слышно, что многие войска наши двинуты к границам, также и Корпуса Команды В[еликого] К[нязя] Константина Павловича; полагают, [что это сделано] для умирения Бельгии, в помощь голландского Короля (так в тексте. – С.Т.)»⁷. Нет еще никакого упоминания о самом восстании, нет выводов, размышлений, к чему это может привести, есть только пересказ событий, о которых

⁵ Царство Польское – в апреле-ноябре 1815 г. часть Российской империи, с ноября 1815 г. – политико-территориальное образование практически со всеми элементами собственной государственности (за исключением права ведения самостоятельной внешней политики), связанное с Россией общим монархом (российский император принял титул царя польского). С 1832 г. – нераздельная часть Российской империи, до 1860-х гг. сохраняло элементы автономии.

⁶ Все даты в «Дневнике» даны по старому стилю. Орфография и пунктуация в цитатах приведены к современным правилам, но в некоторых случаях, для передачи письменного стиля XIX в., сохранены особенности написания отдельных слов и выражений.

⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 20.

узнал Волконский. Вводное слово «слышно» не дает никакого представления, откуда князем получены известия – из писем родных или знакомых, из газет или при личной встрече с кем-либо. Однако это «слышно» употребляется им на протяжении всего дневника применительно как к официальным известиям, так и полученным неформальным путем, и поэтому воспринимающихся автором как достоверное известие. Действительно, запись от 31 октября подтверждается в т.ч. и официальными сообщениями, опубликованными в «Северной пчеле» от 28 октября: «Государь Император изволил признать за благо Высочайше повелеть, чтобы ныне же приступлено было к приведению в военное положение Корпусов... и состоящей под начальством Его Императорского Высочества Цесаревича... Армии... повелено сблизить оные к западным границам Империи. Корпуса сии находятся уже в походе к предназначенным им местам»⁸. Являлась ли «Северная пчела», имеющая, по сути, монополию на распространение официальных новостей, источником достоверной информации для Волконского, сказать нельзя, но новости он получал из тех же источников, что и редакция газеты, следовательно, обладал такой же, если не более полной информацией.

До конца осени, рассказывая о поводе к польскому восстанию, Волконский перемежает сведения, полученные от близких знакомых, со сведениями из официальных документов и слухов, ходящих по Москве. Он тщательно отделяет «слухи» от того, что называет «слышно», и если первые оказываются ложными, тут же опровергает их. Дела же внешней политики, естественно, являются предметом обсуждения московских аристократов: «...вечер провел у Корсакова⁹, там слышно, что в Лондоне, также, как и во Франции, народ шумит... говорят также, что Союзные державы¹⁰ трактуют в Лондоне о участии Бельгии и посылали их (войска. – С.Т.) унять до решения об них, то тамошнее временное Правительство не уважает участия держав союзных и угрожает присоединиться к Франции, ежели вмешаются в их дела»¹¹.

Несмотря на то, что «беспорядки» в Варшаве начались 17 ноября, регулярные упоминания о событиях, связанных с Польским восстанием, появляются в начале декабря 1830 г. и продлятся до конца следующего года. Это стало единственным важным событием, о котором пишет

⁸ Внутренние известия. Санкт-Петербург, 27 октября // Северная пчела. СПб., 1830. № 129. С. 1.

⁹ Корсаков Семен Николаевич (1787–1853) – служил в статистическом отделении Министерства внутренних дел, с 1835 г. – чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел.

¹⁰ Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия, Франция.

¹¹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 22 об.

Волконский, помимо его хозяйственных, денежных и семейных дел, точно так же, как предыдущий год был посвящен важному событию жизни государства – распространению холеры. Восстание в такой беспокойной части империи, как Царство Польское, не могло не заинтересовать представителя аристократических кругов. Кроме того, можно предположить, что несомненный интерес у автора «Дневника» события в Польше вызывают еще и потому, что в период Наполеоновских войн, находясь в армии, он служил в Варшаве, а знакомые места, такие, как Польша или Грузия, известные ему не понаслышке, вызывают пристальный интерес и сопровождаются личными комментариями.

2 декабря 1830 г. Волконский впервые пишет о «волнениях» в Варшаве: «узнали мы, что в Варшаве было возмущение, и несколько Генералов, и Полковых Командиров убиты; и будто наиболее действовали молодые Люди, унтер-офицерских чинов; великий Князь, говорят, с полками вышел из Варшавы, и войска уже туда посланы: Господи, избави отечество наше от таковых возмущений!»¹². С этого времени тема восстания во всех его проявлениях и в распространении на территории империи не покидает страниц «Дневника». Автор описывает не только сами события, но и выражает тревогу, переживания, сожаления и личное мнение, которыми он, по всей видимости, делился со своим ближайшим окружением. Однако касающихся «польского возмущения» писем Волконского этого периода не обнаружено, и на данный момент «Дневник» остается единственным источником, дающим представление о неофициальной реакции на восстание типичного представителя московской аристократии.

По всей видимости, газеты, как и в период холеры в Москве, читаются теперь регулярно. В дневнике появляется оборот речи «узнали мы из Газет», который до этого практически не встречается. Так, например, в записи от 9 декабря 1830 г. сказано: «узнали мы из Газет, что не токмо в Варшаве не утихают мятежи и бунты, но что Президент Совета Граф Замойский¹³ принужденным нашелся оставить Варшаву и приехать в Брест Литовский; а великий Князь, хотя и получил в подкрепление 2 Полка из Корпуса Литовского, под Командою Генерала Розена¹⁴, но принужденным нашелся отступить к границе Вольни»¹⁵.

¹² Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 23 об.

¹³ Замойский Владислав Станислав (1803–1868) – граф, государственный деятель, дипломат, участник восстания в ноябре 1830 г. Последовательно – полковник польских войск, дивизионный генерал турецких войск, британский генерал.

¹⁴ Розен Григорий Владимирович (1782–1841) – барон, участник наполеоновских войн, генерал от инфантерии (1826 г.).

¹⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24.

В тот же день автор добавляет явно узnanное не из официальных источников: «слышно также, что и Прусский Король послал в Позень¹⁶ 40 тысяч Войска для укрощения и там волнения»¹⁷.

Какие газеты были источником информации для автора – «Московские ведомости», «Северная пчела», присылаемые иностранные издания – установить точно невозможно. Об этом нет никаких упоминаний в тексте поденных записей и нет ни одного упоминания в бумагах князей Волконских¹⁸. «Северная пчела», прежде всего «газета новостей», а не «газета мнений», упоминается в «Дневнике» лишь однажды и то безотносительно к официальным новостям. Тем не менее, т.к. именно «Северная пчела», как уже сказано выше, была, по сути, монополистом официальных новостей, можно предположить, что она входила в круг чтения сенатора по 6-му Московскому Департаменту. Несмотря на то, что к газетам в начале XIX в. отношение у читателей было уже как к явлению привычному, обыденному, на протяжении более года, делая записи в «Дневнике», Волконский крайне редко ссылается на новости, полученные из печатных изданий. Возможно, оборот «по объявленным известиям» также имеет отношение к официальным публичным данным, которые печатались в т.ч. и в газетах, но даже при таком допущении их небольшое количество. Более того, в записи от 19 января 1831 г. автор разделяет «верные» известия и газетные новости: «Никаких верных известий из Польши мы не имеем, кроме Газет, в которых описывают, как хотят, их (поляков. – С.Т.) положение, а паче их жалобы, как видно важны[e] и нестерпимы[e]»¹⁹. Тут же автор традиционно добавляет то, что узнал не из официальных новостей: «Слышно, что уже и военные действия начались»²⁰.

Иногда газетные новости возникают на страницах поденных записей как новости из «вторых рук», не прочитанные самим Волконским, а переданные ему знакомыми или родственниками. Например, 28 июня 1831 г., находясь в своем имении Андреевское Ярославской губернии, он писал: «У меня были соседи и ужинали, сказывают, что уже читали в Газетах, что Цесаревич Константин Павлович в Витебске 15-го числа скончался холерою»²¹. Новость продолжается традиционно –

¹⁶ Немецкое название польского города Познань.

¹⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24.

¹⁸ Документы князей Волконских // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1366 (Волконские). Оп. 1.

¹⁹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 27.

²⁰ Там же.

²¹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 37 об.

пересказом того, что стало известно из других источников информации: «В народе много толков о его кончине, будто и убит. Помяни господи Душу его!»²².

Однако рассматривая появление в записях известий из Польши, можно говорить о том, что данные преимущественно получали частным образом, т.к. их помещение на страницах газет и «Дневника» иногда совпадает по времени. 13 декабря 1830 г. Волконский записал в дневнике: «Обстоятельных сведений еще по сие время нет от В[еликого] К[нязя] о варшавском возмущении, а партикулярно слышно, будто поляки учредили у себя временное правительство, в коем Князь Чарторыйжской²³, Любецкой²⁴ и некто Хлопко²⁵, но управляют именем Государя и будто послали Депутацию в П[етер]бург, и требуют соединения всей Польши, и точного исполнения Конституции; чем же все сие кончится, неизвестно»²⁶. В тот же день во втором прибавлении к «Северной пчеле» появляется подтверждающая часть этой записи официальная информация: «Его Величество Государь Император, усмотрев из донесения Его Императорского Высочества Цесаревича, что Министр Финансов Царства Польского Князь Любецкий и Депутат на Сейме Царства Польского Граф Езерский²⁷ едут из Варшавы в С. Петербург, Высочайше повелеть изволит остановить их в Нарве...»²⁸. И остальная часть дневниковой записи князя в более поздний период подтвердилась.

Зачастую полученные от знакомых, очевидцев событий, сослуживцев и т.п. сведения все-таки приходили с опозданием, да и степень достоверности у них также различная. Есть данные, которые в силу того, что были получены от лиц, близких к официальным кругам, являлись достоверными, сообщали даже более, чем «Прибавления» к «Северной

²² Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 37 об.

²³ Чарторыйжский (Чарторыйский) Адам Ежи (1770–1861) – князь, русский и польский государственный деятель, несостоявшийся претендент на королевский престол Польши.

²⁴ Любецкий Франтишек Ксаверий (1778–1846) – князь, политический деятель, участник Итальянского похода А.В. Суворова. С 1821 г. – министр финансов Царства Польского.

²⁵ Вероятно, в данном случае имеется в виду Хлопицкий Юзеф Гжегош (1771–1854) – польский генерал, сражавшийся под знаменами Наполеона. В начале польского восстания был назначен командующим польскими войсками и занимал должность диктатора.

²⁶ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24.

²⁷ Езерский Ян (1786–1856) – граф, предводитель Люблинского воеводства. Сопровождал Ф. Любецкого в его поездке в Петербург, целью которой было нахождение компромисса с императором Николаем I.

²⁸ Второе прибавление к № 149 «Северной пчелы» // Северная пчела. СПб., 1830. № 149. С. 7.

пчеле». На них автор ссылается в своих записях, употребляя все те же «слышно», «узнали мы», «сообщают». Крайне редко можно прочесть, кто сообщил ему какую-либо информацию и откуда она была взята. Иногда это короткие замечания между сообщениями о распространении холеры и ценах на хлеб: «Слышно, что Гвардия уже выступила из П[етер]бурга в поход»²⁹, но чаще он останавливает свое внимание на интересных для него фактах дольше и подробнее описывает то или иное событие.

Среди обстоятельных, по меркам «Дневника», записях о Польском восстании выделяются, по сути, три основные темы: события в Варшаве, связанные с формированием нового Польского правительства, военные действия между польскими и русскими войсками и третья – личное мнение и размышления автора о причинах, приведших к этим событиям. Первая и вторая тема в большинстве случаев подтверждается официальными документами. Это, прежде всего, говорит о прекрасно налаженных каналах распространения достоверной информации неформальными средствами среди аристократов в первой трети XIX в.

Темы формирования нового Польского правительства, противоборства в Польше различных партий и командования Польской армией не входят в противоречие с реальными событиями. Только сообщает их Волконский в своем «Дневнике» с временным запозданием. Декабрьские события борьбы между Чарторыйским, сеймом и Хлопицким князь описывает лишь 13 января 1831 г.: «Слышно, что в Варшаве разные Партии, несогласные между собою, умножают только волнение в народе и беспорядки»³⁰, а затем, 16 января, добавляет: «Слышно, что в Варшаве ожидают решения нового Сейма, который собирает их Диктатор Генер[ал] Хлопицкий вследствие воззвания к ним, посланного от Государя и, ежели не покорятся, то войска пойдут действовать»³¹. Тема деятельности Хлопицкого не покидает страниц «Дневника» весь январь 1831 г., его имя фигурирует значительно чаще, чем Чарторыйского или кого-либо другого. 23 января Волконский записывает: «Хотя не официально, но говорят, будто на последнем Сейме Хлопицкий отказался от Диктаторства, и Поляки совсем нарушили присягу и отказались признавать нашего императора своим царем»³². Эта «неофициальная» информация была получена автором оперативно, ее подтверждение

²⁹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24 об.

³⁰ Там же.

³¹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 27.

³² Там же. Л. 27 об.

можно найти на страницах дневника уже за 3 февраля, когда князь пишет об объявленном Манифесте и тех событиях, которые к этому привели³³.

В соответствии с поденными записями, нельзя увидеть определенной временной закономерности в получении неформальных известий. Некоторые события он фиксирует спустя 10 дней, а некоторые значительно быстрее. Иногда в записи за одно число может содержаться информация с разницей в несколько дней. Например, 31 января 1831 г. заметка князя рассказывает о событиях как 20 января, так и происходивших спустя пять дней: «Разные Партии и все не согласные не согласились на требование Государя и, говорят, выбрали особого Главнокомандующего Князя Михаила Радзивилла³⁴... а Князя Адама Чарторыйского управляющим всею гражданскою частью»³⁵. При этом он особо подчеркивает свою осведомленность: «Вот последние, но еще не официальные известия из Петербурга...»³⁶, как и в большинстве случаев, не указывая источник полученных им «известий».

К теме деятельности Хлопицкого Волконский возвращается еще только один раз – 2 марта 1831 г., отмечая отсутствие нормального командования в Польской армии: «Есть известие из Армии, что Хлопицкий сильно ранен и не может уже располагать (т.е. командовать. – С.Т.) их Арми[е]ю»³⁷. Тема военных действий особо близка автору, а потому и многочисленна при описании «Польского возмущения» в поденных записях. С большинством действующих лиц этих событий он знаком лично. Территория также хорошо ему известна по войне четвертой коалиции 1806–1807 гг. Во многом записи о передвижениях армий, сражениях, численности войск и пр. напоминают ту часть дневника, которую вел Волконский, находясь на военной службе. Однако в отличие от того времени, в 1830–1831 гг. крайне редко встречается оценка действий военачальников и, тем более, осуждение какой-либо из сторон этого конфликта. Еще одно отличие в описании военных действий заключается в том, что в случае польского восстания автор упоминает источники своей информации. Кроме привычных «слышно», «узнали», «по известиям», за которыми не следует какой-либо конкретики, появляются

³³ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 28 об.

³⁴ Радзивилл Михаил Гедеон (1778–1850) – князь, польский государственный деятель. В 1831 г. непродолжительное время занимал пост главнокомандующего Польской армией.

³⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 28.

³⁶ Там же.

³⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 30 об.

реляции, письма от его сына (М.Д. Волконского), служившего в Петербурге, свидетельства непосредственных участников событий. С последними в этот период он встречался лично редко, в основном, это были свидетельства по переписке. Даже по коротким замечаниям в дневнике видно, что эти письма не были отчетами о военной кампании. Это обыденная привычная переписка между родственниками и знакомыми, которые пишут друг другу, когда возникает okazия для отправки письма: «Писал я Князю Дмитрию Алекс[андровичу]³⁸ в Торопец с его офицером Тацовым, Архангелогородский Полк его выступает 30-го, сего месяца, весь из рекрут, и после турецкой войны³⁹ старых солдат осталось у него не более 300 человек. Послал я ему два Псалма из Псалтыря, прося Господа бога о хранении его невредима в предстоящих ему военных действиях»⁴⁰. Тем не менее, сведения, получаемые Волконским, подробные, т.к. в его записях о ходе военных действий постоянно присутствует точное и детальное описание и численного состава обеих армий и их вооружения. Даже в таких данных он больше доверяет не официальным источникам, сомневаясь в их достоверности: «Из сей реляции ничего еще решительно не видно, с обеих сторон много теряют Людей. В сем последнем сражении показано убитых 1000 человек, да раненых 3000 человек»⁴¹.

Другая часть известий, получаемых Волконским, не претендует на достоверность, он сам называет ее не иначе как «слухи». Эти «слухи» четко отделяются от того, что он называет «достоверные слухи», которые, с его точки зрения, заслуживают доверия. То, что он именует просто «слухи», носит скорее негативный характер. Как правило, сразу после того, как они приводятся на страницах дневника, следует их опровержение. Это может быть сделано в записи и за одно число или спустя несколько дней, либо более поздними вставками на полях. Так, записи за 11 и 13 февраля 1831 г. опровергают одна другую: «11-го, сегодня распространился слух здесь, что Посол французский Duc de Mortemart⁴² едва приехал, на Первой аудиенции объявил Государю участие Франции в Польских делах, и что он проезжал через Варшаву. Таковое объявление неприязненное Франции побудило Государя отпустить французского

³⁸ Волконский Дмитрий Александрович (1790–1838) – князь, генерал-майор, участник Наполеоновских войн и войн с Турцией.

³⁹ Имеется в виду русско-турецкая война 1828–1829 гг.

⁴⁰ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 27.

⁴¹ Там же. Л. 30.

⁴² де Рошешуар Казимир-Луи-Викторниен (Casimir-Louis-Victorien de Rochechouart), герцог де Мортемар (1787–1875) – французский генерал и дипломат. Был послом в России в 1828–1833 гг.

Посла обратно, и он уже выехал из Петербурга»⁴³. 13 февраля добавлено: «Видел я приезжего из П[етер]бурга и он удостоверил меня, что французский Посол при нем имел аудиенцию и не помышлял о выезде. Вот какие здесь ложные слухи распространяются в Публике»⁴⁴. Это непереносимое сетование автора о распространении ложной информации на протяжении всего дневника более чем за 30 лет становится обязательным условием при упоминании им любых видов недостоверных, с его точки зрения, сведений. Иногда князь не настолько резок в своих высказываниях, он просто констатирует ложность какого-либо «слуха»: «Пронесся здесь слух, будто все военные действия прекращены с Поляками, вследствие каких-то Переговоров и участия Союзных держав, но достоверного сему известия нет, и оно совсем не подтвердилось»⁴⁵. Иногда это «не подтвердилось» заменяется оборотом «ничто не исполнилось».

Как уже было сказано, непререкаемым авторитетом для Волконского являлись Высочайшие манифесты, о выходе которых он сообщает на протяжении всего «Дневника». Период «возмущения в Польше» не становится исключением, хотя упоминаний о них не так много. Даже в случае с такими неопровержимыми источниками, в соответствии с текстом его записей, нет данных, что они прочитывались автором в газетах. Волконский знакомился с их содержанием либо в общественных местах, возможно, даже в Сенате, либо узнавал о них из «вторых рук». Единственный раз за этот период он употребляет выражение «вышел Манифест» применительно к начальному периоду Польского восстания – 22 декабря 1830 г. «Вышел Манифест противу возмущения в Польше и Декларация Полякам всего царства Польского»⁴⁶. Вероятнее всего, Волконский имел в виду манифест Николая I, вышедший в «Северной пчеле» в «Прибавлении» к № 149 за 13 декабря 1830 г.⁴⁷, а «Декларацией» он назвал опубликованное в том же номере «Воззвание к войскам и народу Царства Польского»⁴⁸, т.е. спустя более недели после публикации. Однако Высочайший манифест от 25 января о вступлении действующей армии в пределы Царства Польского для усмирения мятежа им ни разу не упоминается.

⁴³ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 29.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 33.

⁴⁶ Там же. Л. 24 об.

⁴⁷ Прибавление к № 149 «Северной пчелы» // Северная пчела. СПб., 1830. № 149. С. 5–6.

⁴⁸ Там же. С. 6.

В остальных случаях манифесты, по его словам, «объявлены» или «читаны». После рассказа о правительственных актах автор всегда добавляет какие-либо факты, узнанные им в тот же период. Например, говоря о манифесте о начале военных действий против Польши, в записи от 3 февраля он отмечает, что слышал про военный парад в Варшаве, об отпевании повешенных в Петербурге декабристах и пр. Или 8 февраля сообщает: «Читан Манифест и было молебствие о начатии военных действий против Поляков»⁴⁹, имея в виду все тот же манифест, о котором он сообщал 3 февраля. Здесь же он добавляет о движении и численном составе русской армии, вошедшей в Польшу. Автора интересуют и манифесты, к которым он всегда относился с большим вниманием, т.к. они касались его самого как помещика Ярославской и Симбирской губерний – объявления о рекрутских наборах. На протяжении всего дневника, упоминая об этих наборах, Волконский сетует на неудобство и «тягостность» этих мероприятий. Также и 5 февраля он пишет: «Говорят, что уже есть Манифест с 1-го Марта о наборе рекрутов по 3 с 500 душ, мерою в 2 вершка, но не моложе 20 лет, что по счету составит 120 тысяч» и тут же подсчитывает, что последний набор составил 80 тыс., а затем уже традиционно сокрушается: «Оба сии набора должны исполниться в течении шести месяцев, что крайне тягостно всему народу»⁵⁰.

Последний манифест «об усмирении царства Польского», в действительности называвшийся «Высочайший Манифест о прекращении военных действий в Царстве Польском», подписанный императором 6 октября 1831 г., упоминается князем между делом, одной короткой строчкой спустя неделю после его подписания, когда «польское возмущение» перестает его интересовать и он возвращается к обыденным повседневным делам⁵¹.

В этот период Волконского интересуют не только те манифесты, которые относятся к «польским делам», не только военные действия и события в Варшаве. На протяжении более года на страницах дневника время от времени возникают мысли о причинах этого восстания. С одной стороны, это дневниковые записи, которые не предполагали публичного прочтения, а с другой, сравнивая письма автора с этими записями, можно говорить о том, что дневник, вероятно, служил источником для написания писем родным и «приятелям». Среди этих заметок личного характера выделяется его отношение к политике Александра I

⁴⁹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 29.

⁵⁰ Там же. Л. 28 об.

⁵¹ Там же. Л. 46.

и вел. кн. Константина Павловича. С начала восстания он пишет, что «излишние требования воинской Экзерциции, т.е. Капральство нынешнее сделалось нестерпимо», возлагая всю вину на великого князя: «Возмущение, кажется, было в Варшаве не общее, но Личное на особу великого Князя Константина Павловича, от недовольных им по службе»⁵². И справедливости ради добавляет: «отчасти также видно действовали не по Конституции здесь»⁵³ – мнение, распространенное в 1830-х гг., следовательно, этим высказыванием Волконский выражал неофициальное настроение определенных кругов аристократического сословия.

Другое дело его отношение к политике Александра I. В поденных записях, особенно после выхода автора в отставку, часто встречается оценка действий Александра I, сделанных как при жизни императора, так и после его смерти. Зачастую делается акцент именно на негативных чертах политики монарха. Так и в оценке причин Польского восстания Волконский возвращается к окончанию Наполеоновских войн: «Невероятно, какое было ослепление покойного Государя устроить царство Польское совсем против России, даже завести у них на свой счет литье пушек, пороховые и ружейные⁵⁴ заводы, выбрать всех поляков из российской Армии и соединить их в один Литовский Корпус»⁵⁵.

В этой оценке политики покойного императора князь рассматривает его деяния глобально, в контексте международного положения после Наполеоновских войн. Он обращает внимание на последствия принятых решений по вопросам международного устройства для многих европейских стран, ставя Польшу в один ряд с Италией, Бельгией и пр., возлагая всю вину именно на Александра I. «Достоинно заметить, что покойный Государь Александр 1-й, составя священный Союз, убедил и прочих союзных ему Государей, на весьма ошибочное, и неудоботерпимое долгое время Постановление Конгресса, Самовластно не токмо подчинить и отдать во владение народы другим нациям, но даже соединять народные антипатии долговременные, а именно, присоединить поляков к Российской Державе, устроя ее (т.е. Польшу. – С.Т.) царством на счет явной безыгодности России. Бельгию соединить с Голландией, и, наконец, Италию с Австрией»⁵⁶. После этого пассажа Волконский делает свой

⁵² Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 23 об.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Подчеркнутые слова подчеркнуты в тексте документа.

⁵⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24 об.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

традиционный вывод: «Таковая то ошибочная Политика, и Самовластие ныне производит народные волнения»⁵⁷.

Не всегда Волконский одобряет в своих поденных записях и деятельность правительства Николая I. Даже в личных дневниковых записях он никогда открыто не выражает недовольства его действиями, в отличие от времени правления Александра I. Однако и среди этих «сдержанных» записей просматривается некоторое сочувствие к полякам и неодобрение действий властей: «Слышно, что Армия Польская уничтожена и Мундир Польской уже заменяется российским, чем все, конечно, Поляки крайне недовольны и крайне оскорблены. А паче всего что дана всем бывшим в Варшавском штурме такая же медаль, какую давал Полякам Наполеон с Латинскою надписью *Virtuti Militari* («За воинскую доблесть». – С.Т.)»⁵⁸.

Таким образом, говоря о периоде Польского восстания или русско-польской войны 1830–1831 гг. в восприятии аристократических кругов, можно отметить, что неформальная коммуникация служила не менее значимым и достоверным источником информации, чем официальные газетные публикации. Подобная информация распространялась, прежде всего, в частных письмах и при личных встречах. Часть ее была наполнена слухами, которые воспринимались автором рассматриваемого «Дневника» критически и, зачастую, опровергались на тех же страницах. В отличие от официальных сообщений, данные неформальные содержат личное мнение автора, которое отражает общественные настроения в период «польского возмущения».

Библиографический список / References

1. Мелочи: Генералиссимус Суворов (из дневника кн. Д.М. Волконского, май 1833) // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. VI. С. 156. [Trivia: Generalissimo Suvorov (from the diary of Prince D.M. Volkonsky, May 1833). *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. VI. P. 156. (In Rus.)]
2. Мелочи: К характеристике Александра I. Старая икона // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. VI. С. 100. [Trivia: On the characterization of Alexander I. An old icon. *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. VI. P. 100. (In Rus.)]
3. Мелочи: Реформа Николая I. Либерализм Александра I // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. VIII. С. 294. [Trivia: The Reform of Nicholas I. Liberalism of Alexander I. *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. VIII. P. 294. (In Rus.)]

⁵⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 31.

⁵⁸ Там же. Л. 53 об.

4. Мельгунов С.П. Исторические прообразы героев «Войны и мира» // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. Vol. X. С. 29–36. [Melgunov S.P. Historical prototypes of the heroes of “War and Peace”. *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. X. Pp. 29–36. (In Rus.)]
5. Мельгунов С.П. Русские под Данцигом: Из дневников Д.М. Волконского // Голос Минувшего. 1916. № 5–6. С. 286–300. [Melgunov S.P. Russians under Danzig: From the diaries of D.M. Volkonsky. *Golos Minuvshego*. 1916. № 5–6. Pp. 286–300. (In Rus.)]
6. Тартаковский А.Г. Д.М. Волконский // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 114–185. [Tartakovskij A.G. D.M. Volkonsky. *1812 god... Voennye dnevniki*. Moscow, 1990. Pp. 114–185. (In Rus.)]
7. Трифонова С.А. Партикулярные поездки русского барина: путешествие князя Д.М. Волконского в свои имения в 1830 г. // Россия и современный мир. 2021. № 2. С. 14–28. [Trifonova S.A. The Particulars trips of a Russian gentleman: The journey of Prince D.M. Volkonsky to his estates in 1830. *Russia and the Contemporary World*. 2021 No. 2. Pp. 14–28. (In Rus.)]
8. Французы в Москве. 1812 год (из дневника кн. Д.М. Волконского) // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. V. С. 180–184. [The French in Moscow. 1812 (from the diary of Prince D.M. Volkonsky). *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. V. Pp. 180–184. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 23.03.2021, принята к публикации 24.06.2021
The article was received on 23.03.2021, accepted for publication 24.06.2021

Сведения об авторе / About the author

Трифонова Светлана Александровна – научный сотрудник отдела учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук, г. Москва

Svetlana A. Trifonova – scientific researcher at the Department of Accounting and Preservation of Documents, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: trifonova_s@mail.ru

Политические проблемы
международных отношений,
глобального
и регионального развития

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-114-121

A.S. Gomelauri

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

French “soft power” in the context of the pandemic: Limiting traditional ways of influence

This research is dedicated to the analysis of the specifics of implementing the “soft power” strategy in the context of the restrictions imposed as a result of the rapid spread of the COVID-19 pandemic. The paper presents the case of France – a country with a historically established tradition of “soft power”, which has repeatedly faced a decline in the effectiveness of this type of “power” as a result of external or internal problems. In all the cases France has skillfully restored its “attractive influence”, mainly based on cultural resources and practices. It is concluded that in the context of new challenges, the use of traditional mechanisms is no longer relevant and needs further revision.

Key words: “soft power”, cultural practices, COVID-19 pandemic, inter-state relations, France

FOR CITATION: Gomelauri A.S. French “soft power” in the context of the pandemic: Limiting traditional ways of influence. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 114–121. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-114-121

А.С. Гомелаури

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Французская «мягкая сила» в условиях пандемии: ограничение традиционных путей влияния

Данное исследование посвящено рассмотрению специфики реализации стратегии «мягкой силы» в условиях введенных ограничений в результате стремительного распространения пандемии COVID-19. В работе представлен кейс Франции – страны с исторически сложившимися традициями «мягкой силы», которая неоднократно сталкивалась со снижением эффективности такого вида «силы» в результате внешних или внутренних проблем, однако умело восстанавливала свое «притягательное влияние», преимущественно основанное на культурных ресурсах и практиках. Делается вывод о том, что в условиях новых вызовов использование традиционных механизмов более не является релевантной и нуждается в дальнейшем пересмотре.

Ключевые слова: «мягкая сила», культурные практики, пандемия COVID-19, межгосударственные отношения, Франция

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Гомелаури А.С. Французская «мягкая сила» в условиях пандемии: ограничение традиционных путей влияния // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 114–121. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-114-121

The COVID-19 pandemic has had an impact on the socio-political sphere of life. The spread of the virus not only limited social interaction, but also had a negative impact on international relations, significantly reducing the opportunities for building inter-state contacts through meetings, negotiations, exchanges of delegations and other traditional channels. The new environment in which all states have been placed has demonstrated that long-tested and steadily developing practices of inter-state interaction are ineffective when confronted with modern challenges. This problem has

become particularly evident in the area of soft power mechanisms used by states to build authority and expand spheres of influence.

The theory of “soft power” was proposed by the American political scientist J. Nye and, despite its controversial nature, [11] has since the early 1990s gained wide popularity not only in the academic, but also in the political environment. This is explained by the fact that the ‘soft’ version of influence met the demands of the times: with the end of the Cold War the emphasis in international politics shifted from the ‘arms race’ and open confrontation to strengthening cooperation between states and a desire to resolve conflicts through negotiations. The situation in the international arena required actors to work out “the ability to influence the behaviour of others to get the outcomes one wants” [13, p. 2], while remaining within the mainstream of liberal discourse, i.e. in line with the basic principle of “soft power” – getting others to want what you want through attraction and co-optation rather than coercion and payments [Ibid, p. 5–7]. However, the complication of interaction between the leading powers since the mid 2010s has raised the question of a new round of open struggle for spheres of influence. The spread of the pandemic, which has significantly limited contacts between peoples as well as between political actors, may lead to a greater chilling effect and, as a consequence, to a worsening crisis in international relations. “Soft power”, which could have had a positive impact on the establishment of inter-state contacts at various levels, has suffered significant losses as a result of the restrictions imposed under COVID-19. In these circumstances, it is particularly relevant to identify the problems faced by states that had previously successfully implemented soft power strategies.

The phenomenon of “soft power” existed long before its conceptualisation: J. Nye pointed out that “soft power” is “as old as history” [14, p. 81]. Russian scientist E.M. Kharitonova also points to the significant role of historical development in the formation of state “soft power”, considering the case of Great Britain, which used to be one of the largest world empires that managed to preserve some of its former power due to the resource capital accumulated over the centuries [7, p. 181]. A similar experience distinguishes France: for several centuries the country was among the most powerful powers in the world, standing out not only for its military, economic and diplomatic potential, but also for its attractive culture for foreigners, but by the early 20th century it gradually began to lose its significance as a “spiritual beacon of Western civilization” [1, p. 116]. However, for the time being, France is an influential player on the world stage, thanks to a long period of accumulated resources that form the country’s soft power. For example, according to the influential Soft Power 30 index, France is in the lead, ahead

of the UK, Germany, the US and other leading countries, [16] which is due to the success of its diplomatic and cultural missions [17].

The purpose of this article is to investigate the specificity of the French case of soft power in the context of the pandemic's limitations. Meanwhile, a risk analysis of this challenge is not possible without a retrospective review to identify already established soft power practices.

The history of French "soft power" is heterogeneous: for example, it is possible to identify periods when the state had great "soft power" and actively built up resources to strengthen this influence, and then lost them as a result of internal or external conflicts (for example, the era of the Bourbon dynasty from 1589 to 1792 ended with two years of terror, which was the result of the Great French Revolution, and characterized by numerous death sentences, often carried out in the absence of fair trial) [8, p. 87–88]. However, in this context it is also worth noting the paradoxical characteristic of French "soft power": in some cases its influence remained quite pronounced even during periods when France's "hard power" played a major role (the 'domestic' gallomania was observed during the Napoleonic wars, when the Russian aristocracy, even with the strengthening of conservative-nationalist tendencies, [2] continued to speak French, hire French cooks and governesses and introduce French manners) [4].

As J. Nye noted, the soft power of the state is based on three key factors: culture, foreign policies and political values promoted within the state and abroad [13, p. 11]. In assessing French "soft power" in the light of these conceptual constructs, it should be emphasized that, in the case of France, the most significant factor in the formation of attraction was culture, whose influence was not only felt in the Russian Empire. Periods of enthusiasm for the French way of life were observed in the 16th–19th centuries in practically all European countries [4]. It is important to note that along with 'domestic' gallomania there was also 'political' gallomania: thus the Enlightenment ideas expressed by leading humanist philosophers influenced the views of Catherine II, and the civic values of the French influenced the views of young noblemen who saw France during the Russian campaign abroad in 1813–1814. At the same time, the influence of political culture invariably proved to be less stable than that of domestic culture [Ibid].

The flowering of foreign enthusiasm for the French lifestyle came in the 18th–19th centuries, but from the 20th century onwards France's "soft power", built on the country's cultural appeal, began to decline [1, p. 116]. This was due to a number of factors, among which we can distinguish both external – World War I, which caused significant damage to the country, the fall of the Russian Empire, where the aristocracy supported the spread of 'domestic' French culture, the growing influence of the US, and internal –

the need for post-war reconstruction of the country, which became a priority task. The Versailles-Washington system of international relations was to strengthen France's position in a reformed world order: by the 1930s, however, it became clear that the League of Nations, which was supposed to preserve the established system and help achieve "international peace and security" [15] was failing to fulfil its assigned functions. Attempts to establish an inter-state system of engagement that would exclude the use of "hard power" and allow the development of "soft power" were not always successful. Whereas the Briand-Kellogg Pact of 1928, the result of Franco-American anti-militarist efforts, had a positive impact on France's reputation as a pacifist foreign power, the Four Powers Pact of 1933 reduced the credibility of France among the 'smaller' European states [5].

The Second World War had an ambiguous impact on the perception of France in the world: on the one hand, the country was among the victors, while on the other, it was significantly weakened. Over the next few decades, France's position on the world stage was viewed in the context of the bipolar world established by the leading powers – the USSR and the United States.

The Cold War led to the creation of blocs and organizations that predetermined the direction of further interaction between states. In 1948, the Western European Union was created to oppose any aggression policy and to promote democratic principles, human rights and cooperation in the economic, social and cultural field. In 1949, France signed the North Atlantic Treaty and became a member of NATO, while in 1951 the economic and industrial European Coal and Steel Community was formed and the European Union started to take shape. The inability to compete with the USSR and the USA, and the fears that these powers would build up a "hard power", led France to pay increasing attention to "soft power", which would encourage closer cooperation within the western European bloc. The drive to assert leadership in Europe was not only due to the loss of the United States and the Soviet Union: it was also due to the decolonization of France in the 1940s and 1960s (much of its overseas territories, most of them on the African continent, were lost).

The end of the Cold War changed the world once again. In 1990, 34 states signed the Charter of Paris for a New Europe, which established principles that became the basis for further cooperation: respect for human and civil rights, introduction of non-military mechanisms to regulate relations between countries, increased cooperation on humanitarian issues, etc. [9]. The Charter also proclaimed the high role of a common European culture and common values in bridging the "continental divide", stressing the need for such mechanisms to "improve mutual understanding" [Ibid] as cross-cultural centers and the introduction of cultural exchanges in various fields (science,

education, and the arts). Thus, a common, transnational, pan-European cultural and value base was being asserted. This trend emerged with greater clarity in 1992, when 12 countries, including France, signed the Treaty on European Union, establishing the EU. France became one of the leaders of the Union, gaining the opportunity to conduct ‘soft’ policy not only as an independent state, but also as a member of the Union, an active subject of international relations [6, p. 55].

The Lisbon Treaty adopted in 2007 established common political values (democracy, the rule of law, respect for human rights and freedoms, pluralism, tolerance, etc.) [10], to guide EU member states in their domestic policies and to promote them outside the Union [10]. The formation of a common axiological field has strengthened France’s position.

At the same time, in accordance with the specific resources at its disposal, France pursues its interests at the level of interstate interaction. The pillar of the country’s “soft power” is undoubtedly cultural diplomacy: [3, p. 177] its implementation is entrusted to state (Foreign Ministry, Ministry of Culture) and embassy-affiliated structures (“Alliance Française”, French Institute, cultural centers in embassies), as well as to intergovernmental organizations (“Francophonie”). In addition, a number of highly specialized institutes form a positive image of France: Campus France for education, Business France for entrepreneurship and investment, and the Future of the French Language for Francophone support. Finally, it is worth mentioning that the media, which broadcasts not only in French but also in English, Arabic, German, Spanish, Russian, Japanese and other international languages (France 24, TV5 Monde, Radio France International, etc.) are involved in the implementation of the country’s “soft power”.

In summary, France’s soft power is multifaceted, but its cultural dimension is historically the most significant. The country is characterized by a multi-layered soft power that allows it to delegate some tasks to a higher level. For example, membership of the European Union, which successfully competes with the world’s major powers, allows France to promote its values (political, economic and social) and interests above state level. At the same time, France is also using different channels and institutions of influence to build a soft power policy, already at the state level, according to the resources it has.

Despite these advantages, when faced with the pandemic challenge, French soft power has been significantly weakened. The reason for this is the reliance on institutions that require “live” interaction and the need to rapidly transform the methods used to meet the contemporary demands. Despite the extensive network of cultural and educational centers, their presence in the virtual field now often allows them to have an “attractive” impact on those who were already interested: those who studied French, those who were interested

in the culture and politics of the country. For example, in the pre-pandemic period, any tourist could visit the Louvre and be interested in French culture after listening to a guided tour in their own language, but now, even those who want to visit the museum website can only get information in French and, to a limited extent, in English, Chinese and Spanish [12]. Meanwhile, given the restrictions imposed, it is the Internet space that is becoming the venue for soft engagement, which should be taken into account by states wishing to promote their soft power strategies. In the event that countries that have traditionally been leaders in the field, thanks to centuries of accumulated resources and promotion mechanisms, fail to establish a strong presence in the virtual space, their position will be surrendered to their more successful competitors.

References

1. Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 114–125. [Kosenko S.I. “Soft power” as a factor in French cultural diplomacy. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2014. No. 1. Pp. 114–125. (In Rus.)]
2. Минаков А.Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2009. № 12. С. 12–17. [Minakov A.Yu. The emergence of Russian conservative nationalism in the first quarter of the 19th century in Russia. *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*. 2009. No. 12. Pp. 12–17. (In Rus.)]
3. Нагорнов В.А. «Мягкая сила» по-французски // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. С. 167–189. [Nagornov V.A. Soft power a la francaise. *International Organisations Research Journal*. 2014. No. 2. Pp. 167–189. (In Rus.)]
4. Орлов А.А. Галломания в России (конец XVIII – начало XIX в.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. С. 20–29. [Orlov A.A. Gallomania in Russia (late 18th – early 19th century). *Franciya i Rossiya v nachale XIX stoletiya*. Moscow, 2014. Pp. 20–29. (In Rus.)]
5. Потемкин В.П. Дипломатия в новейшее время (1919–1939). Электронная библиотека RuLit. URL: <https://www.rulit.me/books/tom-3-diplomatiya-v-novejshee-vremya-1919-1939-gg-read-198165-136.html> (дата обращения: 17.02.2021) [Potemkin V.P. Diplomatiya v novejshee vremya [Diplomacy in modern times (1919–1939)]. URL: <https://www.rulit.me/books/tom-3-diplomatiya-v-novejshee-vremya-1919-1939-gg-read-198165-136.html>]
6. Тимофеев П.П. Франция в диалоге Россия–ЕС // Современная Европа. 2010. № 3. С. 41–55. [Timofeev P.P. France in the Russia–EU dialogue. *Contemporary Europe*. 2010. No. 3. Pp. 41–55. (In Rus.)]
7. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х годов – 2010-е гг.): Дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. [Kharitonova E.M. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike gosudarstva: opyt Velikobritanii (vtoraya polovina 1990-h godov –

- 2010-е гг.) [“Soft power” in the foreign policy of the state: The experience of Great Britain (second half of the 1990s – 2010s).] PhD dis. Moscow, 2017.]
8. Яцук Н.А. Эпоха террора 1793–1794 годов: обыденность, жестокость или очищение? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 175. С. 86–96. [Yatsuk N.A. The Era of Terror 1793–1794: Routine, Cruelty or Purification? *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2015. No. 175. Pp. 86–96. (In Rus.)]
 9. Charte de Paris pour une nouvelle Europe. Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/2/39517.pdf> (date of access: 20.02.2021).
 10. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the functioning of the European Union. EUR-LEX. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12016ME/TXT&from=EN> (date of access: 20.02.2021).
 11. Hall T. An unclear attraction: A critical examination of soft power as an analytical category. *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. No. 3. Pp. 189–211.
 12. Louvre. URL: <https://www.louvre.fr/visiter> (date of access: 20.02.2021).
 13. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. New York, 2004.
 14. Nye J. The future of power. New York, 2011.
 15. The Covenant of the League of Nations (Including Amendments adopted to December, 1924). Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/leagcov.asp (date of access: 20.02.2021).
 16. The soft power 30: Overall ranking. Soft Power 30. URL: <https://softpower30.com/> (date of access: 20.02.2021).
 17. The soft power 30: France. Soft Power 30. URL: <https://softpower30.com/country/france/> (accessed 10.02.2021)

Статья поступила в редакцию 20.04.2021, принята к публикации 09.06.2021
The article was received on 20.04.2021, accepted for publication 09.06.2021

About the author

Angelina S. Gomelauri – postgraduate student at the Department of of Political Governance of the Faculty of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Russian Federation

Гомелаури Ангелина Сергеевна – аспирант кафедры политического управления факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: gomelauri@yandex.ru

М. Хагбин¹, А.Н. Животенков²

¹ Астраханский государственный университет,
414056 г. Астрахань, Российская Федерация

² ООО «ЗН Восток»,
14155 г. Тегеран, Исламская Республика Иран

Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии

В данной работе представлены исторические предпосылки определения правового режима Каспийского моря, изучены позиции и действия прибрежных стран на современном этапе. Также в статье рассмотрены различные аспекты Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, подписанной президентами всех прикаспийских государств в 2018 г. Сделана попытка выявить причины задержки ратификации Конвенции Ираном и обозначить его требования к остальным участникам переговорного процесса. Объектом настоящего исследования выступили интеграционные процессы в Каспийском регионе, а предметом – сама Конвенция и реакция представителей истеблишмента и экспертного сообщества Ирана на ее подписание. Авторы также проследили эволюцию правового режима Каспийского моря. Метод сравнительного анализа помог раскрыть суть противоречий сторонников и противников подписания Конвенции в Иране, а контент-анализ был применен в целях выявления качественных отличий предмета исследования от документов-предшественников. В заключении статьи авторы дают свою оценку видения сложившейся ситуации вокруг ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и делятся собственными соображениями по поводу принятия дальнейших конструктивных решений.

© Хагбин М., Животенков А.Н., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Каспийское море, прикаспийские государства, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, интеграционные процессы в прикаспийском регионе, Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Хагбин М., Животенков А.Н. Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 122–142. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142

M. Haghbin¹, A.N. Zhivotenkov²

¹ Astrakhan State University,
Astrakhan, 414056, Russian Federation

² ZN Vostok Ltd.,
Tehran, 14155, Islamic Republic of Iran

Iran's position on the ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in the context of integration processes in the Caspian

This research presents the historical background for determining the legal status of the Caspian Sea and examines the viewpoints and actions of coastal countries at the present stage. The article also examines various aspects of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, signed by the presidents of all the Caspian states in 2018. Furthermore, an attempt was made to identify the reasons for the delay in the ratification of the Convention by Iran as well as to recognize its requirements towards the other participants of the negotiation process. In general, the object of this research is the integration processes in the Caspian region, and the subject is the Convention itself and the reaction of the representatives of the Iranian leadership elite and the expert community to its signing. The method

of comparative analysis helped to reveal the essence of the contradictions between supporters and opponents of signing the Convention in Iran, and content analysis was applied in order to identify qualitative differences between the research subject and previous documents. In conclusion the authors present their vision of the current situation around the ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and share their own considerations on making further constructive decisions.

Key words: the Caspian Sea, Caspian states, the Convention, ratification, integration processes, Russia, Iran, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan

FOR CITATION: Haghbin M., Zhivotenkov A.N. Iran's position on the ratification on the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in the context of integration processes in the Caspian. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 122–142. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142

Акватория Каспийского моря долгое время считалась объектом разделения и совместного пользования двух стран – Ирана и России, как бы они ни назывались в различные исторические периоды. С распадом СССР на карте мира в Каспийском регионе появились новые государства: Казахстан, Азербайджан и Туркменистан. Таким образом, Каспийское море стало более сложным объектом с точки зрения принципов делимитации границ. Данное обстоятельство привело к многочисленным встречам дипломатов государств «Каспийской пятерки». Кроме того, были проведены 12 встреч на уровне министров, 5 президентских саммитов, заложивших фундамент для подписания первого в постсоветской истории всеобъемлющего соглашения (конвенции) о правовом регулировании в водах Каспийского моря и установлении его статуса. Поддержали и стали участниками данного соглашения все страны Каспия. Этот шаг выглядит немалым успехом. Во-первых, переговоры вели представители пяти равноправных стран-участниц, а процесс переговоров имел некоторые трудности, т.к. национальные интересы акторов пересекались, либо же вовсе не совпадали между собой. Во-вторых, бассейн Каспийского моря – это не только крупнейший источник водных и углеводородных ресурсов в центре континента, но и соединяющий судоходные реки транспортный узел и богатый биоресурсами источник [7]. Следовательно, лишь добрая воля стран-участниц договорного процесса, их способность идти на компромисс и стремление к сохранению мира в Каспийском регионе послужили тому, что Каспийское море стало «кольцом единения», а не «яблоком раздора», хотя все необходимые предпосылки для второго варианта развития событий также

присутствуют¹. Как ни странно, содержание упомянутого документа, равно как и последовавшие за его подписанием события ясно указывают на ряд сложностей, с которыми столкнулись прикаспийские государства.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря определяет принципы, по которым можно интенсифицировать интеграционные процессы в сфере безопасности, экономической кооперации, природопользования, защиты экосистемы и окружающей среды Каспийского бассейна, развития транспортного потенциала и др. Вместе с тем, рассматриваемый документ не устанавливает окончательные разграничительные линии на море, поэтому можно сказать, что сохраняется потенциальная проблема дезинтеграции прикаспийских государств. В этой связи следует отметить, что на сегодняшний день только Исламская Республика Иран не ратифицировала Конвенцию.

Итак, в данной статье рассматриваются история, современное состояние, перспективы развития интеграционных процессов с учетом содержания Конвенции, а также причины задержки ратификации указанного документа Исламской Республикой Иран.

Для лучшего понимания подходов, позиций и аргументов прибрежных государств обратимся к истории формирования нынешнего правового режима Каспийского моря.

Правовой режим водного пространства (Каспийского моря) в XX в. был установлен советско-иранскими договорами: Договором между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г., Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г.

Эти документы устанавливали положения о «свободе судоходства по всей акватории моря, свободе рыболовства за исключением десяти-мильных прибрежных зон, в которых соответствующие прибрежные государства имеют особые полномочия, запрете плавания судов под флагами некаспийских стран» [9, с. 113]. Однако данные соглашения не включали в себя вопросы о недропользовании, охране окружающей среды, транзитно-транспортных взаимоотношениях и т.д. Указанные сферы правового регулирования после 1991 г. приобрели еще большую актуальность на волне образования новых независимых государств на постсоветской территории, потому что Каспийское море и его

¹ Возможно, некоторые уважаемые читатели сочтут данное заявление идеалистичным и подвергнут критике мысль о том, что основными факторами заключения Конвенции явились договороспособность и независимое желание прикаспийских стран прийти к консенсусу и установить единый правовой режим Каспийского моря. В настоящей статье авторы последовательно и аргументированно отстаивают свое право на видение исследуемого процесса, в чем и выражается, в том числе, новизна данной работы.

нефтегазовые запасы стали лакомым куском как для государств-конкурентов в регионе, так и для крупных частных компаний. Началась упорная борьба за месторождения этих территорий на различных уровнях: от дипломатического до торгового, конечно, без военных действий. Часть республик бывшего СССР приняли решение вести разведку и добычу нефти и газа в любой из точек Каспийского бассейна. Такое поведение привело к нарастающим конфликтным ситуациям между странами, что привело к необходимости выработки нового правового режима в Каспийском море.

Затрагивая проблему правового статуса Каспия, подчеркнем в очередной раз и то обстоятельство, что столкновение интересов неизбежно при обсуждении вопроса маршрутов транспортировки и установления границ добычи для каждой из сторон. Ведь амбиций у всех стран много, значит, дипломатия в данном случае требует утонченной работы, чтобы никто не остался обделенным и был удовлетворен результатами такого разделения. Каждая из стран-участниц обосновывает свою позицию собственными финансово-экономическими оценками, в которых используются геологоразведочные данные, касающиеся объемов газа и нефти разных месторождений, в установлении контроля над которыми они заинтересованы [3, с. 242]. Можно согласиться с мнением И.С. Рожкова, что именно фактор энергоресурсов стал решающим для обеспечения благоприятной обстановки в обсуждении вопросов правового статуса Каспийского моря и позитивной кооперации в будущем [9, с. 112].

После распада СССР комиссия правительства Российской Федерации по «каспийскому вопросу» делала расчет на полное выполнение членами СНГ положений Декларации, которая была подписана в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. Для российской стороны самыми важными пунктами к выполнению стали гарантированный запрет на нахождение и передвижение судов некаспийских стран в акватории Каспийского моря и сохранение принципа «общей воды». К тому же это определило и тот факт, что согласование своих действий с Тегераном и Москвой в Каспийском море со стороны Баку, Ашхабада и Астаны (Нур-Султана) является обязательным. В свою очередь, новоиспеченные суверенные республики показывали свое настойчивое желание осуществлять разведку и добычу углеводородных ресурсов Каспийского бассейна, стремясь уйти от решения юридических вопросов о разделе территории на конкретные сектора. Самостоятельный и скорейший выход на внешние рынки, монетизация как можно большего количества ресурсов явились приоритетными задачами для бывших союзных республик [5, с. 42–43].

В качестве примера можем привести событие 20 сентября 1994 г., когда состоялось подписание крупного контракта Азербайджана с несколькими западными нефтяными компаниями. Таким образом, молодая тюркская республика продвигала разработку месторождений Гюнешли, Азери, Чираг. В ответ на такое решение Азербайджана последовала негативная реакция российской стороны, для которой предпочтительным являлось установление совместной кооперации в каспийских водах между прибрежными государствами [4, с. 73]. Азербайджанские нефтегазовые месторождения и сейчас очень привлекательны для инвесторов из третьих стран. Именно поэтому Баку выступил главным инициатором разделения Каспийского бассейна на конкретные сектора. В ходе такого секторального деления большая часть месторождений уходила под контроль республики, что давало заинтересованным западным финансовым структурам прекрасную возможность для действия. Москву не устраивал такой расклад событий, отчего руководство РФ было вынуждено предпринять шаги по корректировке своей политики в вопросах, которые касались освоения ресурсов Каспийского моря [8, с. 48–50].

В Астане тоже понимали, что стране представится шанс получить территории с наибольшими запасами углеводородных ресурсов, если произойдет секторальное деление Каспийской акватории. Руководители Казахстана строили свою политику таким образом, чтобы слезть с «сырьевой иглы» РФ. Они пытались выйти на мировые рынки, заключая выгодные сделки с другими странами, особенно с Китаем. Примерами здесь могут послужить запуск трубопровода Атасу–Алашанькоу и строительство нефтепровода Кенкияк–Кумколь для соединения месторождения углеводородных энергоносителей западной части Казахстана с КНР. Помимо этого, казахстанское правительство в 2006 г. приняло решение о присоединении к проекту строительства трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан, подкрепив юридически свое стремление вести самостоятельную политику на мировом нефтяном рынке. Казахская сторона показала свою гибкость при участии в процессе определения правового статуса Каспийской акватории, не забывая о своих национальных интересах. В итоге, Астана овладела крупнейшими секторами нефтегазовых месторождений, сохранив благоприятные отношения с соседями [Там же, с. 51–52].

Более проблематично шли переговоры между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном на юге Каспийского моря. По словам Н.П. Кольчугина, «Туркменистан выступает за разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы, либо зоны, на основе принципа срединной линии по договоренности с сопредельными Казахстаном и Ираном

и противолежачим Азербайджаном» [6]. С точки зрения иранского профессора международных отношений Пируза Моджтахедзаде, Туркменистан не желал участвовать в широкомасштабном конфликте из-за противоречивых позиций по правовому режиму Каспийского моря и предпочитает вести сдержанную политику в этом отношении. В целом, Ашхабад поддерживал позицию Ирана в данном вопросе [15].

Можно сказать, что Иран поставил для себя ключевой задачей недопущение посторонних стран в каспийские воды, особенно государств Запада. Так, Тегеран изначально выступал за равное и, по его мнению, справедливое разделение на секторы между странами «Каспийской пятерки». Причина заключается в том, что те 11% от общей территории моря, которые предполагались для иранской стороны, обладают наименьшими объемами запасов ископаемого топлива и, как следствие, в представлении иранской политической элиты, этот вариант неприемлем. Иран рассчитывал на получение 20% водного пространства [8, с. 48]. Именно поэтому, по мнению Кольчугина, Исламская Республика Иран остается самой неуступчивой страной-участницей процесса переговоров. Многие эксперты прогнозируют тупиковую ситуацию в обозначенном вопросе, а это значит, что иранцы не смогут получить те территории, на которые они претендуют. Представители остальных государств «пятерки» неоднократно делали заявления о «пробуксовке» дальнейших переговоров, т.к. предоставление 20% территорий иранской стороне видится невозможным [6].

Стоит отметить, что разница понимания сути советско-иранских договоров XX в. является не единственным поводом для дебатов в вопросах деления вод и недр Каспия. Некоторые эксперты не только России и Ирана, но и других государств апеллируют еще и к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Они считают, что указанный документ правоприменим в отношении принципов деления Каспийского бассейна между прибрежными государствами, а также вопросов пользования морским пространством, ресурсами и т.п. По нашему мнению, такой подход является юридически неточным и основанном на допущениях. Не секрет, что в настоящее время Каспийское море соединено с Азовским, и, на первый взгляд, оно подпадает под определение «замкнутых и полузамкнутых морей» в соответствии со ст. 122 Конвенции ООН². Но, как резонно отметил иранский специалист в области политической географии М. Хафезния, данный выход в открытое море появился в результате строительства Волго-Донского канала, который

² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

не является природным водотоком, поэтому данный признак правоприменения Конвенции ООН является несостоятельным [12, с. 117]. Исходя из вышесказанного, напрашивается вывод, что Каспийское море является внутриконтинентальным озером без прямого выхода в мировой океан, поэтому его дно не подпадает под определение континентального шельфа, данного в ст. 76 Конвенции ООН³ [9]. Таким образом, российские эксперты международного права резонно отмечают, что дно и недра Каспия не могут считаться частью «открытого моря», свобода пользования ресурсами которого прописана в ст. 86, 87 упомянутого документа [1, с. 132].

Учитывая разность подходов стран-участниц переговорного процесса к решению вопроса о пограничном разграничении Каспийского моря, о которых говорилось выше, факт совместного подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. после более чем двух десятилетий безрезультатных переговоров удивил общественность и многих политиков. В рамках данной статьи рассмотрим мнения иранской стороны о подписании исследуемого документа и причины задержки ратификации Конвенции со стороны Исламской Республики Иран.

В современном Иране сложилось два лагеря, по-разному оценивающих актауское соглашение. Критики Конвенции указывают на выбор неподходящего времени для переговоров по правовому статусу Каспийского моря, учитывая слабую позицию республики в тот период на международной арене, равно как и слабость ее дипломатических рычагов для решения экстерриториальных проблем.

После одностороннего отказа США соблюдать Совместный всеобъемлющий план действий и последовавшего за этим восстановления санкционного режима против Тегерана, ситуация вокруг Исламской Республики Иран обострилась. Крупные европейские нефтегазовые компании, например, французская Total, стали отказываться от участия в тендерах на территории Ирана. В условиях новой изоляции Тегерана со стороны западных стран «Каспийская пятерка» пошла на подписание Конвенции, тем самым ее участники показали, что прагматичные добрососедские отношения в регионе для них являются приоритетными. Ради «мира на корабле» прикаспийские государства поступились своими интересами развития отношений с США и их союзниками.

Элахе Кулаи, профессор международных отношений и бывший депутат парламента Ирана, назвала выход США из «ядерной сделки» и последовавшие за этим санкции против Ирана значимым фактором

³ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

в подписании соглашения в Актау. Она считает, что в 2002 г., когда президент США Джордж Буш-младший причислял Иран к «оси зла», прикаспийские государства придерживались схожего подхода и в том же году попытались вывести Иран из цикла переговоров первой каспийской встречи на высшем уровне в Ашхабаде. По ее словам, саммит в Актау прошел в таких же условиях, когда давление президента США Д. Трампа на Иран усилилось. Тегеран выбрал неподходящее время для того, чтобы сесть за стол переговоров о правовом статусе Каспийского моря, поэтому интересы Исламской Республики Иран не были учтены должным образом⁴.

Бывший посол Ирана в Баку Афшар Солеймани считает, что Россия ведет «двойную игру» с Ираном относительно Каспийского моря. «С одной стороны, русские подчеркивают, что любое решение по Каспийскому морю должно приниматься с согласия всех прибрежных государств, а с другой – они проконсультировались с каждой страной и достигли соглашения», – добавил он. Бывший дипломат также сослался на «незавершенность» конвенции и назвал неясным будущее для Ирана касательно важного вопроса Конвенции о разграничении недр в связи с подписанием двусторонних и многосторонних соглашений другими прикаспийскими государствами⁵.

В то же время Малекзаде, другой критик Конвенции о правовом режиме Каспийского моря, считает, что одним из важнейших возражений против исследуемого документа является отсутствие исполнительных гарантий. С его точки зрения, в Конвенции говорится, что пять прикаспийских государств не вправе передавать свои берега другой стране для их использования против одного из прикаспийских государств, но в этом смысле нет гарантии правоприменения указанного пункта. По его словам, данный документ не признает юрисдикцию Международного Суда в Гааге и не признает в этом отношении никакого другого международного источника авторитетным⁶.

Исследуя различные точки зрения по проблемам разделения Каспийского моря, можно прийти к выводу, что вопрос делимитации морских границ был и остается серьезным вызовом для прикаспийских государств на протяжении многих лет. В Иране эта проблема вызвала особую озабоченность, а правительство оказалось неспособно убедить общество в необходимости подписания договора. Независимо от юридических и исторических документов и заявлений экспертов, проблема

⁴ URL: tabnak.ir/003SdC

⁵ URL: <https://www.ilna.news/fa/tiny/news-655451>

⁶ URL: <https://www.isna.ir/news/97073017036/>

стала предметом обсуждения в массах. Отдельные лица, независимо от опыта, знаний и уровня образования, поставили себя в положение истцов и обвинили участников переговоров, дипломатов, Министерство иностранных дел, правительство и даже весь государственный аппарат Ирана чуть ли не в измене национальным интересам. Конвенция по Каспийскому морю была истолкована пользователями социальных сетей как «продажа страны» и «нарушение территориальной целостности»⁷.

В этой связи мы полагаем необходимым раскрыть позицию официальных должностных лиц, так или иначе поддержавших подписание Конвенции в Актау. Именно их видение данной проблематики может дать ответ на вопрос, почему действующие власти пошли на подписание Конвенции, несмотря на заведомую непопулярность условий «сделки» в народе.

Президент Ирана Хасан Рухани об этой конвенции заявил: «Иран получил особые привилегии в Каспийской конвенции... Россия, страна, которая когда-то претендовала на большую часть Каспийского моря, сегодня удовлетворилась всего лишь его долей в 17%. Россия, Казахстан и Азербайджан договорились о разделе северной части моря и его недр, и доля России стала 17% всего моря. А в южной части моря еще существуют проблемы между Туркменистаном, Ираном и Азербайджаном. Хотя с Азербайджаном у нас были хорошие договоренности, которые уже в процессе исполнения, но некоторые из этих вопросов еще не были решены. В области национальной безопасности мы достигли больших успехов»⁸.

Мохаммад Джавад Зариф, глава МИД Ирана, назвал неверными представления о доле Исламской Республики Иран в разделе Каспийского моря. На вопрос: «Правда ли, что предыдущая 50-процентная доля Ирана была уменьшена до 11 процентов?» Зариф ответил: «Нет, никогда не было 50 процентов в прошлом, и сейчас это не 11 процентов или какое-либо другое число. Кроме России и Казахстана, доли еще не определены». Министр иностранных дел также на вопрос «Отступило ли правительство от прав Ирана на Каспийское море?», ответил: «Это не так, Иран не отступил ни в чем»⁹. Окончательная доля Ирана в Каспийском море будет определена после переговоров с Туркменистаном и Азербайджанской республикой, двумя соседними странами в Каспийском море, и только на основании подписанного соглашения

⁷ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3427956>

⁸ URL: <https://www.mehrnews.com/xMcnM>

⁹ URL: <https://www.alef.ir/news/3970524029.html>

с этими двумя странами. Следует отметить, что данные переговоры ведутся МИДом на основании решения Высшего совета национальной безопасности Ирана. Утверждения совета, в свою очередь, должны быть одобрены Верховным лидером Исламской Республики Иран. Мохаммад Ибрагим Рахимпур, бывший переговорщик Ирана по Каспийскому морю, сказал, что прерогативой верховного лидера аятоллы Али Хаменеи является решение о доле Ирана в Каспийском море¹⁰.

Профессор международного права Джамшид Момтаз, отвечая на вопросы о правовом режиме Каспия, заявил, что следует учитывать не проценты, а сами ресурсы, и еще неизвестно, что получит Иран при определении границ в будущем, т.к. любая страна может иметь долю от 12 до 18% или более, но не иметь ресурсов на данном участке. В продолжение разговора он заявил: «Никаких договоренностей о разграничении не было, и этот вопрос должен обсуждаться на двусторонних переговорах с соседними прикаспийскими странами. Хотя некоторые страны пришли к соглашению между собой, но Иран еще не решил этой проблемы с соседними прикаспийскими странами»¹¹.

В свою очередь, глава секретариата по Каспийскому морю в МИДе и, по совместительству, посол Исламской Республики Иран в Казахстане Маджид Сабер заявил: «Мы даем гарантию иранскому народу, что мы не сделали ни малейшего отступления в отношении доли Ирана. Единственное, что произошло, – это то, что мы исключили две конвенции из ряда конвенций о правовом режиме Каспийского моря и после 21 года [переговоров] подвели итоги по остальным позитивным и решаемым вопросам, что позволило президентам пяти прикаспийских государств поставить свои подписи»¹². Сабер подчеркнул и другую актуальную для Ирана деталь – необходимость учитывать неблагоприятную географическую форму иранского побережья при делимитации границ. Он ответил и на вопрос о том, что произойдет с другими подписанными соглашениями, если соглашение о делимитации морского дна и его недр не будет достигнуто. «Если исходные линии и методы разграничения не будут определены, то выполнение некоторых пунктов подписанной Конвенции будет приостановлено. Согласно действующим постановлениям, до тех пор, пока не будет проведена делимитация границ, Иран будет защищать долю, на которую претендует, что составляет около 20%, и в этот период Иран не позволит ни одной стране приступить к разведке и разработке энергоресурсов. На эти 20 процентов

¹⁰ URL: <https://www.isna.ir/news/97052513230>

¹¹ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3426916>

¹² Там же.

территории распространяется не только наше право собственности, но и суверенные права»¹³.

Подобные представления о праве Исламской Республики Иран на конкретные процентные доли Каспийского бассейна исходят из толкования советско-иранских договоров. Обычные граждане Ирана и даже представители политических кругов часто говорят о том, что в 1921 и 1940 гг. Иран и Советская Россия подписали договоры, по которым справедливо разделили между собой владение Каспийским морем. На этом основывается утверждение о том, что распад СССР в 1991 г. не может влиять на права Ирана. Следовательно, оставшиеся постсоветские государства вместе должны унаследовать 50% своего права, а не перераспределять все Каспийское море. Это было бы верным, если бы между Ираном и СССР было такое соглашение. Но дело в том, что эти договоры не разделяют территорию Каспийского бассейна между Ираном и СССР. Обе страны лишь согласились иметь равные права судоходства в этих водах, пользоваться льготами и иметь право на рыболовство в отдалении от береговой линии до 10 морских миль¹⁴.

После пятого Каспийского саммита за пределами Ирана также поднялась волна противодействия принятию Конвенции о правовом режиме Каспийского моря с такими претензиями к правительству, как потеря 50%-й доли Ирана, уступка МИДа Исламской Республики Иран в ущерб национальным интересам и даже предательство и угроза территориальной целостности страны. Общей особенностью этих комментариев в соцсетях было отсутствие ясного источника, а также избегание ссылок на исторические факты и юридически обязательные договоры. По сообщению Государственного информационного агентства IRNA, часть критики в сторону иранского правительства была основана на утверждениях Раджаба Сафарова, российского персоязычного эксперта, выступившего на телеканале ВВС, который не был в числе московской переговорной группы и не имел информации о специфике переговоров по Каспийскому морю¹⁵.

Иранский профессор международного права и бывший дипломат Давуд Хермидас Баванд считает, что права Ирана на Каспийское море уменьшились и, если бы решение по этому вопросу оставалось в компетенции Международного суда, доля Исламской Республики Иран, вероятно, составила бы более 20%. Он подчеркнул, что об этом нельзя судить, не принимая во внимание политические отношения между

¹³ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3426916>

¹⁴ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3427956>

¹⁵ URL: <https://www.isna.ir/news/97052211934>

странами и фактор власти на международной арене. С точки зрения Хермидаса Баванда, Иран стоит один перед четырьмя прикаспийскими государствами: Россией, Казахстаном, Туркменистаном и Азербайджаном¹⁶.

Следует заметить, что в экспертной среде Ирана есть и представители более гибкого подхода к делению Каспийского моря. Ферейдун Маджлеси, иранский специалист и бывший дипломат, заявил: «Соглашение о правовом статусе Каспийского моря удовлетворило меня как эксперта. Эти 50-процентные иллюзии должны быть отброшены... Такого никогда не было ни в одном соглашении»¹⁷. Схожую позицию занял и П. Моджтахедзаде. Он заявил, что во время встречи глав Каспийской Пятерки в Ашхабаде некоторые политики и представители иранской прессы подняли вопрос о принадлежности 50% Каспийского моря Ирану, вследствие чего, сознательно или случайно, могли бы нанести серьезный ущерб национальным интересам Ирана в Каспийском море. «Первый шаг Ирана должен заключаться в том, чтобы забыть бесполезные дебаты 2000-х годов, такие, как вопрос о принадлежности пятидесяти процентов моря Ирану, или разделении моря на пять равных долей по 20 процентов между пятью странами и пр.», – добавил он [15].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что плюрализм мнений в экспертных и политических кругах по поводу прав Исламской Республики Иран на Каспий привел к неспособности выработать единую концепцию, в рамках которой Иран продолжил бы на деле переговоры со своими каспийскими соседями. Эти выводы подтверждаются конкретными фактами: в конце июля 2019 г., подчеркивая независимость и территориальную целостность страны, Дж. Зариф в парламенте Ирана заявил: «До сих пор любое решение в отношении Конвенции по Каспийскому морю принималось с разрешения Высшего совета национальной безопасности и за подписью Верховного лидера, а после прохождения всей процедуры он [законопроект] будет внесен [на рассмотрение] в парламент для принятия окончательного решения»¹⁸. Однако уже в середине апреля 2021 г. Амирхосейн Казизаде-Хашеми, первый вице-спикер парламента Исламской Республики Иран и один из кандидатов на 13-х президентские выборы в Иране (18 июня 2021 г.), в интервью российскому информагентству Sputnik на вопрос об отсрочке ратификации Конвенции парламентом Ирана заявил: «Правительство еще не представило

¹⁶ URL: <https://www.isna.ir/news/97052211593>

¹⁷ URL: <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3427956>

¹⁸ URL: <https://www.isna.ir/news/98050703575>

в парламент законопроект о Конвенции, чтобы мы бы ее ратифицировали... Правительство еще не смогло выработать свою четкую позицию [в отношении Конвенции по Каспийскому морю]. Нам [депутатам] еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем эта конвенция будет ратифицирована»¹⁹.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что внутривнутриполитические противоречия в Исламской Республике Иран оказали сильное влияние на вопрос полноценного утверждения Конвенции как основного источника правового режима Каспийского моря. Однако подписание указанного документа все же состоялось в 2018 г. в Актау. Следовательно, можно утверждать, что доводы ученых и экспертов международного права о необходимости установления уникального правового режима для Каспия в итоге совпали с представлениями и политической волей правящих элит прикаспийских государств.

Перейдем к рассмотрению самой Конвенции. Ее уникальность обозначена уже в ст. 1, где Каспийское море признается водоемом, а не морским пространством, что позволило разработать ряд особых принципов регулирования деятельности государств-подписантов Конвенции (подробнее см. [1]).

Кроме того, Конвенция вполне четко установила правила, которые каждая сторона обязалась выполнять (ст. 3). Это запрет на дислокацию войск иностранных государств (не участников соглашения) и на предоставление своих территорий некаспийским государствам с целью совершения интервенции или другого рода агрессии по отношению к любому из государств-подписантов; принцип передвижения судов по Каспийскому бассейну с использованием государственных флагов.

Среди пяти прикаспийских государств Россия как мировая великая держава и Иран как региональная держава, больше трех других прибрежных государств ощущают угрозу присутствия западных стран, в центре которых находятся США, НАТО и их союзники. Именно поэтому российский ученый-востоковед С. Притчин полагает, что вопросы морской региональной безопасности были рассмотрены и разрешены компромиссно, в пользу России и Ирана, которые изначально активно настаивали на запрете размещения военного контингента и объектов посторонних государств [7]. Это решение представляется победой российской и иранской дипломатии в контексте подписания Конвенции, т.к. новообразованные республики основу своей безопасности, развития и роста видели в разновекторной направленности во внешней политике.

¹⁹ URL: <https://sptnkne.ws/FWTY>

В этой связи стоит упомянуть, что Азербайджан и Казахстан не только пустили на свой углеводородный рынок западных партнеров, но и стали участниками американской инициативы «Каспийский страж», идея которой заключалась в установлении охранной зоны на Каспии под эгидой военных США. Программа началась в 2003 г. и представляла собой военно-техническое сотрудничество указанных стран. США также предоставляли военную технику и специалистов для подготовки вооруженных сил Азербайджана²⁰. Отмечается, что под предлогом противодействия терроризму и поддержания стабильности в регионе США преследовали целью оказать давление на Россию и Иран и подготовиться к возможной атаке на последний в связи с опасениями по развитию ядерной программы [2]. К 2022 г. в планах США было установление своего влияния на страны евразийского региона через Каспийское море и Персидский залив [10]. Но этому не суждено было сбыться. Уже в 2014 г. после 4-го саммита прикаспийских государств в совместном заявлении глав государств была обозначена приверженность идее недопущения вооруженных сил, не принадлежащих сторонам договора²¹.

Конечно, интерес новообразованных республик к США не пропал до сих пор, но после 2014 г. военно-техническое сотрудничество США с Азербайджаном и Казахстаном, по многочисленным заявлениям упомянутых прикаспийских республик, перешло в иную плоскость: это различные соглашения по транзиту вооружений и оборудования для американских вооруженных сил в Афганистане. В частности, в январе 2018 г. лидеры Н. Назарбаев и Д. Трамп подписали соглашение о включении портов Курык и Актау в транзитный маршрут специальных грузов с территории Азербайджана через Каспийское море, Казахстан и Узбекистан в Афганистан, и в мае закон о ратификации протокола о внесении изменений в соглашение с США вступил в силу после его подписания Н. Назарбаевым [14]. Несмотря на то, что подобные проекты с участием США в представлении России и Ирана являются факторами риска и дестабилизации обстановки в регионе, все же участники саммита в Актау пошли по пути взаимного учета интересов и подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. С одной стороны, Российская Федерация и Исламская Республика Иран не ставили

²⁰ Caspian Guard. July 27, 2018. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/ops/caspian-guard.htm> (date of access: 18.06.2021).

²¹ Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2014. 29 сентября. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4754> (дата обращения: 18.06.2021).

ультиматумов своим партнерам по переговорам относительно прекращения военно-технического сотрудничества по транзиту вооружений НАТО, с другой стороны, Конвенция закрепила запрет присутствия военной инфраструктуры некаспийских стран в регионе.

В Конвенции остаются нерешенными два вопроса. Один из них – это определение исходных линий, что должно быть согласовано на пятисторонней основе. Другой, более сложной задачей, является процесс по разграничению дна и недр Каспийских вод. На сегодняшний день северные районы моря полностью разделены между странами отдельными двусторонними или трехсторонними соглашениями, остается только южная часть (Иран, Туркменистан и Азербайджан). С.А. Притчин считает, что никакая из сторон соглашения не стала фавориткой либо же аутсайдером. По его словам, «Астана и Баку не только пролоббировали секторальный раздел морского дна в интересах недропользователей, но и сумели взять под свой контроль крупнейшие сектора с самыми значительными запасами нефти и газа» [7]. В свою очередь, побережье Ирана в Каспийском море, в отличие от других прибрежных государств, имеет вогнутую форму. Ввиду данного обстоятельства, соглашение сторон об учете неблагоприятной формы побережий стран при определении их исходных линий (ст. 1) ознаменовало поворотный момент в договорном процессе в сторону учета интересов всех стран-участниц в контексте будущих взаимных обязательств. В настоящее время Рабочей группой высокого уровня прикаспийских государств ведутся переговоры о соглашении по методике установления прямых исходных линий Каспийского моря. Так как ст. 7 Конвенции гласит, что «Внешняя граница территориальных вод является государственной границей», из этого следует, что, согласно ст. 78 Конституции Исламской Республики Иран, соглашение о способе определения прямых исходных линий, по всей вероятности, нуждается в утверждении четырьмя пятими от общего числа членов парламента Ирана [16, с. 307].

В январе 2021 г. Азербайджан и Туркменистан подписали двусторонний акт для урегулирования спора о праве собственности на Каспийское нефтяное месторождение Достлуг (Дружба). Фактически, затухание Нагорно-Карабахского конфликта и перспектива открытия новых безопасных автомобильных и железнодорожных маршрутов на Южном Кавказе создали благоприятные условия для достижения соглашения между Туркменистаном и Азербайджаном. Этот прогресс в области урегулирования отношений между двумя странами очень важен как с точки зрения юридических процедур, так и с точки зрения того, что указанные страны являются активными участниками диверсификации поставок энергоносителей, залегающих в недрах Каспия. Новые

газопроводы Каспийского моря увеличивают число поставщиков «голубого топлива» в Европу, тем самым укрепляют переговорную позицию стран ЕС по части закупок газа. Из этого следует, что РФ может потерять свое привилегированное положение в качестве основного и безальтернативного поставщика газа. В любом случае, будущее Транскаспийского газопровода будет зависеть и от политической воли Брюсселя, его готовности либо поддержать проекты, способствующие диверсификации источников поставки газа в Европу, либо сохранять стабильность отношений с давним партнером – Россией [11]. Несмотря на тот факт, что строительство Транскаспийского газопровода ни стратегически, ни экологически не является выгодным для России и Ирана, ст. 14 Конвенции устанавливает определенные условия его прокладки, требующие согласия других прибрежных государств. Таким образом, ситуация такова, что Исламской Республике Иран целесообразно как можно скорее урегулировать свои территориальные споры.

В ст. 15 рассматриваемой Конвенции упоминается окружающая среда и защита биологических ресурсов Каспийского моря. В связи с этим Исхак Джахангири, вице-президент Ирана, на Первом Каспийском экономическом форуме, называя защиту морской среды как общего наследия одним из приоритетов Каспийской пятерки, заявил: «Мы считаем, что любой план развития должен сопровождаться ускорением выполнения Тегеранской конвенции по защите морской среды Каспийского моря и протоколов к ней... Каспийское море обладает богатыми энергоресурсами, но страны бассейна должны соблюдать экологическое приложение, и должны быть соблюдены все необходимые правила, касающиеся экологии»²². Следует учитывать, что пять стран совместно используют ресурсы Каспийского моря, и экологическое состояние его акватории, разнообразие флоры и фауны влияют на все аспекты экономики и торговли прибрежных государств. Отсюда напрашивается вывод, что вопросы защиты окружающей среды Каспия лежат в плоскости совпадения интересов участников переговорного процесса. Таким образом, осознание необходимости бережного отношения к природе Каспийского моря подталкивает к сотрудничеству и способствует дальнейшей региональной интеграции, выражаемой в проектах по совместному строительству транспортных узлов и артерий, развитию транспортной энергетики и т.д.

Несомненным преимуществом Конвенции о правовом статусе Каспийского моря следует признать тот факт, что документ обладает приемлемой гибкостью, поскольку ст. 18 гласит, что положения

²² URL: <https://tn.ai/2074138>

конвенции могут быть изменены или дополнены с согласия всех сторон, поэтому возражения и опасения, высказанные иранскими скептиками, в случае согласия сторон, могут быть сняты путем подписания дополнительных протоколов.

Отдельно остановимся на непосредственном взаимодействии Ирана и России на Каспии. Для этих стран основными сближающими факторами явились стремление к отсутствию военных формирований некаспийских государств, стабильность на Южном Кавказе и в Центральной Азии, а также необходимость многостороннего подхода в региональных международных отношениях. Однако обе страны явно являются конкурентами с точки зрения рынков сбыта и транзита энергоносителей. Таким образом, Исламской Республике Иран необходимо быть готовым к сотрудничеству и здоровой конкуренции с Российской Федерацией. Последняя занимает особое место в ориентации Ирана на Восток, что не очень нравится странам Запада и некоторым иранским политикам и экспертам. К сожалению, взгляд Ирана на Россию начала 1990-х гг. не был объективным. Современная Россия сильно отличается от СССР [13]. События последних лет подчеркивают, что во внешнеполитическом курсе Ирана в отношении России наметились качественные изменения, направленные на наращивание сотрудничества и формирование добрососедских отношений, включая сферу правового урегулирования на Каспии.

В заключение можно сказать, что, невзирая на различия взглядов относительно значимости и последствий подписания Конвенции 2018 г., на сегодняшний день она является безальтернативным действенным документом, способствующим развитию новых транспортных артерий и экономической взаимовыгодной интеграции прикаспийских государств. Несмотря на наличие конкуренции на мировом рынке нефти и газа, страны-подписанты имеют все возможности для создания совместной инфраструктуры и производственных объектов с целью обеспечения экспорта энергоносителей. Указанный потенциал совместного роста, а также общие интересы в области безопасности и сохранения Каспийского моря могут явиться почвой для формирования устойчивых долгосрочных отношений стран-участниц.

Кроме того, угрозы безопасности со стороны сепаратистских группировок на пути транспортировки нефти и газа, незаконный оборот наркотиков, загрязнение окружающей среды, Нагорно-Карабахский кризис и т.д. подталкивают страны Каспийского региона к многостороннему сотрудничеству и укреплению отношений. В целом, прикаспийскими странами взят курс на интеграцию во всех сферах, включая политическое, военное, экономическое и экологическое. Подписание Конвенции

о правовом режиме Каспийского моря спустя десятилетия после начала переговорного процесса само по себе показало, что у политических элит прикаспийских государств появилось понимание наличия общих интересов и многосторонней взаимозависимости, что заметно проявляется во многих статьях данной Конвенции. С другой стороны, маркером сохранившейся разницы в подходах к решению «каспийского вопроса» является тот факт, что в этой Конвенции прибрежные государства так и не обозначили принципы определения исходных линий и разграничения дна и недр моря, их полноценное урегулирование было отложено до будущих двусторонних или многосторонних соглашений.

Несомненно, в настоящее время Исламская Республика Иран представляется основным игроком, затягивающим дальнейший переговорный процесс. В этой связи консенсус между иранскими ветвями власти ускорит процесс принятия соответствующих внешнеполитических решений. Ранее представители проправительственной партии реформаторов в парламенте 10-го созыва выступили с резкими заявлениями против подписания Конвенции. Разумеется, подобные высказывания были сделаны из-за озабоченности иранского общества и в целях сохранения территориальной целостности страны, но они породили скандалы в иранском обществе. С абсолютной победой консервативной партии в парламенте 11-го созыва, которую также высоко оценил Верховный лидер Ирана и назвал его «одним из самых сильных и революционных парламентов в послереволюционный период»²³, ожидается, что в будущем процесс ратификации Конвенции ускорится. Этому должны поспособствовать и результаты тринадцатых президентских выборов, в ходе которых к победе пришел представитель политического лагеря консерваторов Сейед Эбрахим Раиси²⁴.

Таким образом, без ратификации Каспийской конвенции парламентом Ирана дальнейший переговорный процесс будет очень трудным или даже патовым. Исламской Республике Иран целесообразно изучить все аспекты документа в контексте своих национальных интересов и, с учетом надлежащего понимания геополитики региона, воздержаться от излишних проволочек и сделать серьезный шаг в пользу его ратификации.

²³ Выступление великого лидера Исламской революции на встрече с депутатами Меджлиса XI Созыва Исламской Республики Иран в онлайн-режиме // Официальный сайт великого лидера Исламской революции Ирана. 2020. 12 июля. URL: <https://russian.khamenei.ir/news/4396> (дата обращения: 07.06.2021).

²⁴ URL: <http://fna.ir/1yym2>

Библиографический список / References

1. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // Труды ВНИРО. 2018. Т. 174. С. 129–142. [Bekyashev K.A., Bekyashev D.K. New international legal regime of the Caspian Sea. *Trudy VNIRO*. 2018. Vol. 174. Pp. 129–142. (In Rus.)]
2. Богданов В. Для чего нужна «Каспийская стража» // Российская газета. Федеральный выпуск № 3910. 2005. 27 октября. URL: <https://rg.ru/2005/10/27/azerbaydjan.html> (дата обращения: 14.06.2021). [Bogdanov V. Why do we need the “Caspian Guard”. *Rossiyskaya gazeta*. No. 3910. 2005. 27 October. URL: <https://rg.ru/2005/10/27/azerbaydjan.html> (In Rus.)]
3. Жизнин С.З., Гулиев И.А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22). С. 241–247. [Zhiznin S.Z., Guliev I.A. Energy diplomacy in the Caspian region. *MGIMO Review of International Relations*. 2012. No. 1 (22). Pp. 241–247. (In Rus.)]
4. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе: современный этап // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 71–92. [Zhiltsov S.C. Russian policy in the Caspian region: Modern stage. *RUDN Journal of Political Science*. 2013. No. 2. Pp. 71–92. (In Rus.)]
5. Завьялова Е.Б. Каспийская мечта и геополитическая реальность // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 1. № 5. С. 41–48. [Zavyalova E.B. The Caspian Dream and geopolitical reality. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2017. Vol. 1. No. 5. Pp. 41–48. (In Rus.)]
6. Кольчугин Н.П. Каспийское море: процесс выработки правового статуса остается в тупике // Сайт Института Ближнего Востока. 16 мая 2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14732> (дата обращения: 18.02.2021). [Kolchugin N.P. Caspian Sea: Legal status development process remains deadlocked. Institut Blizhnego Vostoka. May 16, 2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14732> (In Rus.)]
7. Притчин С.А. Конституция Каспия. О чем договорились пять каспийских стран в Актау // Московский центр Карнеги. 15 августа 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77043> (дата обращения: 14.09.2020). [Pritchichin S.A. Caspian Constitution. What the five Caspian countries agreed on in Aktau. Carnegie Moscow Center. 15 August 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77043> (In Rus.)]
8. Притчин С.А. Позиция России по международно-правовому статусу Каспийского моря и IV Каспийский саммит в Астрахани // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 44–65. [Pritchichin S.A. Russia’s position on the international legal status of the Caspian Sea and the IV Caspian Summit in Astrakhan. *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2015. No. 1. Pp. 44–65. (In Rus.)]
9. Рожков И.С. Энергетический фактор как триггер формирования международного режима Каспийского моря на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С. 110–126. [Rozhkov I.S. Energy factor as a trigger for the formation of the international regime of the Caspian Sea at the present stage. *MGIMO Review of International Relations*. 2018. No. 1 (58). Pp. 110–126. (In Rus.)]

10. Gerasimov O. Caspian Tangle. *New Defence Order. Strategy*. 2016. № 4 (41). URL: <https://dfnc.ru/en/c108-novosti-2-1/caspian-tangle/> (date of access: 18.06.2021).
11. Ghezal B. Provisions and consequences of the new agreement between Turkmenistan and Azerbaijan in the Caspian basin. The Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS). 8 February 2021. URL: <http://www.iras.ir/fa/doc/news/4365/> (date of access: 10.04.2021). (In Farsi)
12. Hafeznia M. et al. Explanation of geomorphological factors in the establishment of the legal regime of the Caspian Sea. *Human Geography Research Quarterly*. 2017. No. 49 (1). Pp. 115–131. (In Farsi)
13. Kiani D. Iran and Russia: Threats and opportunities. *Zamaneh*. 2008. No. 72. Pp. 4–10. (In Farsi)
14. Kouzegar Kaleji V. Place of Central Asia, Caspian Sea and Caucasus in the Northern Distribution Network. The Institute for East Strategic Studies. October 10, 2019. URL: <http://www.iess.ir/fa/analysis/2095/> (date of access: 10.06.2021) (In Farsi)
15. Mojtahedzadeh P. Iran and the legal regime of the Caspian Sea. Center for Strategic Studies. 13 August 2018. URL: <http://css.ir/owfyfv> (date of access: 18.06.2021) (In Farsi)
16. Seyrafi S. Baseline in the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. *The Public Law Studies Quarterly (PLSQ)*. 2020. No. 50 (1). Pp. 275–310. (In Farsi)

Статья поступила в редакцию 28.05.2021, принята к публикации 30.06.21
The article was received on 28.05.2021, accepted for publication 30.06.2021

Сведения об авторах / About the authors

Харбин Мохсен – аспирант кафедры политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет

Mohsen Haghbin – postgraduate student at the Department of Politology and International Relations, Astrakhan State University, Russian Federation

E-mail: hagbin@asu.edu.ru

Животенков Александр Николаевич – переводчик, ООО «ЗН Восток», г. Тегеран, Исламская Республика Иран

Aleksandr N. Zhivotenkov – translator, ZN Vostok Ltd., Tehran, Islamic Republic of Iran

E-mail: alexandr.novoross@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы» – всероссийский междисциплинарный журнал, посвященный изучению актуальных проблем истории и политологии.

Постоянные рубрики журнала (появляются в конкретном номере по мере появления статей данной тематики):

- Отечественная история
- Всеобщая история
- Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- История международных отношений и внешней политики
- Теория и философия политики, история и методология политической науки
- Политические институты, процессы и технологии
- Политическая культура и идеологии
- Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
- Политическая регионалистика. Этнополитика
- Конфликтология
- Документ с комментарием
- Критика. Библиография

Редакции журнала неинтересны материалы, основанные на компиляции давно известных фактов! Это не может считаться научной статьей!

Все присланные материалы проверяются при помощи программы «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна превышать 75%.

На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка.

Журнал строго следит за соблюдением следующих положений этики научных публикаций

Автор не должен публиковать рукопись, по большей части посвященную одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригинальную публикацию.

Представление одной и той же рукописи одновременно более чем в один журнал воспринимается как неэтичное поведение и неприемлемо.

Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть обозначены как соавторы. В тех случаях, когда авторы желают отметить вклад других лиц, помогавших в проведении представленного исследования, они могут указать их в разделе «Благодарности».

Все соавторы должны одобрить окончательную версию работы и согласиться с представлением ее к публикации.

Рецензирование

Помогает членам редакционной коллегии принять решение о публикации и, при соответствующем взаимодействии с автором, также может помочь ему повысить качество работы. Таким образом, рецензирование – не просто инструмент отбора, но и средство, повышающее научный уровень статьи.

Рецензент определяет актуальность темы, четкость определения целей и задач исследования, обоснованность выбора методов исследования, структурированность материала, логику доказательной базы, убедительность, стиль изложения материала, обоснованность выводов и т.д. Отмечается также личный вклад автора в решение обозначенной проблемы, логичность и доступность изложения, корректность использования привлекаемых источников. Рецензент выявляет значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не указанные автором. Рецензент также обращает внимание редакционной коллегии на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере его научной компетенции.

Язык публикаций

Журнал принимает к рассмотрению и публикует материалы на русском и английском языке.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2021.3

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 30.09.2021 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 9 п. л. Тираж 1000 экз.